

ВАЛЕРИЙ
ЛИСИЦКИЙ

СЫНОВЬИНА

ИГРОВИКА

Annotation

Каждый отец готов на многое пойти ради счастья любимого сына. Даже жестокий маньяк.

1.

Катя стояла у кромки леса, засунув руки в карманы старых потёртых джинсов, и ругала себя за дурацкую идею отправиться гулять в полном одиночестве. Поначалу это показалось ей вполне удачным способом избежать похода на пляж в компании надоедливой тётки, который неизбежно превратился бы в нескончаемую лекцию о её внешнем виде, манерах, привычках и увлечениях. Но, стоило кронам угрюмых сосен сомкнуться у неё над головой, как она усомнилась в правильности этого решения. И уже несколько минут провела, прислушиваясь к лесу и своим ощущениям.

Здесь, на краю вечно колышущегося зелёного моря, она выглядела чужой. Светлые волосы, выбритые на висках, футболка с ярким принтом и джинсы в обтяжку — всё это выглядело естественно и гармонично в большом суетливом городе, но не в лесу. Впрочем, Катя не думала, что чувствовала бы себя уютнее, даже нарядись она в мешковатый охотничий камуфляж. Если люди и встречают гостей по одежке, то дикой природе эти условности ни к чему. Чтобы чувствовать себя на своём месте в чаще, нужно иметь нечто такое в душе, чего она была лишена.

Девушка чувствовала себя не в своей тарелке. Даже несмотря на то, что в этой части Казачьего леса она бывала не раз, он внезапно показался ей незнакомым и страшным. Должно быть потому, что никогда раньше она не заходила в тень огромных деревьев в одиночестве.

Она даже хотела развернуться и отправиться обратно, по пыльной просёлочной дороге в Грачёвск, но от этого её удержала подростковая гордость. В конце концов, чего она испугалась? Если уж местные с десяти-двенадцати лет бегают по краю леса в одиночестве, чтобы собрать грибов или орехов, то ей-то чего трусить?

Нервным движением пригладив растрепавшуюся чёлку, Катя шагнула вперёд. В воздухе пахло смолой. Тёплый летний ветер играл пушистыми сосновыми лапами, загадочно нащёптывая секреты, подслушанные в дальних странах. Лениво перекликались морзянкой дятлы, и им вторил торопливый стрёкот поезда, мчащегося по железной дороге. Июль выдался необычайно жарким, но под сенью деревьев стояла прохлада. Катя немного расслабилась.

Засыпанная пожелтевшей хвоей тропинка петляла между шершавых стволов. Эту часть леса местные называли «хожей». По ней бродили в основном приезжие, не решавшиеся отправляться в настоящий бор. Там, в дебрях, существовал шанс встретить кабаньи лёжки, следы тяжёлых копыт и оставленные огромными когтями царапины на деревьях. Эта территория принадлежала охотникам и самым отчаянным грибникам. Впрочем, идти до дикой части леса предстояло ещё далеко — Катя не миновала даже безымянной крохотной деревеньки, уютно раскинувшейся на одной из лесных прогалин.

Спохватившись, девушка достала из кармана мобильный телефон и поглядела на экран. Связь ещё не пропала, так что возвращаться назад, чтобы отправить маме сообщение, ей не пришлось.

«У меня всё хорошо, гуляю по лесу» — напечатала она. Секунду поразмышляла, стоит ли в конце добавить смайлик, но решила этого не делать. Ей казалось, что мама считает жёлтые улыбающиеся рожицы признаком инфантильности. Торопливо нажав на кнопку

отправки, Катя сделала ещё несколько шагов и снова вытащила телефон. Ловко набрав пароль, она открыла сообщения и отправила ещё одно, с подмигивающей жёлтой рожицей. Чёрт с ней, с инфантильностью.

2.

Коротко брякнул мобильный, сообщая, что пришло сообщение. Света, лежавшая на банном полотенце, разостланном поверх мелкого речного песка, потянулась к сумке, достала телефон и улыбнулась, глядя на экран. Уже у неё в руке телефон издал звук ещё раз.

— Чего там? — поинтересовалась её сестра Марина, лежавшая по соседству.

— Катька пишет, что всё хорошо, — отозвалась Света.

Обиженно закрхтев, Марина перевернулась на бок и, посмотрев на сестру, проговорила, поджав губы:

— Ага, привет ей.

После чего она снова улеглась на спину, подставив ещё не ставшему невыносимо жарким солнцу объёмистый живот. Света, печатая ответ, опять не смогла сдержать улыбку и порадовалась, что Марина её не видит. Иначе бухтела бы целый день, жалуясь на племянницу.

Они удивительно не походили друг на друга. Настолько, что постороннему человеку едва ли удалось бы опознать в них родственниц. Марина, старшая сестра, являлась типичной «бабой» из тех, которые любят хамить в общественном транспорте и не считаются ни с чьим мнением, кроме своего. Её, казалось, было слишком много во всех отношениях: слишком много в талии, груди и бёдрах, слишком много в жизни сестры, слишком много звуков она издавала своими прокуренными лёгкими... Света же, напротив, с детства слыла тихоней и скромницей. Даже родив дочь, она ухитрилась сохранить по-девичьи изящную фигуру, говорила тихо и мало и, чем безмерно раздражала свою сестру, совершенно не умела спорить и отстаивать свою точку зрения. Типичная вечная жертва, одна из многих неприспособленных к жизни библиотекарей, воспитательниц и чиновниц, годами стоящих на нижней ступени карьерной лестницы.

— И чего она с нами не пошла? — проворчала Марина, поняв, что Света разговор продолжать не намерена. — Позагорала бы. А то дома перед компьютером всё сидит, не пойми, чего высиживает. А так, загорит — глядишь, и парень бы какой внимание обратил бы.

Светлана пожалала плечами:

— Ну, нравится ей в лесу. А пляжи она с детства не выносит.

— Ага... А ещё она советы не любит от умных людей получать. Ты думаешь, я не вижу, в чём дело? Сказала бы уж прямо: не хочу, тётъ Марин, тебя слушать, я самая умная.

— Марин, хватит.

Света отмахнулась от сестры раздражённо и немного устало. Она уже знала по опыту, что та не замолчит, пока не выговорится. Так и вышло. Старшая сестра, резко усевшись на полотенце, продолжила, повысив голос:

— Чего хватит-то? Чего хватит? Я ей добра желаю, между прочим! Она девочка хорошая, умная. Только без царя в голове, да.

Незаметно вздохнув, Катина мама попыталась вернуть разговор в мирное русло:

— Ей семнадцать лет всё-таки. Перебесится.

— Перебе-есится... — передразнила её старшая сестра противным голосом. — Ничего она не перебесится, если её не наставить как следует. Только у тебя на это никогда

характера не хватит, а Артём твой свалил, как только твоё пузо увидел! Да и чего бы не свалить, в Москву-то ты его вытащила уже! А Катька у тебя — что трава в поле растёт, без контроля! Рожала, чтоб Артёма удержать!

— Ну, знаешь ли!

Покраснев от злости, Света вскочила со своего полотенца и теперь стояла, глядя на сестру сверху вниз и гневно сжимая кулаки. Отношения с Артёмом у Марины не сложились с первого же дня их знакомства. Пророчить, что он уйдёт из семьи, старшая из сестёр начала сразу же, и когда её предсказание сбылось, она не упускала случая поддеть Свету давней историей. Ну ещё бы: поступила в столичный ВУЗ, хорошо училась, вроде как даже закрепились в столице. А молодого человека привезла из глуши ещё большей, чем Грачёвск. Познакомилась с местным на исследовании никому не нужного кургана. Раскопала сокровище, археолог!

— Что? — невозмутимо поинтересовалась Марина. — Что я не так сказала? Я же вижу всё.

— Когда же ты смотреть-то успеваешь? — прошипела Света. — Видимся два раза в год.

Марина обвела взглядом полупустой в утренний час пляж. Она понимала, что затевать ссору с едва приехавшей погостить сестрой, которой и так живётся нелегко с дочерью-подростком, не совсем правильно. Но и замолчать, уже начав говорить, Марина не могла. Она даже гордилась своей граничащей с хамством прямоотой, считая её лучшей чертой своего характера.

— Да там и смотреть нечего. Думаешь, ты одна такая на весь свет? Сама же жаловалась мне, помнишь?

— Жаловалась... И теперь очень об этом сожалею!

Немногочисленные отдыхающие уже всюю таращились на спорящих женщин, внимательно прислушиваясь к их разговору. Но обеим уже стало плевать: Марину чужие взгляды никогда не смущали, а обычно сдержанная Света распалилась слишком сильно, чтобы думать о наблюдателях.

— Я нормально живу! Нормально! Даже счастливо!

— Ого! — Марина зло рассмеялась. — Ну, дай боженька каждому такого счастья!

— Катя... — Света осеклась. — Катя — хорошая девочка! И мы живём с ней хорошо! Мы счастливы!

— Про Катьку верю, хорошая! Безотцовщина только, а у тебя характера на её воспитание не хватает, счастливица!

Марина знала, что у Светы не хватит духу ей ответить, никогда не хватало. Так и вышло: трясась от злости, младшая сестра рывком поднялась с полотенца и широкими шагами направилась к реке. Улыбнувшись, Катина тётя улеглась на полотенце. Она понимала, что так разговаривать со Светой жестоко. Но при этом её глодала острая необходимость заставить сестру признать свою неправоту.

3.

Лес наполнился звуками. В городе Катино подсознание научилось включать фильтр, который отсекал посторонние шумы, но на природе сделать это не получалось. Не отпускало чувство пристального взгляда, буравящего спину. Тревожность понемногу усиливалась, шаги замедлялись. Поэтому, когда позади неё сухо щёлкнула ветка, девушка вздрогнула и едва подавила испуганный крик. Сердце учащённо забило, а на лбу и спине выступила испарина, хотя ничего страшного и не произошло. Вроде бы.

Обернувшись, Катя внимательно всмотрелась в тропинку и кусты у себя за спиной. Кусты орешника застыли, словно тоже испугались резкого щелчка. Катя была одна. Ей неожиданно захотелось как-то отплатить за свой испуг, к примеру, показать высоким соснам кулак с оттопыренным средним пальцем, но девушка сдержалась. Некстати вспомнились услышанные в детстве сказки о лесных духах. О косматых чудищах, которые бродят среди высоких, как телеграфные столбы, стволов сосен, невидимые и неслышимые до поры до времени...

Лес из просто заросшего деревьями пространства вдруг превратился в то, чем являлся всегда: грозную древнюю силу. Чувство постороннего присутствия усилилось. Кате показалось, что из тенистых крон на неё уставились сотни глаз, злых и оценивающих. Они решали, можно ли считать её своей.

— Так, стоп...

Девушка несколько раз глубоко вздохнула и закрыла глаза, сгорбившись и прижав руки к груди. Сердце колотилось в ладони, словно запертая в клетку рёбер птица.

Катя изо всех сил старалась сохранить ясность мысли, дыша глубоко и ровно. Сердцебиение постепенно замедлялось, входя в привычный ритм, но мозг её продолжал работать в бешеном темпе, перебирая и просеивая самые разные звуки, долетавшие до неё. Стрекот железки, по которой мчались один за другим длинные составы. Стук дятлов по гулким стволам. Суевливый птичий гомон. Никаких потусторонних существ, прячущихся в ветвях деревьев. Обычная природа средней полосы. Прямо по учебнику биологии за какой-то там класс.

Резко выпрямившись, девушка откинула с глаз растрепавшуюся чёлку. Пришло время возвращаться домой. До дикой части леса оставалось ещё далеко, но продолжать путь уже не хотелось. Не хватало добиться ещё одной панической атаки. Катя всегда предпочитала оставаться в тех границах, где ещё могла контролировать ситуацию. И считала, что для девушки это очень полезная черта.

Она ещё раз оглядела лежавшую перед ней дорожку. Теперь Катя стояла лицом к знакомой части леса и готовилась отправиться домой. Совесть её чиста: она, как и обещала тётке и маме, прошлась по сосновому бору, причём довольно далеко. А значит, и на вопрос о том, где она провела время, врать не придётся. Но проблема оставалась в том, что возвращаться по той же тропинке Кате не хотелось. Это напоминало фильмы ужасов, где только что осмотренный предмет внезапно, пока герой стоит к нему спиной, неуловимо меняется. Так, что внешне даже не всегда получается увидеть разницу, но появляется ощущение жути. Тропинка, самая обычная, изгибавшаяся между мачтами древесных стволов, внезапно стала для Кати воплощением всех страхов, которые она испытывала перед лесом. И шагать по ней стало абсолютно невозможно.

Помявшись, девушка кинула взгляд в сторону чащи. Нет, туда тоже идти нельзя. Даже если не учитывать мистику, соваться в место, где шанс встретить кабана с поросятами выше, чем дедульку-грибника, не хотелось. Лес внезапно превратился в западню. Нервно обхватив себя руками и потеряв предплечья вспотевшими ладонями, Катя покачалась с носка на пятку. Нужно было что-то решать.

И решение пришло. Если возвращаться по той же дорожке нельзя — можно попытаться обогнуть её. Обойти кажущееся опасным место, и вернуться назад! Эта мысль казалась настолько простой и логичной, что Катя едва не рассмеялась. Не нужно даже далеко отклоняться от маршрута, достаточно будет нескольких метров. А деревья, лишённые веток в

нижней части, позволят видеть тропку.

Медленно успокаиваясь, девушка повернулась в сторону леса и зашагала перпендикулярно тропе. Хватило, как она и полагала, всего пары метров. Лес снова становился уютным и даже милым местом, вполне подходящим для прогулок. словно повернули ручку яркости, и ставшие на миг сероватыми кроны сосен налились зеленью, приветствуя тёплое июльское солнце. Девушка больше не ощущала себя чужой. По крайней мере до тех пор, пока где-то позади неё не хрустнула ещё одна ветка. И на этот раз — куда ближе.

Новая волна паники захлестнула её мгновенно. Катя даже не стала оборачиваться назад: взвизгнув, она рванулась с места, словно поднятый голодным волком заяц. Её инстинкты били тревогу, пожарной сиреной завывая о грозящей опасности. Сквозь пелену страха пробилась единственная трезвая мысль: если не будет звуков погони, то через несколько шагов необходимо будет остановиться, иначе появится риск остаться в этом лесу навсегда.

Но звуки возникли. Коротко рыкнув, нечто за её спиной помчалось следом, тяжело и грузно, но при этом поразительно быстро. Насмерть перепуганная, Катя бросила быстрый взгляд за спину.

Она ожидала увидеть за своей спиной что угодно. Случайно забредшего на край леса вепря. Одиравшую собаку. Воображение, подстёгнутое страхом, даже нарисовало картину неведомого чудовища, лохматого, когтистого и злобно скалящегося. Но всё оказалось настолько проще и в то же время страшнее, что девушка сбилась с шага и едва не упала на мягкую лесную почву.

За Катей, круша чахлые кустарники, с трудом пробившиеся в густых тенях разлапистых сосен, мчался мужчина. Его объёмистое брюхо, туго обтянутое выцветшей тенниской со стёршейся от времени надписью «Спорт», колыхалось при каждом шаге, то подпрыгивая вверх, то падая вниз почти до колен. За короткий миг, который Катя смотрела на него, девушка разглядела всё: и грязные стоптанные ботинки, порыжевшие от времени, и пятна бурой грязи на коленях серых брюк из грубой ткани, и желтоватые разводы пота под мышками. Единственное, что оставалось не в фокусе — это лицо преследователя. Оно выглядело размытым, словно Катя смотрела сквозь мутное стекло. Выделялись на нём лишь глаза, холодные и мёртвые, как у валяющейся на берегу тухлой рыбины, забытой пьяными рыбаками.

Из Катиного горла вырвался скрипучий клёкот. С трудом удержав равновесие, она пригнулась к земле и изо всех сил припустила туда, где по её прикидкам располагался Грачёвск, родной город тёти и мамы. Такой безопасный и знакомый с самого детства.

4.

Света, заплыв на середину неглубокого в этом месте Дона, с наслаждением нырнула, достав руками до дна, и подняла на поверхность две горсти песка. Знакомое с детства развлечение...

Злость, вызванная разговором с сестрой, медленно отступала, превращаясь в глухое раздражение. Если бы не дочь, которой возможность хоть время от времени покидать душную Москву шла на пользу, она бы даже не сунулась в это захолустье. Но ради Кати она привыкла терпеть многое. Даже Марину с её вечными скандалами и недовольством.

Хуже всего в общении со старшей сестрой было то, что зачастую она оказывалась права. Преподносилась эта правда чаще всего в форме оскорбления, но тем не менее. Артём ведь и впрямь сбежал от неё, едва завидев выпирающий живот. Почему бы и не сбежать, уже имея

постоянную работу в столице? Да и не дура ли она сама, надеясь привязать мужика ребёнком...

Почувствовав, что её мысли уходят в очень неприятную область самобичевания, Света набрала в грудь побольше воздуха и снова нырнула. Прохладная вода приятно освежала и помогала отвлечься.

5.

Погоня выматывала Катю. Ощущение дикого ужаса не отпускало ни на секунду, волнами накатывала паника, затуманивая разум и лишая возможности мыслить здраво. Реальность воспринималась девушкой обрывками, невнятными фрагментами, словно неловко смонтированная кинохроника. Мелькают слева и справа стволы деревьев. Низко висящие непропорционально длинные ветви до крови хлещут по щекам жёсткой хвоей. И фоном для всего происходящего — ни на секунду не смолкающий треск и хруст за спиной. И тяжёлое хриплое дыхание.

Преследователь был куда старше Кати. Лёгкость, присущая юности, уже много лет как покинула его тело. Пот катился с него градом, пропитывая дешёвую синтетическую ткань тенниски. Массивное брюхо всё сильнее тянуло к земле. Но он продолжал бежать со звериным упорством хищника, почувшего беззащитную добычу.

Неизвестный явно имел огромный опыт в передвижении по лесу, в отличие от привыкшей к прямым городским улицам девушки. Она совершала слишком много движений из стороны в сторону, спотыкалась и бестолково пыталась то защитить лицо от веток, то ухватиться пальцами за стволы деревьев. Обутые в лёгкие кеды ноги путались в траве, совсем недавно казавшейся мягкой и шелковистой, но на поверку оказавшейся прочной и жёсткой, как тонкие провода. Через каждые несколько шагов Катя теряла равновесие и, негромко подвывая, замедлялась, чтобы устоять на ногах.

Расстояние между жертвой и преследователем неумолимо сокращалось. Каждую секунду ей чудилось, что его шершавая ладонь вот-вот схватится за ворот её футболки. Но, даже достаточно приблизившись, мужчина этого не сделал. Он не собирался затевать борьбу и давать гибкой девушке шанс вывернуться из своих лап. Сократив расстояние до минимального, он резко и очень болезненно пнул Катю в икру. Натруженную мышцу моментально свело судорогой и, нелепо взмахнув руками, девушка повалилась на лесной ковёр. Из перекошенных в гримасе удивления губ вырвалось короткое и громкое:

— Мама!

Но волшебное слово, хорошо знакомое детям, не возымело своей силы. Только ворона снялась с ветки и полетела, тяжело взмахивая крыльями и громко возмущённо каркая.

Выгнувшись дугой и сильно оттолкнувшись руками от земли, Катя откатилась в сторону. И как раз вовремя: тяжело дышащий мужчина с мёртвыми глазами упал на четвереньки, схватив руками траву и сухие еловые иглы там, где она только что лежала.

— Сучка... — выдохнул толстяк.

Они замерли, лёжа на земле меньше, чем в полуметре друг от друга. И на Катю вдруг навалилось чувство нереальности происходящего. Страшный маньяк, безразличный лес вокруг, травинки, обвившие запястья — всё это показалось ей бесконечно далёким и будто бы нарисованным на бумаге. И оказалось, что почти не страшно смотреть в почерневшие от ярости глаза. Почти получалось не думать о том, что этот страшный кабаноподобный человек собирался с ней сделать.

Но всё же, когда преследователь дёрнулся в её сторону, Катя сумела заставить своё тело

среагировать. Молодость и худоба давали ей преимущество в скорости, которым она воспользовалась. Резво вскочив на ноги, девушка прыгнула в сторону. Отскок, правда, получился слабым. Даже несмотря на бурлящий в крови адреналин, правую ногу ниже колена продолжала сжимать в тисках жестокая судорога. Но и этой слабой попытки разорвать дистанцию хватило, чтобы мужчина схватил лишь воздух. Радоваться маленькой победе времени не оставалось. Развернувшись на месте, Катя попыталась бежать, неловко подволакивая ушибленную ногу и сильно отталкиваясь от земли здоровой. Она рассчитывала, что грузный противник попытается подняться с земли, а на это у человека его комплекции наверняка уйдёт немало времени.

Но девушка снова ошиблась. Мужчина знал, что вставать у него времени нет. Поэтому даже не попытался подняться. Из всех сил оттолкнувшись короткими, но мощными ногами, он выбросил вперёд руки и одним прыжком догнал свою жертву. Сильные пальцы впились в травмированную лодыжку, и Катя, не выдержав, издала громкий вопль. Отчаянно дёрнувшись, она попыталась высвободить ногу, но мужчина вцепился намертво. Злой оскал под мёртвыми глазами отразился в расширившихся от ужаса зрачках.

Снова по-звериному оттолкнувшись обеими ногами и вложив в новый рывок весь свой немалый вес, нападавший ударил Катю плечом в поясницу. Крик девушки оборвался на высокой ноте и она, охнув, повалилась на землю. На короткий миг пальцы мужчины разжались, и ей почудилось, что у неё появился шанс освободиться, но она ошибалась. Похожий на вепря мужик отпустил её ногу лишь для того, чтобы продвинуться ещё немного вперёд. Он лежал на своей жертве по-борцовски плотно, надёжно прижимая её к земле. Катя с ужасом ждала, что в следующий миг его руки начнут срывать с неё одежду, но этого не случилось. Маньяк переместился ещё выше, орудуя коленями и ступнями, и воздух покинул Катины лёгкие. Резкий запах застарелого пота ударил девушке в нос, заставляя закашляться, когда она попыталась вдохнуть.

Нападавший же тем временем вцепился в волосы лежавшей на животе девушки и с силой потянул на себя, заставляя её задрать голову. Его свободная рука скользнула под её горлом. Ещё раз хрипло рыкнув, мужчина сжал Катино горло, лишая её возможности сделать глоток воздуха. Дико вытаращив глаза, девушка затрепыхалась под маньяком, делая последние отчаянные попытки освободиться. Перед её глазами расцвели пульсирующие разноцветные пятна. Лёгкие заныли, а потом в них будто развели костры, наполнив их едким дымом. Грудь разрывало изнутри от боли и страха.

6.

Лёжа на своей жертве, маньяк считал про себя и внимательно следил за её состоянием. Он не обманулся, когда мышцы девушки свело судорогой, сворачивая её тело в тугую пружину. Терпеливо дождавшись момента, когда она безвольно обмякла, раскрыв рот и уронив блестящую капельку слюны на его локоть, он повременил ещё пару секунд и лишь после этого чуть ослабил хватку. Жертва не дёрнулась, не пошевелилась, не вздохнула резко, как делали те, кто притворялся. Успокоившись, он скатился с Кати и, встав на колени, перевернул её на спину. Послушал сердце, прижавшись ухом к рёбрам. Прикосновение упругих грудей к лицу порадовало и позабавило его, и он счастливо улыбнулся.

Сердце билось. Грудь едва заметно вздымалась. Лишь убедившись, что девушка не умерла, мужчина позволил себе расслабиться и пересел в более удобную позу. Неторопливо закулив «Приму» без фильтра, он сноровисто обшарил карманы жертвы. Выдернул из найденного телефона аккумулятор, сломал напополам сим-карту. Хотел было выбросить свои трофеи в кусты, но передумал и сунул их в карман. Продавать дорогую игрушку он не собирался. Просто, по его мнению, было куда надёжнее спрятать улики, выбросив всё в реку. Концы в воду, так сказать.

7.

Марина и Света вернулись с пляжа ближе к обеду. Раздражение от утренней ссоры ещё не сгладилось, но к теме разговора они больше не возвращались. Сжимая в руках сложенные банные полотенца, женщины шагали по пыльной улочке, засыпанной щебнем. Слева и справа от них стояли покосившиеся старые дома, все как один щеголявшие запущенными палисадниками с чахлыми цветочками. Перед некоторыми заборами стояли дорогие автомобили приехавших в гости к старикам родственников.

Грачёвск умирал. Света в который уже раз подумала, что время маленьких провинциальных городков уходит безвозвратно, но так и не озвучила эту мысль сестре. Во-первых, Марина бы не согласилась. А во-вторых, с этого началась бы новая перебранка.

В последние несколько лет младшей из сестёр казалось, что с каждым их приездов город выглядел всё хуже и хуже. Если многоэтажная его часть, в которой уже успели появиться супермаркеты и ночные клубы, ещё держалась, то частный сектор агонизировал. Дома ветшали на глазах, огороды зарастали бурьяном настолько быстро, что их престарелые хозяева не успевали бороться с сорняками.словно неведомая зараза поразила городок и выкачивала из него соки. Даже лица людей будто посерели, словно...

— Катька-то дома уже, наверное, — подала голос Марина, прервав Светины размышления.

Света слегка удивлённо посмотрела на свою сестру.

— С чего ты взяла?

— А ты думаешь, она там будет полдня шататься? Прошлась небось по краешку, да и домой развернулась.

Света кивнула. Она вообще сомневалась, что дочка заходила в лес. Скорее всего, стоя у самой кромки, написала ей сообщение и пошла обратно, читать или играть в планшет.

Сзади коротко рывкнул клаксон. Света испуганно вздрогнула, машинально отскочив в сторону, а Марина, более привычная к подобным выходкам, обернулась и грозно махнула

полотенцем на водителя:

— Да что творишь-то, дурак!

Впрочем, в её голосе слышалась улыбка. Шутника-водителя она неплохо знала.

— Извините, Марина Витальна! — громко выкрикнул он, высунувшись из окна ржавой «четвёрки» насыщенного баклажанового цвета. — Тороплюсь очень, Пашка дома один!

Марина отошла в сторону и широко улыбнулась мужчине, когда тот проезжал мимо.

— По делам мотался, Андрей Семёныч?

Но толстяк не ответил. Машина, тонко завывая ремнём генератора, промчалась мимо сестёр, обдав их клубами пыли.

— Это Андрей Семёныч! — крикнула Марина своей сестре. — Узнала? Святой человек! Сына отсталого один растит, да ещё и бизнесом занимается!

Света устало кивнула. И мужчину, и его умственно неполноценного сына она смутно помнила. Андрей Семёнович происходил из племени неулыбчивых людей, которые всегда замкнуты в себе и сосредоточены на своих проблемах. Такие зачастую прямо-таки истекают злобой, каждый день для них — это бой со всем остальным миром. Насколько Света знала, он единственный раз был женат, и его жена скончалась не то при родах, не то вскоре после них. И мужчина остался один на один со своим отпрыском, у которого скоро обнаружили серьёзное психическое отклонение — мальчик, даже став подростком, внутренне навсегда остался шестилеткой. Света припоминала, что будучи ребёнком, он каждое утро оглашал окрестности истошным воем, пугая её саму и Катю. Потом, повзрослев, орать перестал. А может, помогло вовсе не взросление, а в мощные затрешины, которые Андрей Семёнович, не жалея, раздавал своему наследнику.

— Каким бизнесом-то? — отстранённо поинтересовалась Света.

Андрей Семёнович ей не нравился. Мерзкий, грязный и неухоженный, злой, скрытный, за что им восхищаться? Но вот её сестра, похоже, могла бы с ней поспорить. Света мимолётно подумала, уж не положила ли Маринка глаз на толстяка? Характер у него не сахар, однако же вон, сумел дело организовать в таком захолустье.

— Бизнесом? — Марина выглядела слегка растерянной. — Да никто толком и не знает. Овощами какими-то торгует вроде бы. Занятой мужик, в разъездах всегда.

— Ну, удачи ему... — пробормотала Света и через газон подошла к двери сестриного дома.

Женщина постучала костяшками пальцев по окну, думая, что её дочь заперла дверь изнутри на засов. Никакой реакции не последовало. Она постучала ещё раз, громче. И сразу же повторила стук. В её груди заворочался первый червячок сомнений и беспокойства. Неужели Катя действительно гуляет в лесу? Одна, да ещё так долго...

— В наушниках сидит, наверное... — пробормотала женщина и сама поразилась тому, как неуверенно звучит её голос.

Марина, не отвечая, отпихнула Свету в сторону и вставила ключ в личинку замка. Громко щёлкнул, открываясь, старый механизм. Сёстры переглянулись.

8.

Звонок застал Артёма на пороге дома новой любовницы. Кристина убежала вперёд, чтобы привести себя в порядок, а он задержался на несколько минут, чтобы купить конфеты, шампанское и презервативы.

Настойчивая телефонная трель раздалась сразу же, едва он вошёл в квартиру. Несколько мгновений он хмуро глядел на экран смартфона, размышляя, стоит ли поднимать трубку.

Вообще-то у них со Светой существовала договорённость созваниваться строго в определённое время, и потому подходить не хотелось. Тем более в тот момент, когда Кристина в чём-то коротком и полупрозрачном мелькнула в конце коридора, переходя из одной комнаты в другую. Но с другой стороны, если он проигнорирует вызов, эта тупая истеричка сперва накрутит себя, потом накрутит дочь. И тогда они вдвоём будут названивать до тех пор, пока трубка не раскалится. Плавали, знаем. Какие уж тогда развлечения с Кристиной? Тяжело вздохнув, Артём смахнул большим пальцем по экрану телефона, принимая вызов.

— Да?

— Тёма! — Света, как и ожидалось, панически задыхалась. — Тёма, у нас беда! С Катей беда!

Кристина, легко покачивая бёдрами, подошла к Артёму и покрутилась перед ним, задев взметнувшимися волосами. Мужчина почувствовал, что у него сладко засосало под ложечкой.

— М-м-м, Свет, не до того сегодня. Давай в темпе! — он подмигнул беззвучно прыснувшей любовнице.

Света, похоже, его не слышала. Тяжело всхлипывая в трубку, она продолжила тем же тоном:

— Тём, у нас беда тут. Очень большая беда!

Кристина позволила обнять себя за талию. В голове Артёма слегка зашумело.

— Что за беда?

— Катя пропала!

Отвлёкшись от игры с любовницей, мужчина замер. Непонимающе нахмурился, глядя в пустоту.

— Чего? Куда она пропала? Где?

— В лесу!

Раздражённо ткнув любовника в грудь острым кулачком, Кристина подхватила с табуретки коробку конфет и, обиженно надув губы, удалилась на кухню. На смену минутному замешательству Артёма быстро пришла злость. Ну куда могла пропасть эта мелкая трусиха?

— Света! Ты чего несёшь вообще! В каком лесу?

— В Казачьем! Она ушла туда гулять сегодня утром, одна. И её до сих пор...

Не договорив, Света громко всхлипнула. И это разъярило Артёма ещё больше.

— Значит, вернётся вечером, Света! Чего ты истеришь-то? Чего меня звонками достаёшь опять? Света, ей семнадцать лет! Семнадцать! Вынь уже титьку у девки изо рта. Встретила мальчика, гуляет с ним, о времени позабыла.

Жена попыталась было ему возразить, но Артём прервал её быстро и решительно:

— Всё! Конец разговора! Я занят. И не названивай мне больше, чёрт возьми!

Не слушая больше плачущий голос женщины, он повесил трубку. Чёртовы идиотки! Обе, что жена, что дочь! Раздражение медленно таяло, стоило ему подумать обо всём хорошем, что ждало его в квартире Кристины. В конце концов, впереди у них ещё куча времени, Кристинин муж вернётся только в понедельник утром. С мечтательной улыбкой скинув ботинки, Артём пошёл на кухню.

9.

Пашку трясло, как в ознобе. Подумать только! Просто ух! Отсталый паренёк метался по

комнате, бесцельно хватая все предметы подряд и, не глядя, швырял их на пол. Этот день обещал стать самым удивительным и чудесным в его жизни!

Отец, вернувшись из леса, сразу же загнал машину в гараж, а это означало, что в багажнике «четвёрки» лежал очередной пленник. Пленников Пашка любил. Папа иногда разрешал ему поиздеваться над ними, а когда те оказывались женщинами и девушками — даже повторить то, что однажды показал на видео. Мужики тоже могли поразвлечь. Очень смешно было сесть напротив них, прикованных к стене, и слушать. Все они действовали одинаково. Сначала пытались подружиться с Пашкой. Потом подкупить дорогими подарками и деньгами. А потом, когда понимали, что толку в этом нет, начинали проклинать его и биться на узкой койке, пытаясь освободиться. В такие моменты Пашка хохотал, как припадочный, а однажды его даже стошнило от смеха.

Но это всё приносило покой и радость лишь на время. Даже несмотря на свою умственную отсталость, Пашка понимал, что пленники — не его друзья. Игрушки, да, и притом отличные, таких нет больше ни у кого! Но всё же он неосознанно мечтал о дружбе. Эти мечты во многом строились на его смутных и отрывочных воспоминаниях о матери, умершей очень рано. Что-то родное и тёплое, кто-то, кто принял бы его и любил...

Но такого он никак не мог ожидать!

В просторном багажнике универсала, неловко подогнув под себя ноги, лежала девчонка. Да ещё какая! Никаких грязных цветастых юбок, провонявших потом и блевотиной телогреек. Без огромных синяков под глазами, вены не покрывала вереница уколов. Её лицо не оплыло от пьянства, и даже все зубы, скорее всего, оставались на месте. Настоящая девчонка, красивая, как в телевизоре!

— О-о-о... — только и смог выдавить из себя Пашка.

— Нравится? — с гордостью спросил Андрей Семёнович. Несколько лет назад, когда он ещё не добавлял позорное, как ему казалось, уточнение «бывший» к слову «охотник», он с такими же интонациями интересовался у сына, нравится ли ему очередной привезённый из леса зверь.

И так же, как несколько лет назад, Пашка ответил, на этот раз шумно сглотнув слюну:

— О-о-очень! — и тут же торопливо добавил, чтобы отец не подумал лишнего и не рассердился: — Наша новая игрушка-развлекушка, да?

— Не, — Андрей Семёнович усмехнулся. — Это твоя жена.

И увидев, как взметнулись Пашкины брови, добавил:

— Будущая.

— Ого!

Умственно отсталый не знал толком, как ему на это реагировать, и предпочёл ответить нейтрально-удивлённо. Андрей Семёнович объяснил с несвойственным для него терпением:

— Это как игрушка-развлекушка, только навсегда. Или пока не надоест. Только твоя игрушка.

Пашка густо покраснел, глядя на Катю. Ещё несколько часов назад он и представить не мог, что сможет хотя бы прикоснуться к такой красивой девушке, а тут вот как оно обернулось! Собственная! Жена! Навсегда! Но на всякий случай он решил всё же кое-что уточнить.

— А жену её, ну... можно? Ну, это?

— Ага, — Андрей Семёнович широко улыбнулся. — Даже нужно! Как только тебе захочется. И можно ни с кем не делиться.

— Вау... Ну, с тобой я поделюсь, если захочешь!

Не сдержавшись, мужчина расхохотался.

— Посмотрим, Пашка... Ты пока погоди, нужно ещё, чтобы она согласилась. Жену в погребу держать нельзя, она...

Пожевав губами, мужчина махнул рукой.

— В общем, не сразу всё. Но со временем получишь, обещаю. А пока давай её вниз отнесём.

Андрей Семёнович ещё раз проверил, не наблюдает ли кто из соседей, после чего выгрузил пленницу на пол и прикрыл кучей тряпья. Выгнав машину на улицу, он вернулся в гараж и плотно прикрыл за собой дверь. Пашка с лихим гиканьем спрыгнул в смотровую яму и, ловко сняв с места держащуюся на магнитах фальшивую стенку, прогрохотал пятками по ведущим вниз ступеням.

Мужчина откинул в сторону прикрывавшие пленницу тряпки и провёл пальцем у неё под носом. Дышит. Ему не хотелось лишать сына такого лакомого кусочка. Он и сам бы не прочь повеселиться с этой «игрушкой-развлекушкой», как называл пленников Пашка...

Нет, нельзя. Мужчина рывком поднялся на ноги и вытер руку о штанину. Он всё же отец, и притом хороший отец. Нельзя так поступать с сыном.

— Готово, пап! — донёсся снизу Пашкин голос.

Будь девчонка кем-то из обычных пленников, он бы, не церемонясь, ухватил бездыханное тело за лодыжки и потащил вниз, с улыбкой слушая, как затылок стучит по бетонным ступеням. Но он надеялся, что в будущем она осчастливит его сына. Улыбнувшись, Андрей Семёнович заботливо поднял Катю на руки. Скоро ей предстояло очень волнительное знакомство.

10.

Дядьке Митяю перевалило за восемьдесят, и он давно привык к званию городского сумасшедшего, хотя и не считал себя таковым. Он просто был чуть более внимательным, чем окружающие. Возможно, чуть более чувствительным к вещам, которые бывает сложно объяснить. Но уж никак не умалишённым.

За свою долгую жизнь он научился разбираться в своих ощущениях. Если из глубины леса словно дул сухой горячий ветерок, который не ощущал никто, кроме него — в этот день стоило отправляться на охоту, жар сулил удачу. Холод обычно предвещал несчастья. В тот день, когда случился пожар на элеваторе, в котором погибло почти полтора десятка молодых мужчин и женщин, он проснулся от того, что его тело бил озноб, а мышцы сводило судорогой. Будто с разбегу нырнул в полынью на реке. С того дня минуло почти тридцать лет, а ему по-прежнему снилось в кошмарах это жуткое ощущение.

Сегодня же его настигло совершенно иное чувство. Он испытывал его и раньше, но так сильно — никогда за всю свою долгую жизнь. Это не походило ни на холод, ни на жар. Его душу саднило и дёргало, как руку, в которую впилась заноза. И он прекрасно знал, что если заноза останется в теле, то очень скоро на месте крохотной и почти незаметно ранки вздуется чудовищный гнойник, избавиться от которого можно будет только с помощью хирурга. И не факт, что обойдётся без ампутации.

Пообедав жидкой похлёбкой, он прилёг отдохнуть, спрятавшись от полуденного зноя в своём домике на окраине Грачёвска. После пятидесяти лет дневной сон легко и незаметно вошёл в привычку, и старик не видел причин отказывать себе в этом маленьком удовольствии. Но едва его голова коснулась подушки, как он тут же вскочил на ноги,

позабыв о больных ногах и сорванной ещё в молодости спине. Вытянувшись, как караульный на посту, дядька Митяй встал посреди избы, мелко дрожа и судорожно пытаясь пропихнуть в лёгкие хотя бы малый глоток воздуха. Каждый удар сердца отдавался болью. Ему даже показалось, что у него инфаркт, которым так давно пугали внуки, предлагая переехать к ним, в большой город.

Но боль быстро прошла, и остался только страх. И ещё странный привкус на языке, словно он, как в детстве, засунул в рот медную монетку. Привкус крови. Заноза вошла в ткань мироздания, и он, как обычно, узнал об этом первым.

Когда-то давно он бы тут же отправился к участковому и рассказал ему обо всём, пытаясь предупредить. Но с тех пор дядька Митяй изрядно поумнел, заматерел и набрался опыта. Он прекрасно понимал, что никто ему не поверит. Поэтому и действовать требовалось самому.

Торопливо натянув сапоги, старик со всей возможной скоростью вышел во двор. С крыльца его жилища открывался вид на широкое поле, за которым темнела лента Казачьего леса.

— Ух, ё... — пробормотал старик.

Лес, обычно исполненный спокойствия и умиротворения, кричал. Он пульсировал своим смолянистым дыханием и размахивал верхушками сосен, словно взывая о помощи. Поджав губы и прикусив их беззубыми дёснами, дядька Митяй спустился на ступеньку вниз. Идти одному не хотелось. Боль уже утихла, но осталась мелкая дрожь. Что уж там, идти не хотелось вообще. Но старик понимал, что сила, наделившая его такой чувствительностью, не слишком интересуется чьими-либо желаниями.

Неловко взмахивая руками, дядька Митяй спустился во двор. На негнущихся ногах пересёк его и открыл калитку. Ещё некоторое время он стоял, прислонившись к рассохшейся двери, пытаясь успокоить дыхание, и, наконец, нашёл в себе силы двинуться вперёд. Ему следовало бы дойти до дороги и по ней добраться до леса, но в голове старика даже не возникло такой мысли. Как в трансе, он ковылял к сосновому бору напрямик, разводя руками высокие стебли терпко пахнущей полыни и разрывая сапогами побеги вьюнка.

Чуть легче ему стало, лишь когда он вошёл в лес. Тени деревьев охладили пылавший, как в лихорадке, лоб, а пахнущей смолой и хвоей ветерок высушил нездоровый вонючий пот. Дрожь прошла, оставив после себя тянущую слабость. Приступ закончился так же резко, как и начался.

Дядька Митяй присел на поваленное дерево и, непослушными пальцами достав из кармана самокрутку, сунул её в рот. Прикурить удалось с третьего или четвёртого раза: спички, слабо чиркнув по коробку, падали на землю, не загоревшись. Наконец, старик добыл пламя. Горький серый дым густым облаком растёкся в воздухе, извиваясь на ветру и беспрестанно меняя форму.

Сгорбившись и опершись лбом о сухую, покрытую застарелыми мозолями и глубокими морщинами ладонь, дед заплакал. Он стал слишком стар и слаб для всего этого. Он опоздал. А значит, теперь совершившаяся беда будет расти, как запущенный гнойник, в утробе которого вызревают страшные последствия.

11.

Пашка, возбуждённый и радостный, умчался в свою комнату. Андрей Семёнович не сомневался, чем тот займётся в ближайшее время, но в этот раз мешать не собирался. Пусть выпустит пар, а то с него станется разболтать всему Грачёвску, что папка ему жену привёз...

Мужчина вздохнул и закурил, сев на край ямы в гараже, одна из стенок которой скрывала вход в подвал. Неожиданное, даже спонтанное решение больше не вызывало у него сомнений. В конце концов, Пашка вырос, и уже с трудом мог обойтись без подружки. Сколько он ещё продержится, даже время от времени расслабляясь с «развлекушками»? Месяц? Год? Два? Да и Андрею Семёновичу было по-отечески неудобно подкладывать под сына бомжих и алкоголичек, которых он ловил возле железнодорожных путей и на лесных тропках. Пашка, конечно, не брезгливец, да и не понимает ничего почти. Но и его тянет к своим сверстникам. К молодым, с ясными глазами, чистой и упругой кожей...

Всё это явно шло к изнасилованию. Парень просто не выдержал бы. А совершив преступление, вряд ли попытался бы хоть как-то замести следы. И тогда за ним придут менты. А долго ли сможет продержаться дурачок на допросах? Прежде, чем с перепугу решит рассказать о том, что у его папы есть подвал, о котором никто в городе не знает. И о том, как именно его папа этот подвал использует...

Андрея Семёновича передёрнуло, когда он подумал об этом. Вторым Чикатило, страшной сказочкой для взрослых, она становится не хотел. Пока всё тихо — пусть оно так и остаётся. Он же не ищет славы, как многие идиоты. Просто хочет спокойно дожить свой век.

Но вот девка, Катя, вызывала у него некоторые сомнения. Она вовсе не выглядела строптивой. Но что-то в ней виделось такое... А ведь её присутствие, несомненно, будет выводить Пашку из равновесия. Одно дело — смотреть на неё через забор, он и на местных девчонок так смотрит. И совсем другое — знать, что она всего в нескольких метрах, беспомощная, доступная... У него и у самого немного начинала кружиться голова от этих мыслей. А каково сыну с его особенностями?

Андрей Семёнович понимал, что его мир застыл в шатком равновесии. Если что-то пойдёт не так — рухнет всё, вся его выстраданная и выстроенная тяжким трудом жизнь. Чтобы этого не произошло, действовать придётся жёстко. Если она не сломается достаточно быстро, девку придётся пустить в расход. Это будет просто, он перерезал на своём веку достаточно глоток. Вопрос только, как это воспримет Пашка?

Хотя в любом случае, пока всё шло хорошо. Реализовать первую часть плана у него получилось именно так, как он и хотел, за исключением пары нюансов. А значит, можно было надеяться, что и в дальнейшем проблем не возникнет.

12.

Голова болела немилосердно. Стояла чудовищная духота. Воняло застарелой мочой и дерьмом. Потом. Плесенью. И чем-то ещё, тошнотворно-сладким. Через сомкнутые веки пробивался тусклый свет. Катя чувствовала себя больной и разбитой. Девушку не покидало чувство, что последние несколько часов её били палкой, особенно уделяя внимание голове и груди. При каждом вдохе лёгкие обжигало огнём, воздух скрёб горло, как наждачная бумага.

И всё же, где она? Ноги и руки ослабли и не слушались, как после наркоза. В голове плыл туман. Под спиной ощущалась жёсткая койка с тонким матрасом. Неужели она в больнице? Катя предприняла попытку открыть глаза, и свет лампочки без абажура внезапно превратился в дьявольское сияние сверхновой, грозящее выжечь сетчатку. Девушка со стоном сомкнула веки.

Если она в больнице, то как и по какой причине сюда попала? Она попыталась восстановить в памяти события последних нескольких часов. Прошлым вечером приехали в Грачёвск, к тётке в гости. На следующее утро, то есть сегодня, тётя Марина и мама разбудили её. Они хотели идти на пляж. Пляж... Катя нахмурилась. У неё что, солнечный удар? Слишком долго валялась на солнце? Нет, этого не может быть. Ведь загорать с родственницами она не пошла.

Воспоминания потихоньку поднимались в Катином сознании, как коряги, всплывающие из омута. И чем дальше она пыталась восстановить цепочку событий, приведших её на узкую койку, тем страшнее ей становилось.словно после некоторой по счёту коряги на свет явится утопленник. Она пока что не видела его, но уже предчувствовала, что из темноты вот-вот покажется бледная рука, навсегда скрюченная посмертной судорогой.

Она не пошла на пляж. Иначе тётя Марина, их семейный моралист, снова превратила бы безобидный отдых в заседание суда. И, чтобы не ходить, Катя ляпнула первое, что пришло в голову. Что она хочет погулять в лесу. Одна. В тишине и покое. От этого воспоминания девушку обдало холодом и мурашки побежали по спине. Как в страшной сказке, она ещё не добралась до самого пугающего, но её уже мучало предчувствие. Разволновавшись, Катя попыталась ещё раз открыть глаза. Яркий свет снова обжёт глаза, но на этот раз она успела разглядеть что-то ещё. Низкий серый потолок с тёмными пятнами плесени. Неровный, со следами инструментов, которыми он торопливо обрабатывался. Ни в одной, даже самой захолустной, больнице нет таких грязных, низких и вонючих палат...

Оставшиеся воспоминания всплыли разом, на мгновение оглушив Катю своим уродством. Тёмный, неудобный лес. Короткая погоня. Потный толстый мужик, придавивший её к земле своим рыхлым брюхом. Острый запах пота и гнилых зубов. И — вот он, утопленник — сильная рука, пережавшая ей горло.

Издав громкий стон, девушка выгнулась дугой и забилась на кровати, пытаясь сбросить ноги на пол и встать. Её пятки с глухим стуком ударились о застеленную тонким матрасом койку, и у неё почти что получилось. Она сумела раскачать непослушное тело и начала уже поворачиваться к краю, когда правое запястье неожиданно пронзила острая боль.

— Ум-м-м... — простонала Катя и рухнула обратно на жёсткую лежанку.

Сердце её колотилось, норовя выпрыгнуть из груди. Из-под прикрытых век потекли слёзы. Правая рука отказывалась следовать за телом. Содрогаюсь, словно от прикосновения к

чему-то мерзкому, девушка потянула руку на себя. Коротко брякнула, натягиваясь, цепь. Закреплённая висячим замком петля снова впиалась в тонкую кожу, обжигая, словно раскаленная докрасна. И тогда Катя зашлась в беззвучном крике, настолько долгим, насколько ей позволяли сжавшиеся от вони лёгкие.

13.

Света с маниакальным упорством звонила бывшему мужу. Счёт звонкам давно перевалил за второй десяток, а она всё набирала и набирала номер. Всю вторую половину долгого летнего дня она просидела на кухне, глядя на бродящую туда-сюда по дому старшую сестру и слушая её болтовню. Рассеянно и с каждой минутой всё более и более бестолково занимаясь домашними делами, та по деревенской привычке ругала «загулявшую» Катю.

— Ну как можно так долго шляться, неужто не понимает, что мать тут волнуется... — в полный голос возмущалась Марина, третий раз подряд смахивая с мебели пыль влажной тряпкой.

Обычно не склонная к наведению чистоты, в этот раз она прибиралась с нездоровой тщательностью, поднимая с полок даже намертво прилипшие друг к другу отсыревшие книги. Пыхтя от натуги, Марина передвигала шкафы и приподнимала столы, чтобы махнуть тряпкой там, где стояли их ножки. Но грязь, даже копившаяся неделями, рано или поздно заканчивается. Растерянно оглядевшись по сторонам, Марина предложила своей сестре поесть супу, но, не дождавшись ответа, махнула рукой и полезла в подвал за картошкой.

— Бессовестная! — нахмурившись, женщина говорила это куда более эмоционально, но при этом гораздо тише. — Ушла и пропала, подумать только! Хоть бы позвонила! Целый день в телефоне своём, а матери позвонить не додумалась!

Гневная тирада тянулась и тянулась, обрастая всё новыми претензиями к пропавшей. Руки Марины, привыкшие к нехитрому труду, ловко очищали картофель, срезая с клубней тончайший слой кожуры. Лезвие не соскользнуло ни разу. Но всё больше и больше картофелин, поблёскивавших желтовато-белыми боками, падало в таз, предназначавшийся для очистков. И всё больше ленточек кожуры летело на пол. Не замечая этого, Марина продолжала причитать о непутёвой племяннице.

Закончив чистить картошку, Марина вытерла руки о фартук и замерла, растерянно глядя на кастрюлю, в которой смешались очистки и готовые к варке клубни. Она словно позабыла, зачем это делала. Потом тряхнула головой и, бормоча о что-то о не знающих никаких приличий городских, принялась наводить порядок в заготовках. Наконец, кастрюля с лязгом опустилась на плиту. Расцвёл сине-жёлтый цветок газа.

Гонимая необходимостью делать хоть что-то, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями, Марина принялась ходить по дому, яростно хлопая дверьми. Её руки, словно беспокойные пухлые пауки, скользили по горизонтальным поверхностям, тут и там поправляя валяющиеся в беспорядке вещи. Её недовольный голос упал практически до шёпота, без устали призывая кары на голову Кати. Вот только придёт она! Вот только вернётся домой непутёвая! Марина как раз выравнивала висящие на вбитых в стену гвоздях кепки, чтобы каждая оказалась повёрнута козырьком к полу, когда до неё дошла, наконец, вонь подгорающей на плите картошки. Дико завопив, женщина ринулась к кастрюле.

Света не видела всего этого. Она сидела, замороженная тем, как медленно темнеют, наливаясь силой, тени в углах крохотной душевой комнаты. Мыслями она пребывала далеко, в лесу. Там, где такие же тени неторопливо выползали из-под кустарников и папоротников. И где, как она думала, находилась её дочь. Она пришла в себя, лишь когда тишину разрезал

резкий крик её сестры. На этот раз та явно обрадовалась к ней.

— Что? — переспросила Света.

— Картошку залить водой забыла! — отчаянно, словно от этого зависели жизни, завопила Марина, и тут же, не меняя интонации, продолжила: — Да что ты сидишь-то, будто задницей приросла к стулу! От Артёма толку нет! А смеркается уже! Кате позвонила хоть раз?!

Свету пробрала дрожь. Окрик сестры подействовал на неё, как оплеуха, возвращая в реальный мир. Действительно, чего она сидит?! Закусив губу, она дрожащими руками выхватила телефон из кармана и, со второй попытки введя графический ключ, принялась рыться в телефонной книге, позабыв, что добавляла телефон дочери в быстрый набор. В сердцах плюнув, Марина сорвала с себя фартук, швырнула, голой рукой схватив с плиты, раскалённую кастрюлю в раковину и в два широких шага очутилась возле входной двери.

— Я к участковому, — зло выдохнула она. И, не выдержав, добавила: — Дура!

Хлопнула дверь. Света не успела ничего возразить. Да и не собиралась она этого делать.

14.

Артём стоял голый посреди кухни своей любовницы и с наслаждением разглядывал своё отражение в дверце микроволновки. День прошёл просто чудесно, он сумел, наконец, расслабиться и в кои-то веки забыться по-настоящему. Почувствовать себя молодым, сильным и свободным — таким, каким он и являлся до того, как в его родную деревню приехала студенческая археологическая экспедиция из Москвы. Мужчина усмехнулся. На горбу молодой дурочки Светы ему удалось въехать в счастливую столичную жизнь, зацепиться, найти нормальную работу... а потом пнуть её под зад, едва та попыталась припереть его к стенке округлившимся брюхом.

Если бы он бросил её раньше, когда светлая мысль о детях ещё не пришла в Светину голову... Тогда он оставался бы самым счастливым человеком на свете. Избежал бы этих бесконечных звонков, полных завуалированных намёков на то, что настоящие мужчины не бросают своих детей. Артём усмехнулся. Откуда вообще бабы могут знать хоть что-то о настоящих мужчинах? И почему так любят бросаться этим убогим словосочетанием?

Он продолжал стоять, глядя, как раскалённый красный диск солнца опускается за изломанную высотками линию горизонта. Скоро зажгутся фонари. Жара спадёт, и можно будет прогуляться по парку, не изнывая от сухости во рту и ощущения липкости на спине и в подмышках. И Света продолжит яростно ему названивать...

Скривившись, как от горького лекарства, Артём поднял смартфон со стола. Тридцать восемь пропущенных! Он яростно скрипнул зубами. Все звонки, разумеется, с одного номера. Что же, он перезвонит. Света ответила сразу же, не успел смолкнуть даже первый гудок. Но разговор начал всё же её бывший муж:

— Да ты охренела совсем уже! Что тебе нужно?!

Некоторое время он молча слушал всхлипывания и причитания бывшей жены. Потом закурил, вытащив из Кристининой пачки мерзко пахнущую тонкую сигарету. Поморщился от дыма.

— Хорошо! — ответил он резко. — Я сделаю. Но номер укажу твой. И больше ты мне не звонишь. Ясно тебе?

Свете было ясно. А спустя несколько минут по поисковым организациям разлетелось небрежно составленное письмо, завершавшееся контактными данными Светы.

«Пропал человек! Утром девушка ушла одна в лес и не вернулась...»

15.

В то время, когда Артём отправлял информацию о пропавшей дочери, раскручивая маховик поисков, в маленьком провинциальном городке её тётка действовала проверенным веками методом. Участкового она нашла легко, тот, как и положено человеку солидному и уважаемому, коротал вечер у себя дома. Полицейский, кажется, даже обрадовался её визиту, хотя в обычных обстоятельствах вряд ли пришёл бы в восторг от идеи встать с уютного кресла перед телевизором и тащиться куда-то в предзакатных летних сумерках, когда жара едва спала и всё вокруг располагало к неге и отдыху. Но когда женщина постучала в массивную деревянную дверь, обитую железом, та распахнулась на удивление быстро.

— Да?! — рывкнул участковый.

— Валентин Георгиевич, у меня племянница в лесу пропала! — с ходу выпалила Марина, так как знала, что тот не любит долгих прелюдий к деловым разговорам. Она ожидала, что полицейский сразу же засыплет её вопросами, но тот ступешался и, замямившись, стрельнул глазами вглубь дома. И в тот же миг из угла прихожей, совмещённой с кухней, раздался дребезжащий старческий голос:

— Говорил я тебе, Георгиевич? А? Беда в лесу приключилась...

Зло взглянув сначала на Марину, потом на ссутулившегося в уголке беспокойного деда, полицейский хотел сказать что-то им обоим, но, раздражённо махнув рукой, закрыл рот и ушёл из прихожей по тускло освещённому коридору. Надевать форму, догадалась Марина. Пока его не было, она думала, что старик, с которым она осталась наедине, расскажет ей то же, что незадолго до того рассказывал участковому. Но тот молчал, обиженно поджав губы и хмуρο пялясь в узор трещинок на потолке.

Через несколько минут Валентин Георгиевич вернулся, и они быстро вышли на улицу. Полицейский не впервые занимался организацией поисков. По его же указанию Катина тётка позвонила Свете, чтобы отправить ту в местное отделение полиции писать заявление о пропаже.

— А как же трое суток? — непривычно робко поинтересовалась Марина, уже взявшись за старенький мобильный и поднося его к глазам.

— Сериалов меньше смотри! — отрезал мужчина в форме.

И процессия, возглавляемая Валентином Георгиевичем, за которым, словно свита за королём, шагали Марина и дядька Митяй, направилась по кривым улочкам одноэтажного Грачёвска, от двери к двери. Поначалу тётка пропавшей ещё пыталась принять участие в сборе добровольцев, но быстро уступила главную роль участковому. Во-первых, Валентин Георгиевич умел, когда нужно, говорить сухо, быстро, по делу и, что самое важное — убедительно. А во-вторых, её вспыльчивый нрав знали не только в пределах семьи, так что ей даже казалось, что многие сомневаются, помогать ли в поисках, именно из-за её присутствия.

Как бы там ни было, в частном секторе города ещё далеко не все утратили тот дух взаимовыручки, который всегда вырастает в маленьких общинах. Всё больше и больше людей соглашалось помочь. Так, постепенно, тройка двигалась вдоль по улицам, приближаясь к дому Андрея Семёновича. Когда полицейский в сопровождении Марины и известного своими чудачествами старика показали из-за угла, бывший охотник стоял, покуривая крепкую папиросу и облокотившись на гнилой забор.

Несколько лет назад маньяк непременно вздрогнул бы, когда Марина отделилась от компании и направилась напрямик к нему. Но он давно уже нарастил достаточно толстую

пшкуру для того, чтобы контролировать эмоции.

«Она ничего не знает!» — торопливо напомнил он самому себе.

— Здравствуй, Андрей Семёныч! — ещё не дойдя несколько шагов, крикнула Марина.

Она раскраснелась от быстрой ходьбы, по пухлым щекам стекал пот, а тяжёлая грудь вздымалась и опадала в такт дыханию. И мужчина, неожиданно для самого себя, испытал острый укол сексуального желания. Он давно уже знал эту женщину, с детства. И вот сейчас ему показалось, что он впервые поглядел на неё по-настоящему, хотя в этом резко охватившем его желании и проявлялось больше животного, чем человеческого.

— Здорово! — откликнулся Андрей Семёнович. К счастью, голос его не дрогнул. — Чего это ты с милицией? Случилось чего?

— Случилось...

И Марина принялась рассказывать своему старому знакомому историю, которую он знал и так, хотя и с другого ракурса. Но не слушал он по другой причине. Его мысли занимала не Катя, в этот самый миг рыдающая в потайном подвале под его гаражом и до крови терзавшая свою руку, пытаясь сбросить захлестнувшую запястье цепь. Из-за плеча своей тучной собеседницы мужчина смотрел, как неожиданно, не дойдя до двери дома напротив, споткнулся и замер, стремительно побледнев, дядька Митяй. Дико вытаращив глаза, сумасшедший старик завертел головой, словно искал что-то и, когда его взгляд остановился на Андрее Семёновиче, мужчина почувствовал, что под его кожу будто разом вошли тысячи раскалённых иголок. Из глаз старика исчезла привычная муть, он глядел строго и обвиняюще. Похититель почувствовал, что в его горле встал тягучий ком, который никак не получалось сглотнуть. А дед ухватил участкового за рукав и с силой потянул на себя, шипя и брызгая слюной.

Торопливо моргнув, Андрей Семёнович сбросил с себя секундное наваждение и повернулся к Марине. Он знал, что участковый обязательно обернётся к беседующей паре. Точнее, туда, куда укажет ему старик. Но увидит он лишь двух разговаривающих друг с другом людей. Один из них, точнее, одна, прячет страх и беспокойство за напускным раздражением. Второй слушает с вежливым сочувствием. Ничего подозрительного. Просто не самые близкие соседи общаются о случившейся беде.

— Ну, так что? — нетерпеливо спросила тем временем Марина.

— Что?

Андрей Семёнович упустил нить разговора, но женщина не придала этому значения.

— Пойдёшь с нами, Андрей Семёныч? Ты же ого-го какой охотник был, каждую сосенку наизусть знаешь.

Мужчина замялся. С одной стороны, ему следовало по-соседски, тем более по-приятельски согласиться. Но и планы на начало ночи он уже построил. Пашкину невесту требовалось проведать, накормить и объяснить, зачем она им понадобилась. Но только как отказаться от заведомо бесплодных поисков так, чтобы не вызвать подозрений? Сбитый с толку неожиданно пронзительным взглядом дядьки Митяя, он не смог быстро изобрести отговорку, но ему на помощь, сам того не зная, пришёл Пашка. В доме с грохотом рухнуло на пол нечто тяжёлое, и умственно отсталый пронзительно завизжал:

— Па-а-апка! Па-а-ап!

Воспользовавшись моментом, мужчина развёл руками:

— Марин, ну видишь же... Куда я его ночью одного оставляю?

Не дав женщине ответить, Андрей Семёнович бросил окурок под ноги, торопливо

растёр его подошвой тяжёлого башмака и в несколько широких шагов скрылся в доме. Спустя всего мгновение оттуда донёся звонкий шлепок, который издаёт кулак, встретившийся с рыхлым жирным лицом. Но Марина этого уже не расслышала. Или сделал вид, что не расслышала.

16.

Катя больше не плакала. Устав выкрикивать поочерёдно то мольбы, то угрозы, а то и просто бессмысленные, животные звуки, она опустила, наконец, на узкую жёсткую койку и лежала, тупо обводя камеру взглядом. Крохотное, душное, провонявшее человеческими выделениями пространство. Массивная дверь, обитая железом, явно самодельная. Возле неё — две грязные металлические миски, надёжно вмурованные в пол камеры. Девушку передёрнуло, когда она представила, что ей придётся есть и пить из этих мерзких, покрытых непонятного происхождения бурыми разводами ёмкостей. Но даже не они ужаснули Катю больше всего.

У дальней от двери стены находился источник тошнотворного зловония — вмонтированная в пол чаша Генуя. Напольный унитаз, похожий на те, которые встречаются в туалетах бензоколонок на трассе. Некогда белый, он проржавел насквозь. На ребристых поверхностях, предназначенных для ступней, виднелись коричневые наросты самых разных оттенков: от светлых, практически жёлтых, до тёмно-бурых. Слизь блестела в свете лампы накаливания, висевшей под потолком, и Катя старательно гнала от себя мысли о том, сколько человек испражнялось в разверзшуюся под ним отвратительную чёрную бездну. И о личинках, без сомнения, организовавших колонию в его вонючей утробе. И особенно усердно пленница старалась не думать о том, почему именно из отверстия в полу смердело разложением. Этот запах мало походил на то, как воняли в жару деревенские сортиры.

Сладковатый и едкий, он напоминал ей о случае, когда она, гуляя с друзьями по заброшенной стройке, набрела на дохлую собаку, несколько дней пролежавшую на солнцепёке. Тогда её, двенадцатилетнюю, едва не стошнило на новые кроссовки. Друзья заботливо увели её подальше от смердящего тела...

Теперь никто не мог спасти её от тошноты и слабости. И существовали вещи куда более страшные, чем вонь. Сжавшись в комочек на узкой металлической койке, застеленной тощим грязным матрацем, Катя мечтала снова почувствовать руки матери на своих плечах. В тот момент она ещё не знала, что они больше никогда не встретятся.

17.

Валентин Георгиевич, засунув большие пальцы под ремень форменных брюк, стоял перед Казачьим лесом, оглядывая свою импровизированную поисковую партию. Пятна света скакали по силуэтам деревьев, в ночной темноте похожих на чудовищ, тянущих свои лапы к людям. Впрочем, напугать это могло разве что городских жителей, которых в толпе не было.

Многие местные уже имели опыт поисков, и им не требовалось тщательное руководство. Во всех провинциальных городах жители забирают реки и озёра, но водоёмы Грачёвска в этом отношении считались на редкость «миролюбивыми». Зато лес едва ли не каждое лето пытался заполучить в свои лапы незадачливого грибника или охотника. И каждое лето эти люди успешно находились, причём всегда именно в тех местах, где не смог бы заплутать даже шестилетний ребёнок. Ошалевших и усталых, их всегда отыскивали всего в нескольких сотнях метров от входа в лес.

Но в этот раз Валентина Георгиевича снедало беспокойство. Смутное предчувствие того, что нужно готовиться к худшему, никак не отпускало. Скорее всего, девчонка отыщется

под одной из столетних сосен, зарёванная и смертельно уставшая. Возможно, чуть замёрзшая. Обязательно перепуганная, но целая и невредимая. Лес поиграется и отпустит, как и всегда.

Или нет?..

Тяжело вздохнув, участковый посмотрел на шнырявшего в толпе дядьку Митяя. Старик ловил то одного, то другого человека за рукав и, шамкая беззубым ртом, горячо что-то рассказывал, тыча узловатым пальцем в сторону таинственно шепчущего сосняка. Должно быть, пересказывал ту же самую чушь, что немногим раньше вывалил и на Валентина Георгиевича. И ведь совпало, как назло, что бы именно в этот день пропала девчонка! Теперь старого дурака уже не разубедить в собственной правоте.

Полицейский ещё некоторое время понаблюдал за городским сумасшедшим. Большинство людей отмахивались от его побасёнок, многие довольно грубо. Они пришли делом заниматься, а не байки слушать, оно и понятно. Но находились, особенно среди стариков, и те, кто слушал его внимательно, хмурия брови и кивая головой в знак согласия. И это уже тревожило. Хотя Грачёвск и не считался глушью в прямом смысле слова, но многих его жителей от средневековой дикости и суеверий отделяла очень, очень тонкая грань.

Участковый, проведя короткий инструктаж, повёл людей в лес. Растянувшись широкой цепью, грачёвцы шагали по «хожей» части бора, вода по сторонам лучами фонарей. И больше всего опасались того, что Катя невероятным образом могла перепутать направления и отправиться туда, где её едва ли получится отыскать. В самую чащу, на принадлежавшую лесному зверью территорию.

18.

Андрей Семёнович сидел за столом, подперев голову кулаком. Его левая рука, словно живущая сама по себе, время от времени скользила по столу, хватая и поднося к губам мужчины то пивную бутылку, то тлеющую на краю пустой консервной банки папиросу, то кусочек чёрствого чёрного хлеба. По мере того, как на городок медленно опускалась ночь, он успокаивался всё больше и больше. Время от времени маньяк слышал, как мимо его дома проходят, глухо переговариваясь, люди. Они искали похищенную девушку в лесу и, разумеется, ничего не нашли.

Первый день прошёл достаточно спокойно. Несколько моментов заставили его сердце биться учащённо, к примеру, когда ему пришлось проехать вплотную к Марине и её городской сестре. Но он совладал с собой и даже смог перекинуться с женщинами несколькими фразами. Хотя все его мысли вертелись вокруг того, что их родственница, племянница одной и дочь другой, в это время лежит, неудобно подогнув по себя руки, полузадушенная, в багажнике его автомобиля.

Слабое беспокойство по-прежнему вызывал Пашка. Он едва не раскрыл их вечером, когда мимо участка шёл полицейский, а сам Андрей Семёнович беседовал с Мариной. Мог бы догадаться, что перевозбуждённым дурачком овладеет желание позаботиться и пообщаться. Что он, оставшись один, попытается приготовить и притащить ей жратву. Хорошо хоть, уронил горячую кастрюлю прямо у выхода из дома. Валентин Георгиевич — это, конечно же, не гениальный опер из сериала. Но мужик умный и внимательный, да ещё сумасшедший дед его наверняка накрутил... Андрей Семёнович не знал, как объяснить бы, зачем его полоумный сын тащит в ветхий гараж еду, пусть та и напоминала больше свиные помои, чем человеческую пищу.

Сейчас Пашка лежал в своей грязной постели на втором этаже, размазывая кровавые

сопли по лицу. И плакал. Или, возможно, мастурбировал, мечтая о запертой в подвале Кате. Девушку, кстати, не мешало бы и накормить, но у Андрея Семёновича уже не оставалось сил на то, чтобы подняться с кривоватого стула и отнести ей еду. Вылив остатки пива в рот, он поднял со стола опустевшую бутылку и отправил под стол, где она звонко загремела блестящими боками. Андрей Семёнович уронил голову на стол и пьяно захрапел, пустив на стол густую, тягучую слюну.

19.

Ночью дядька Митяй так и не смог заснуть. В темноте саднящее чувство усилилось, и, проворочавшись несколько часов на посеревших от времени и грязи простынях, он безнадежно махнул рукой и поднялся с кровати. Он ощущал необходимость действовать, вот только понятия не имел, как именно. Уже стало ясно, что произошедшее днём связано с пропавшей девчонкой. Кто же станет прислушиваться к сумасшедшему? Участковый вон, хоть и постарался отнестись с пониманием, отмахнулся при первой же возможности. Отвали, дядька Митяй, тут настоящее дело появилось, а не твои бредни и предчувствия!

Дядьку Митяя обижало такое отношение, но к обиде он давно привык. Не первый раз уже пытается кому-то что-то доказать, и ни разу ещё не бывало, чтобы милиционер или иной представитель власти его послушал. Вот и Георгич...

Старик вспомнил, как его захлестнуло чувство опасности, когда они оказались возле дома бывшего охотника, толстяка Андрея Семёновича. Он вызывал у дядьки Митяя отвращение, смешанное со страхом ещё с того времени, когда был ребёнком. Причём страх заметно усилился за прошедшие годы. Он словно вырос вместе с этим мужчиной. Как, скажем, растёт дикий зверь, превращаясь из забавного шерстяного клубочка, глуповатого и безвредного, в когтистую машину для убийства. И в этот раз рост дикого зверя проморгали, позволили ему заматереть и убедиться в собственной безнаказанности...

Остаток ночи старик провёл, шатаясь туда-сюда по кривым улочкам, шаркая и загребая ногами в старых сапогах щебень. Мысли о пропавшей девушке, Андрее Семёновиче и неведомом зле, растущем и зреющем прямо посреди города, ставшего ему родным, вертелись в голове старика всё быстрее. Он постепенно погружался в состояние, одновременно похожее на транс и горячечный бред.

Когда же на востоке забрезжил рассвет, дядька Митяй понял, что нужно делать. Несколько покрытых слоем пыли машин промчались по узким улочкам в сторону леса. На борах смутно виднелись в предрассветных сумерках эмблемы, изображавшие не то компас, не то розу ветров. Поисковики! Новые, ещё не знакомые с ним люди. Способные выслушать его непредвзято. Способные поверить ему!

Он хотел немедленно отправиться вслед за новоприбывшими, но в этот самый миг усталость, словно тяжёлое пуховое одеяло, легла ему на плечи. Ноги старика задрожали, колени подкосились, и он, скорее всего, упал бы, если бы не успел вцепиться в столб. Дядька Митяй с тоской вспомнил о временах своей молодости, о военном времени. На войне было страшно, куда страшнее, чем сейчас, но выручали молодость и врождённая выносливость... Тогда у него выходило не спать и по двое-трое суток. Больше семидесяти лет прошло, и он уже настоящая развалина, как душа-то в теле держится...

Отгнав от себя грустные мысли, дядька Митяй кое-как распрямился и зашагал в сторону дома. Пока голова относительно ясная, а руки с ногами не отсохли, он ещё на многое способен. Нужно только немного отдохнуть. Хотя бы пару часов.

20.

Глупо и напрасно. Именно так оценил всё то, что совершил накануне, бывший охотник, любящий отец и жестокий маньяк Андрей Семёнович. Глупо и напрасно. Он сглупил, похитив девчонку. И совершенно напрасно притащил её домой. Она стала далеко не первой

его жертвой, но до неё никто не покидал темницу, ни живым, ни мёртвым. Так и стоило ли нарушать традиции?

Мужчина проснулся рано, сказала привычка. Похмелье ворочалось в его голове злобной змеёй, готовой в любой момент забиться внутри черепной коробки, жала нервные окончания. Слабый свет, отфильтрованный через мутные стёкла, покрытые толстым слоем пыли, резал глаза. Но куда хуже были звуки, неотвратимо пробивавшиеся через тонкие деревянные стены. Скоро Грачёвск проснётся и заживёт своей повседневной жизнью: залают, переругиваясь, собаки, старушки на лавках в палисадниках примутся обсуждать последнюю шокирующую новость. Вдалеке заревут трактора и автомобили. Город будет жить.

— Пашка-а-а! — не своим голосом заревел Андрей Семёнович, на мгновение похолодев от мысли, что сын мог воспользоваться его сном и отправиться к девчонке. — Пашка, твою мать!

К счастью, тот откликнулся быстро. Голос парня, ещё не забывшего вчерашнюю взбучку, звучал испуганно:

— Я тут, папка!

В спальне на втором этаже что-то рухнуло на пол и быстро зашуршало.

— Опять дрочил, сучий сын... — пробормотал мужчина.

— Чего?! — снова заорал Пашка, не расслышав.

Громкий голос резанул уши Андрея Семёновича, отозвавшись звоном в глубинах черепа. Мужчина поморщился.

— Задницу свою вниз тащи, вот чего!

Прижав ладонь ко лбу, чтобы хоть немного унять боль, Андрей Семёнович поднялся со стула. Колени громко хрустнули и заныли. Морщась, толстяк подхватил с плиты кастрюлю, в которой оставалось немного картофельного пюре и замер, задумчиво разглядывая её содержимое. С одной стороны, этого казалось мало для девчонки, которая не ела уже около суток. С другой же, закармливать её не хотелось, Пашка не любил фигуристых. Несколько секунд потребовалось мужчине, чтобы принять решение. Открыв холодильник, он извлёк из него вторую кастрюльку, в которой уже несколько дней кис борщ. Долив в пюре бульон, Андрей Семёнович оглядел получившуюся жижу и оказался вполне доволен результатом.

Он ещё раз выкрикнул имя сына, и тот отозвался прямо у него за спиной:

— Я тут, папка.

— Ага. Пойдём, надо невесту твою покормить.

Андрей Семёнович посмотрел, как заливается краской лицо его отпрыска, и подумал, что, как бы там ни было, он смог стать хорошим отцом. А какой же хороший отец не захочет помочь своему сыну обрести счастье?

21.

В старом доме, где Марина и Света провели своё детство, пахло чем-то казённым. Непривычные ароматы остались после раннего визита следователя из местного отделения полиции. Коротко, но деликатно опросив женщин, он ушёл, оставив после себя слабый шлейф дешёвого одеколona и пота, а ещё — обещание сделать всё возможное для поисков пропавшей девушки. Фраза эта показалась до боли похожей на ту, которую врачи произносят, разговаривая с родственниками умершего на операционном столе пациента. Но никто не решился её комментировать.

Потом Света долго рыдала, а Марина деловито, хоть и слегка заторможенно после

бессонной ночи, накрывала на стол. Ели молча, уткнувшись в тарелки и не глядя друг на друга.

А ещё немного позже раздался телефонный звонок, возвещая, что на кое-как составленное письмо откликнулись волонтерские организации. Поиски Кати начались в полную силу...

22.

Андрей Семёнович в сопровождении своего сына зашёл в гараж и выждал некоторое время, чтобы удостовериться в том, что его не окликнет никто из соседей. Потом медленно спустился в яму. Обычно мужчина не рисковал ходить в погреб днём, делая это только рано утром, пока ещё не наступил рассвет, либо через несколько часов после заката, когда все уже спали. Он соблюдал меры предосторожности. И никогда не похищал людей, живших неподалёку. По крайней мере, никогда раньше не похищал.

Вздыхнув, мужчина осторожно подцепил потайную дверцу и беззвучно уложил на дно ямы. Когда и он, и его сын оказались на скрытых этим листом ступеньках, он взялся за приваренные с обратной стороны листа ручки и поставил её на место. Спускаясь вниз по тонущим в полумраке ступеням, сгорбившись в три погибели и отставив от себя, насколько позволяло пространство, неприятно пахнущую кастрюльку, Андрей Семёнович вспоминал детство. Свои первые шаги по кровавому пути.

Ему тогда едва исполнилось пятнадцать. И он, подросток Андрюша из маленького городка, почти все жители которого трудились на химическом заводе, производя для страны краску, почувствовал вожделение. Поначалу он пытался отнести это странное свербящее чувство на счёт своих ровесниц, от округлившихся форм которых было так трудно оторвать взгляд. Даже сумел-таки склонить одну из них к близости. Не слишком умную и не слишком красивую Варечку. Прошло уже много лет, а он так и не забыл её лицо — скуластое, квадратное, с выпирающей нижней челюстью...

Впрочем, в тот раз эрекция так и не наступила. Он обвинил во всём внешность Варечки, хотя в глубине души и догадывался, что дело не в ней, а в нём. Один из множества механизмов его тела дал серьёзный сбой, и от этого в груди клокотала глухая злоба и досада. Наверное, именно от досады он и пнул тогда бездомного пса, увязавшегося за ним на окраине леса. И испытал от этого пинка такое наслаждение, которого раньше и представить себе не мог. Воспитанный строгими родителями, он никогда не обижал слабых. Даже рогатки не имел. Поэтому никак не мог ожидать, что обиженный визг кривоногой лохматой собачонки поднимет у него в груди такую бурю эмоций. Исключительно положительных эмоций, хотя и густо замешанных на стыде. И, что чувствовалось ещё самым постыдным — этот полный негодования визг сумел сделать то, чего не смогла неумело кривляющаяся Варя. Подросток Андрюша кончил себе в штаны.

Так лес превратился из места любовной игры со страшноватой, но доступной одноклассницей в его личную пыточную. Первая собачонка сбежала, но ни одной из последующих он уйти не позволил. Худой и нескладный мальчишка проявил осторожность и изобретательность, несвойственную его возрасту. Он разработал целую систему, по которой выбирал и прикармливал жертв. В дупле одной из ничем не примечательных корявых сосен он оборудовал тайник, в который сложил нож, прочную верёвку и рабочие перчатки. Ни одно из пыточных приспособлений никогда не покидало леса, и все предметы своего жутковатого инструментария он украл у разных людей. Андрюша никогда не появлялся с будущей жертвой на людях, никогда не пользовался популярными среди местных жителей

тропами и никогда не убивал дважды в одном и том же месте. Порой его жертв находили, но никому даже в голову не приходило подумать о том, что подобное с несчастными животными творил человек.

Так зверь в человеческом облики набирался опыта. Уже к шестнадцати годам он изучил лес, как свои пять пальцев. Его мозг, не способный удержать в памяти и осмыслить школьную программу, внезапно заработал с невиданной силой. Он мог без запинки перечислить каждое место, где убивал ту или иную зверушку, вспомнить окрас каждой жертвы и её особые приметы. На практике он познал такие тонкости пыточного мастерства, какие не снились большинству палачей инквизиции. В особенно удачные дни у него получалось по несколько часов сохранять собаке жизнь, то мастурбируя, то нанося ей всё новые и новые увечья.

И разумеется, преуспев в своём увлечении, он стал беспечным. Ему показалось, что достаточно соблюдать несколько простых правил, чтобы не быть пойманным. В воображении Андрюши он переродился в кого-то вроде киношного злодея, Фантомаса, неуловимого и запредельно опасного. И этот образ рухнул в один краткий миг. Когда за спиной у садиста, самоудовлетворяющегося над телом бьющейся в предсмертной агонии дворняги, хрустнула ветка. К тому моменту он уже хорошо изучил лесные звуки и знал, что так сухо и коротко может щёлкнуть лишь валежник под кирзовым сапогом. Тело маньяка среагировало куда быстрее мозга. Не успел ещё смолкнуть страшный звук, как ноги будто сами собой понесли его вперёд. На ходу пытаясь натянуть штаны, живодёр ломился через кусты, едва не рыдая от ужаса. Но к его счастью, когда случайно забравшийся в его тайник грибник обнаружил истерзанную собаку со связанными лапами, он находился уже далеко.

Весть о неслыханном инциденте, разумеется, облетела всю область в считанные дни. Чудовищная жестокость, с которой злодей расправился с псиной, привела людей в ярость. Новость обсуждали на каждом углу. Женщины поджимали губы и осуждающе качали головами, мужчины в бессильной ярости сжимали кулаки и трясли ими в воздухе, обещая расправиться с садистом так же, как он поступил с животным. И Андрей, стараясь внешне сохранять спокойствие, ходил по городу, чувствуя, как его буквально сжигает изнутри страх. Глядя на мускулистые руки заводских рабочих и их пудовые кулачищи, он обливался потом и чувствовал, что глаза начинало щипать.

Страсти улеглись примерно через неделю, едва не стоившую Андрюше нервного срыва. А потом у людей, во все времена отличавшихся короткой памятью, появились новые, более радостные темы для обсуждения. Замученную собачонку списали на неведомую абстрактную «городскую шпану», которая взялась невесть откуда и, видимо, растворилась в воздухе.

Начинающий маньяк смог, наконец, вздохнуть спокойно. Но урок, полученный тем летом, он усвоил накрепко. И даже спустя тридцать пять лет чувствовал, как по спине бегут мурашки и собирается капельками на лбу испарина от этих воспоминаний...

— Пап?

Андрей Семёнович вздрогнул и понял, что уже довольно долго стоит, теребя в руках ключ от тяжёлой двери в камеру. Воспоминания о юношеских приключениях неожиданно увлекли его. Даже помня свой страх, он чувствовал ностальгию по тем дням. Что и говорить, хорошее было время...

— Да, Пашка, идём.

Отработанным движением вставив ключ в личинку замка, мужчина отпер дверь.

23.

Суматоха на опушке Казачьего леса успокоилась лишь ближе к полудню. Суетились люди в камуфляже, переговариваясь о чём-то между собой и с местными. На самом деле их приехало немного, волонтеров, откликнувшихся на призыв о помощи, но Свете, которую в штаб поисков ненадолго привёз участковый, казалось, что она попала в добрую сказку. И поисковики, большей частью молодые, на десять-пятнадцать лет младше неё, представлялись ей волшебным войском, совершенно внезапно явившимся на выручку.

Руководила поисковой партией Наташа — бойкая девушка-бухгалтер из Липецка. Именно её усилиями слились в один более или менее организованный коллектив три группы добровольцев: наиболее сердобольные грачёвцы, студенты из липецкого турклуба, на страничке которого зачем-то отписался Артём, и, собственно, волонтеры из поисковой организации. К тому моменту, когда недалеко от леса развернули полноценный лагерь, первые «лисы» — отряды в два-три человека — уже возвращались из «ходов». Они не прочёсывали бор по старинке, широкой цепью. Каждая «лиса», экипированная рацией, осматривала определённый квадрат, расположение которого определялось вместе с местными охотниками как наиболее вероятное место, куда могла отправиться неопытная заблудившаяся девчонка. «Хожую» часть леса, хорошо знакомую даже приезжим, уже не трогали, ведь все ясно понимали, что там Кати нет. А это означало, что ночь она провела в чащобе, одна, без подходящей одежды и снаряжения, без еды и воды.

Сперва Света подумала, что ей тоже предстоит отправиться в лес, но координатор её успокоила.

— Вы нужны не здесь, Светлана. Будьте дома. Ждите. Мы сами всё сделаем.

Наташе ещё очень хотелось добавить, что, отправив она Свету в лес, добьётся только появления нового «потеряшки», но она сумела прикусить язык.

— Вот если бы папа Кати мог приехать — ему бы мы занятие придумали.

— Папа Кати... — начала Света и осеклась.

Наташа коротко кивнула, не спрашивая дальше. Во-первых, она и так всё понимала. Во-вторых, до таких личных драм ей дела не было.

— Значит, будьте дома. Ваш телефон у нас есть, мы с вами сразу свяжемся.

Поглядев в спину женщины, грустно бредущей к машине Валентина Георгиевича, волонтер грустно покачала головой. Порой ей казалось, что многие просто не представляют, как жесток и коварен может быть даже редкий подмосковный лесок, не говоря уж о таком исполине, как Казачий лес.

Коротко рыкнул, заводясь, движок старенького автомобиля. Света отправлялась домой. Ждать и надеяться. Вздохнув, Наташа потянулась за рацией. Пришло время проверить, как идут поиски у находящихся в бору ребят.

24.

Ключ щёлкнул в замке, и Катя проснулась с громким воплем ужаса и отчаяния. В книгах она часто читала, что сон лечит, позволяя сбежать из ужасной реальности в мир грёз. Но на самом деле всё оказалось не так. В ту ночь она заснула с огромным трудом, и это не принесло ей облегчения. Её мучали омерзительно яркие и реалистичные кошмары, в которых она снова и снова оказывалась в лесу. На шершавых стволах деревьев внезапно появлялись строгие уродливые лица, а ветки превращались в лапы, тянущиеся в её сторону. Разевая перекошенные рты в беззвучных криках, эти существа дрожали и старались схватить Катю за волосы и одежду. И она, давясь слезами и воплями, бежала сквозь строй чудовищ,

потому что прямо по её следу мчался куда более страшный монстр. Грузный мужчина в заляпанных землёй брюках, застиранной тенниске и тяжёлых рабочих ботинках. На его лице цвели трупные пятна, мёртвые глаза волчками кружились в глазницах, а от смрадного дыхания волнами накатывала тошнота. Он неизменно догонял девушку, но, в отличие от реальности, не принимался её душить. Опрокинув Катю на спину, монстр наваливался на неё всем телом и вонзал гнилые, но по-звериному длинные и острые зубы в её живот...

И Катя просыпалась. Боль в растерзанном животе превращалась в резь от переполненного мочевого пузыря, смрадное дыхание преследователя — в вонь из чаши Генуя. На миг настолько краткий, что его не хватало времени даже толком осознать, девушка чувствовала облегчение, но затем на неё наваливалось понимание того, в какой ситуации она очутилась. Тогда она принималась рыдать и дёргать цепь, вопить, проклиная своего мучителя и сразу же — умолять отпустить её. Это продолжалось до тех пор, пока она не ослабевала от усталости и не проваливалась снова в быстрый мучительный сон.

И вот теперь, когда кто-то отпер массивную дверь снаружи, сон и явь слились воедино, превращаясь в кошмар, выхода из которого не существовало.

Стоя у двери, похититель и его сын дожидались, пока пройдёт истерика. Пашка постоянно порывался подойти поближе к своей новой игрушке и будущей жене, но всякий раз останавливал себя, боязливо оглядываясь на отца. О вчерашнем уроке послушания до сих пор напоминали разбитые губы и распухшая от пинков задница. Андрей Семёнович же никуда не торопился. Он плотно прикрыл за собой дверь, чтобы звуки не долетели до улицы, вывалил в одну из мисок разбавленное прокисшим бульоном пюре. Только тут он вспомнил, что забыл принести с собой воды, но подумал, что пленница получит достаточно влаги и так. Не бежать же в дом за бутылкой. Поморщившись от едкого запаха и больно бивших по барабанным перепонкам воплей, он достал из кармана пачку папирос и, вытряхнув одну, закурил. Запах крепкого табака немного заглушил вонь дерьма и разложения. Правда, похмельная головная боль, снова усилившаяся от шума, уходить не спешила.

В обычной ситуации мужчина уже перебил бы девчонке дыхание парой мощных пинков в живот. А может, и на этом не остановился бы, обработав ещё и лицо. Орать, когда тебе в глотку течёт кровь из разбитых губ и сломанного носа, совсем не просто. Но эта уже была торжественно обещана сыну, так что приходилось терпеть.

Папироса успела дотлеть до конца и обжечь Андрею Семёновичу пальцы, когда Катя, наконец, замолчала. Тяжело, с хрипами, дыша, она упала спиной на койку и обмякла, направив расфокусированный взгляд в потолок. Вот теперь можно было действовать. Метко закинув окурок в унитаз, мужчина приказал своему сыну оставаться на месте и приблизился к узнице. Девушка никак не реагировала. Она, похоже, утратила связь с окружающим миром, но это не проблемы не представляло. Парой хлёстких ударов по щекам Андрей Семёнович вернул её к реальности. Катины зрачки расширились, а рот широко распахнулся, готовясь произвести на свет новую порцию истерических воплей, так что маньяк быстро накрыл его широкой грубой ладонью.

— Ещё раз заорёшь — отрежу на хрен язык, пожарю с луком и заставлю сожрать. Ясно?

Катя отчаянно закивала головой. Готовый вырваться крик застрял в глотке и вышел наружу, переродившись в комариный писк. Андрей Семёнович заглянул в Катины глаза, полные ужаса, и почувствовал вожделение. Девушка представлялась ему беспомощной, словно котёнок. Или доверчивая собачка...

Торопливо отдёргнув руку, мужчина отошёл к противоположной стене и нервным

движением вытер ладонь о штанину. Этого ещё не хватало. Чтобы немного успокоиться, он закурил ещё одну папиросу и начал говорить, лишь сделав первую затяжку.

— Тебя ссать припёрло уже, а? Потерпи, я после разговора цепь сниму.

Катя даже не поняла, что вопрос адресован ей. Она продолжала лежать, молча двигая нижней челюстью, словно пыталась раскусить что-то невидимое, и тараща испуганные глаза. Первым делом Андрею Семёновичу захотелось вклеить ей ещё одну звонкую пощёчину, но он сдержался. Неожиданное желание, мгновение назад захлестнувшее его, ещё не до конца растворилось в вонючем воздухе камеры. Поэтому он ограничился грубым окриком:

— Я с кем по-твоему разговариваю?!

Девушка вздрогнула. Она сразу узнала своего преследователя: его грязную, почти что до дыр заношенную одежду и неживые глаза, так напугавшие её в лесу. Но это было не всё. Расплывчатое пятно, во время погони заменявшее мужчине лицо, наконец, обрело чёткость. Словно фотоаппарат смог сфокусироваться на чертах этого человека. По-бабьи мягкий подбородок, губастый рот, нос картошкой... Она чувствовала что-то, отдалённо похожее на узнавание.

— Я же вас знаю... — едва слышно прошептала Катя. — Вы же... Вы...

— Я.

Мужчина зло улыбнулся, продемонстрировав рыжие от никотина зубы. Наконец-то девчонка заговорила. Эту часть игры с каждой «развлекушкой» он любил больше всего.

— Меня зовут Скорухин Андрей Семёнович. А вот там у двери, — мужчина показал пальцем. — Стоит мой сын, Пашка.

Мужчина замолчал, ожидая Катиной реакции. А девушка, в его подвале ещё более нелепая в своей городской одежде, чем в лесу, ошалело переводила взгляд с похитителя на его сына.

— Да вы же живёте на соседней улице... — поражённо прошептала она.

Эхом откликнувшись на эту фразу, визгливо захихикал Пашка. Должно быть, его рассмешил тон девушки. Или её шокированное лицо. А может, то и другое сразу.

А в её понимании такого попросту не могло происходить. Она, естественно, слышала множество историй о маньяках, похищавших людей, или просто убивавших, калечивших и насилувавших на улице. Но для неё они походили на коварных инопланетян из фантастики. Как Ганнибал Лектер, который пугает, но примерно так же, как новость об урагане в США или землетрясении в Японии. Это плохо, это страшно и это неправильно. Но в то же время это так далеко от тебя, что можно попросту не обращать внимания, тем более в семнадцать лет, когда даже смерть кажется вещью, что происходящей исключительно с другими людьми.

Предположить, что похитителем, маньяком, злодеем, окажется шапочно знакомый мужик, живущий всего в паре сотен метров от твоего деревенского дома, казалось так нелепо, что Катя на миг даже перестала бояться.

— Да это же бред какой-то! — проговорила она громче. — Так же не бывает просто!

На этот раз расхохотался Андрей Семёнович. Мужчина смеялся громко и беззлобно, звонко хлопая себя ладонями по коленям и тряся головой, словно в его присутствии отпустили остроумную шутку. Пашка моментально подхватил, вторя визгливым фальцетом.

— Не бывает... — похититель утёр выступившие на глазах слёзы и резко посерьёзnel: — Но ты же здесь, а? С этим как быть?

— Послушайте... — Катя никак не желала расставаться с твёрдой почвой здравого смысла, которую едва обрела под ногами. — Меня же наверняка ищут. Сколько я тут пробыла... Наверняка полиция уже подключилась. Вас же арестуют, посадят в тюрьму, — она поняла, что такую фразу могут расценить как угрозу, и спохватилась: — Но если вы меня прямо сейчас отпустите, как-нибудь незаметно, я никому ничего не расскажу!

Катя всегда считала, что обладает некоторым даром убеждения. Спокойный голос вкупе с милостивым лицом и большими доверчивыми глазами и правда творил чудеса с учителями и некоторыми мальчишками, которые относились к ней с интересом. И ей даже показалось, что фокус удался и с этим страшным человеком. Отведя взгляд, Андрей Семёнович потёр подбородок, набрал воздуха в грудь и с шипением выдохнул. У Кати забилось сердце. Сейчас он поймёт, как облажался! И, конечно же, моментально её отпустит! А она уж подумает, сдержать ли своё слово...

— А ты права... — проговорил мужчина. — Тебя и правда ищут ведь. Ку-уча народу ищет! А в тюрьму я не хочу.

Девушка непроизвольно улыбнулась уголками губ, подталкивая Андрея Семёновича к единственному, как ей казалось, решению.

— Но отпустить я тебя тоже не могу. Так что лучше прямо сейчас перережу тебе глотку, а ночью в лесу закопаю. Как считаешь?

Произносилось это таким растерянным и мягким голосом, что в первое мгновение Катя даже радостно закивала, соглашаясь с мужчиной. И лишь секундой позже она осознала, что он имел в виду. Подмигнув своей пленнице, Андрей Семёнович завёл одну руку за спину, изображая, что стиснул рукоять ножа, медленно поднялся на ноги, и сделал шаг в её сторону. Катины глаза распахнулись ещё шире, а рот исказился, как это бывает у маленьких детей, когда они готовятся плакать. Судорожно замахав руками и ногами, девушка с воем вжалась в стену, пытаясь спастись от маньяка. Она попыталась заговорить, но её глотка исторгла только пронзительный визг.

Не выдержав, Андрей Семёнович расхохотался. Снова без всякой злобы. Он всего лишь радовался удавшемуся розыгрышу, ничего больше. На этот раз Пашка его не поддержал — он стоял в уголке и судорожно кусал костяшки сжатых кулаков.

— Всё, заткнись... — похмелье вновь дало о себе знать и настроение у мужчины испортилось. — Заткнись, э! Э-э! Рот закрой, говорят тебе!

Катя не замолчала, и ему пришлось несколько раз хлестнуть её ладонью. Удары пришлись по спине, ногам и рукам, под одеждой быстро расцвели красные отметины. Визг перешёл в скуление и плач.

— Ну, так лучше.

Выпрямившись во весь рост, мужчина резким движением подёрнул брюки и, удовлетворённо кивнув, отошёл обратно к стене. Адреналин медленно вымывался из его крови, так что возвращалось обоняние, обострённое вчерашним пьянством. Достав из стремительно пустеющей пачки очередной набитый табаком цилиндрик, Андрей Семёнович размял его в пальцах и закурил.

— А теперь я тебе расскажу, как ты на самом деле можешь отсюда выйти.

25.

Путь до штаба поисков занял у дядьки Митяя куда больше времени, чем он рассчитывал. Беспощадное июльское солнце жгло макушку старика и тяжёлыми горячими ладонями давило ему на плечи. Несколько часов беспокойного сна немного взбодрили его, но в голове

слегка шумело, а окружающая действительность казалась подёрнутой пеленой. С возрастом организм начал требовать очень жестокую плату за отсутствие сна... Но это состояние его не пугало. Старик прекрасно понимал, чем вызван небольшой упадок сил, и не паниковал. Он даже наслаждался тем, как на фоне слабой дереализации всё чётче и чётче проступает его намерение. Хотя это слово не вполне подходило. Его... предназначение? Судорожным движением отерев пот с макушки, дед с волнением обдумал эту новую мысль, пришедшую ему в голову.

Предназначение. Быть может, все эти годы страданий являлись всего лишь подготовкой? Проверкой на прочность? Может ли случиться так, что его соседи, сами того не ведая, смеялись и издевались не над выжившим из ума хрычком, а над кем-то большим?

— Нет, нет, дело не в том... — забормотал дядька Митяй, и губы его задрожали от волнения. — Это всё не то, не в этом дело-то всё...

Его ладони снова заскользили по лысине двумя суетливыми зверьками. Дело далеко не в том, кто он такой. Ему просто нужно сделать то, что предначертано. Местные не стали слушать. Может, послушают приезжие. А если нет? Что тогда? Тогда — самому, делать всё самому. Любыми средствами.

Штаб поисков открылся перед ним неожиданно. Пришёл, и в таком состоянии... Дядька Митяй попытался привести себя в порядок, засуетился, одёргивая одежду. От жары и волнения всё снова поплыло перед глазами, он пошатнулся и наверняка упал бы, если бы не проходивший мимо молодой парень из турклуба. Старик почувствовал крепкую пятерню у себя на предплечье.

— Дед, ты нормально?

Дядька Митяй торопливо моргнул. Силы, на мгновение оставившие его, стремительно возвращались. Лишь минутная слабость, не более того.

— Дед! — голос прозвучал настойчивее. — Ты чего тут? Поглазеть?

Старик внимательно поглядел на юношу в камуфляжной одежде. Судя по налипшей на ботинке хвое и мешкам под глазами — он уже довольно много времени провёл в лесу. Этот юноша, скорее всего — хороший человек. Все они хорошие люди, наверняка. И надежда на понимание существовала.

— По делу я, сынок! — с достоинством ответил дядька Митяй. — Кто тут главный у вас, ребята?

Волонтёр непроизвольно улыбнулся. Такой добрый старик, да такой серьёзный.

— Наташка у нас за главного. Во-о-он там, у жёлтого фургона должна быть.

— Спасибо, внучок!

Дядька Митяй зашагал в указанном направлении, ориентируясь на жёлтый микроавтобус, указанный туристом.

— Дед! — крикнул парень вслед. — А ты по какому делу-то?

Старик не ответил, и волонтёр, пожав плечами, направился к костру. Скоро ему предстояло отправиться в лес ещё раз, и думать о местных чудаках времени совсем не оставалось.

26.

Марина с недовольным лицом взмахнула веником. Клубы пыли поднялись в одном конце кухни и осели в другом. Плюнув, женщина бросила своё орудие в угол и встала перед младшей сестрой, уперев руки в бока. Света на мгновение подняла на неё заплаканные глаза, но тут же опустила голову.

— Это всё потому, — сварливо проговорила Марина. — Что у вас в семье мужика нету. Света вздрогнула. Но ничего не ответила.

— Мужик бы, он ух! Держал бы вас всех вот так.

Сжав кулак, Марина потрясла им перед Светиной макушкой. Та снова никак не отреагировала, и это распалило старшую сестру ещё больше.

— Распустились...

Отвернувшись к плите, женщина принялась без всякого смысла переставлять посуду с одной конфорки на другую. Алюминиевые крышки гремели, и им гулко вторили тарелки на полке. Поняв, что Света не реагирует и на это, Марина продолжила:

— У вас же у самих нету... Ни головы, ни яиц! Вот и ходите вечно не пойми какие... Разве нормальный мужик разрешил бы Катке в таком виде ходить? Виски побрила, гребень этот дурацкий... Штаны — не штаны, а одно название! Колготки! Ещё и подвернула снизу, как я не знаю, стыда никакого уже не осталось, жопа обтянута...

— Да заткнёшься ты или нет?!

Резкий Светин крик на мгновение словно расколол паутину злых слов, сплетённую Мариной. Но это только так казалось. Марина ждала этого выкрика, жаждала скандала, который неизбежно должен был за ним последовать. Одним резким движением развернувшись на месте, она нависла над Светой своей необъятной грудью и заорала во всю мощь лёгких:

— А чего бы мне затыкаться?! Я тебе с самого начала говорила, что не пойми за кого замуж собралась! Голь перекатная, тоже мне! Ромео! Не привезла бы ты его в Москву — он бы своей деревне спился уже через год, а то и на зону сел бы!

Света почувствовала, как у неё в груди стало тесно и горячо. Чёрная злоба, которой она столько лет не давала воли, забурлила, словно смола на костре. Она всё ещё любила Артёма. Это была любовь-жертва, глубокое, почти мазохистское чувство. Любить человека, который едва ли не каждый месяц меняет любовниц, не платит алименты, не приходит к дочери даже на праздники... Но она ощущала острую потребность защищать его, несмотря ни на что. Глубоко вдохнув, Света подняла к обидчице лицо, покрытое нездоровыми красными пятнами, и завопила так громко, что в шкафу звякнули фужеры и чайные сервизы:

— Да как ты смеешь мне такое говорить!

Удивлённая и чуть напуганная своим воплем, она замерла, не зная, что делать дальше. Катина мама отлично умела терпеть и молчать, но не ссориться и заступаться за себя и близких. Тем не менее, когда Марина открыла рот, чтобы возразить, она мгновенно поняла, что нельзя давать старшей сестре сказать хоть что-то. Марина всю жизнь провела в маленьком провинциальном городке и привыкла скандалить со всеми: с соседями, родственниками, продавцами на рынке... Она попросту растоптала бы Свету. Унизил. И Света продолжила вопить:

— Ни разу за ручку даже не держалась, не целовалась! Берегла всё своё сокровище неизвестно для кого! — она сжала в кулаке подол юбки между бёдер, демонстрируя, какое именно сокровище берегла Марина. — Зато в мужиках разбираешься и советы раздавать горазда!

Марина отшатнулась от сестры, как будто получила пощёчину. Впервые в жизни Света дала ей отпор, и как! С ходу наступив на большую мозоль! Но сдаваться просто так Марина не привыкла.

— Да уж лучше в девках до старости, чем перед каждым встречным рогатку свою раздвигать! — Марина подобралась, как гадюка, готовящаяся плюнуть ядом, и рывкнула: — Шалава!

— То-то ты шалаве завидуешь! — расхохоталась Света. — Сама мужика так и не нашла, всё принца дожидалась, вот и бросаешься на Артёма при каждом удобном случае! Лаешь, как собака. Тяф-тяф, не мужик! Тяф-тяф, дочку не любит!

И Света снова рассмеялась. Зло и надменно, как обычно Марина смеялась над ней самой. И тогда старшая сестра почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Тихоня Света, серая мышка, безответная и скромная, только что не просто победила её. Света выбил её с поля, лишив возможности обороняться. В голове у Марины образовалась гулкая пустота, в которой она шарила, силясь отыскать хотя бы какие-то контраргументы. И чем дольше она пыталась найти, за что смогла бы уцепиться, тем отчётливее понимала, что возразить ей нечего.

— Да я... — пролепетала она. — Да я... Да есть у меня мужик!

Оправдание, нелепое само по себе, прозвучало тем более жалко, что Марина пролепетала его без всякой уверенности. Её срывающийся голос утонул в излучаемой Светой злобе.

— Ну да, ну да... — протянула младшая сестра. — Кто же этот счастливец? Бизнесмен с сыном-дебилем?

— Не твоё дело! — отчаянно выкрикнула Марина. — Может, и он! Тебе-то что! Это на тебя всегда красавцы заглядывались, а мне и этот хорош будет!

И, размазывая слёзы по дряблым щекам, Марина выбежала из дома с проворством, которое едва ли можно ожидать от человека её комплекции. Света, в горячке ссоры привставшая с деревянной лавки, тяжело опустилась обратно. Вместо ожидаемой радости победы, она ощутила лишь тоску и пустоту в груди. Она, конечно, говорила правду. Но и Марина не лукавила. И почему так получается, что две правды, столкнувшись, рожают только лишь несчастья?

Настроение Светы сменилось мгновенно, и она уже корила себя за то, что поддалась злобе и негодованию. Она ведь понимала, что Марина, выплёскивая на неё эти нелепые обвинения, лишь пытается заглушить тревогу за Катю. Такой уж она человек, что уж тут поделаться... Прижав ладони к пылающим щекам, женщина разрыдалась.

— Да чем мы тут занимаемся, господи...

27.

В тот самый момент, когда Марина, зло хлопнув дверью, вышла из дома, координатор поисковой операции Наташа увидела дядьку Митяя, целеустремлённо шагавшего через поляну в её сторону. И она сразу поняла, что этот старик устроит в штабе цирк. Такое частенько случалось на поисках, особенно в небольших городах. Большое скопление людей, одетых в камуфляж, переговаривающихся по рации и то и дело небольшими группами

уходящих в лес или выходящих из него, притягивало сумасшедших, параноиков и просто странных личностей. Хотя стоило признать, что держался этот дед до странного доброжелательно для умалишённого.

— Здравствуйте! — издали поприветствовал он координатора поисков. — Вы Наташа, да?

— Я! — в тон ему ответила девушка, и подумала про себя, что с радостью оторвала бы голову тому, кто отправил старика к ней, а не восвояси. — Вы по делу? Если просто за новостями, то поищите их в другом месте, у нас дел куча.

Наташа нарочно говорила грубо, чтобы отбить у старика желание продолжать беседу. Но тот, кажется, ни капли не смутился. Даже вроде бы слегка усмехнулся, утирая пот с блестящего на ярком солнце лба.

— Я по делу, не переживай... те. Не переживайте. По делу.

Старик выглядел совершенно безобидным. Милый такой дед, как на картинках в детских книжках. Наташа даже не подумала о том, что к нему стоит относиться с опаской. Но тем не менее, когда за её спиной как бы невзначай возникли двое крепких парней из вернувшейся недавно «лисы», она возражать не стала. Старик же либо этого не заметил, либо не придавал их появлению особенного значения.

— Дело в том... — старик замялся, подыскивая слова. — Дело в том, что в так вы девушку не отыщите.

— Да вы что? — поинтересовалась Наташа делано безразлично. — А вы откуда знаете?

— Понимаете, я вроде как, — дядька Митяй неловко пожал плечами и покачал в воздухе ладонью, чувствуя, что подходит к самому сложному моменту разговора. — Я, доченька, вижу некоторые вещи вроде бы как...

— Ясно...

Старик почти что физически ощутил волну разочарования, исходящую от собеседницы. Она, как он и ожидал, приняла его за сумасшедшего.

— Дочка, я не дурак, я понимаю...

На этот раз голос Наташи бряцнул металлом:

— Я вам не дочка.

— Послушай... Послушайте! — дядька Митяй осип от волнения и прочистил горло. — Девочка попала в беду, я думаю, её забрал один... Это даже не человек, понимаете? Злой, очень злой... Это Зверь.

— Звери летом сытые... — попытался вставить слово в разговор один из волонтеров, но Наташа оборвала его, резко махнув рукой.

— Это не такой зверь, как... Это Зверь, понимаете? Уже не человек, нет... — старик прикрыл глаза, словно от сильной усталости у него резало глаза. — Он и раньше забирал, но издали, тех, кого тут земля не знала... Но сейчас я это так чётко вижу, ясно, как это... Я могу показать вам...

— Хватит! — у Наташи едва хватило выдержки, чтобы не отвесить старику пощёчину. — Достаточно. Нам этот бред слушать ни к чему. Мы тут заняты делом, а вы... несёте чёрт знает что. Хватит.

— Чёрт знает... — дядька Митяй пошатнулся, словно от удара. — Ты... Вы не понимаете, ребята! Я говорю серьёзно, правду, у меня всю жизнь бывали такие видения. Я про элеватор раньше всех почую! И меня тогда тоже не слушали...

Рация в руках Наташи шипела и взрывалась голосами находящихся в лесу волонтеров.

Гомон вокруг усиливался, прислушавшиеся было к разговору люди возвращались к своим делам. Дядька Митяй чувствовал, что интерес к нему пропадает. Кто он для них? Очередной дурачок, который мог бы поразвлечь, да заявился не вовремя. И Наташа, с ходу начав гневную отповедь, лишь подтвердила его мысли:

— Что вы несёте такое? У людей горе. Пропал человек в лесу. И мы тут из сил выбиваемся, чтобы помочь. И в этом нет никакой мистики, такое происходит куда чаще, чем вы можете себе представить.

Старик пошатнулся сильнее, и на первый взгляд могло показаться, что он сейчас упадёт. Но дядька Митяй не сломался. Железная уверенность в том, что он говорит чистую правду, удержала его на ногах.

— Я готов доказать! — старик прилагал огромные усилия к тому, чтобы его голос не дрожал. — Просто сходите со мной, я покажу место.

Над поляной повисла тишина. Только в кроне одной из росших неподалёку сосен закаркала, словно издевательски хохоча, ворона.

— Я думаю, — веско произнесла Наташа. — Что с такими заявлениями вам лучше обратиться в полицию. Если вас там, конечно, будут слушать. А мы занимаемся поисками, ясно? И мы будем продолжать поиски. Так, как знаем и умеем. У меня нет людей, которые могут пойти с вами проверять ваши бредовые теории.

По толпе пробежал шепоток. Упорство дядьки Митяя впечатлило многих собравшихся. Вдруг он сможет показать что-то, что даст ниточку, которая в итоге приведёт к пропавшей? Невероятно, конечно же, но...

Однако, спорить с координатором в открытую никто не решился. Дмитрий Юрьевич, слабо покачивающийся на широко расставленных ногах, с трясущейся нижней челюстью, в последний раз обвёл толпу поисковиков полным сожаления взглядом. Не найдя поддержки, он молча повернулся и пошёл в сторону леса. Ещё несколько секунд Наташа провожала его взглядом. Затем, тряхнув головой, девушка повернулась к разостланной на раскладном столике карте и отрывисто произнесла в рацию приказ.

28.

Катя лежала на спине, тупо уставившись в низкий серый потолок. Её взгляд расфокусировался, и оттого девушке казалось, что шершавая бетонная поверхность превращалась в тяжёлое, затянутое грозowymi тучами небо.

Сумасшедший мужчина и его сын ушли. Напоследок Андрей Семёнович милостиво расстегнул замок на цепи, освобождая Катю, чтобы она имела возможность добраться до унитаза и миски. Если, как он сказал, к их следующему визиту миска не будет пуста, то новой порции еды она не получит. А если замыслит какую-нибудь шалость (он так и сказал: «шалость»), то он отрежет ей обе ноги по колено. И пленница, глядя в его спокойные, даже добрые глаза, и слушая ровный, буднично-тон, ни на секунду не усомнилась в правдивости этой угрозы. Он не пытался напугать, просто информировал о возможных последствиях.

Впрочем, никакие «шалости» Катя пока что и не замышляла. Для неё ситуация ещё не обрела статус тяжеловесной реальности. Ей казалось, что она галлюцинирует или видит кошмарный сон, который должен вот-вот закончиться. Часть её сознания вопила о том, что всё происходит на самом деле, в качестве аргументов приводя вполне реальные боль, голод и тошноту. Но косная и инертная часть мозга противилась этому, цепляясь за сюрреалистичность требований похитителя.

— Трое суток! — веско произнёс мужчина. — Даю тебе три дня, ясно?

Трое суток на то, чтобы она согласилась стать женой его сына. Катя хихикнула. За семьдесят два часа, по предположению маньяка, она должна была согласиться вместе с ними разыграть сценку чудесного спасения из леса. И не кем-нибудь, а умственно отсталым пареньком, отвратительным увальнем, который даже стоя в углу подвала не переставал пускать слюни и комкать в кулаке ширинку джинсов. А потом, следуя плану Андрея Семёновича, убедить своих родных, что воспылала к своему спасителю нежными чувствами. И теперь непременно должна выйти за него замуж. И навсегда остаться в Грачёвске. Растить детей и заниматься хозяйством.

Катя снова хихикнула. Это был нездоровый, истерический смех, но она ничего не могла с ним поделать. Слезы катились из её широко распахнутых глаз, рот кривился в безумной усмешке, а она никак не могла справиться с сумасшедшим хохотом, рвущимся из груди. Как можно поверить, что всё это правда? Сумасшедший мужик с его сыном-дауном, этот их план, который, похоже, не вызывал у них ни капли сомнения...

Девушка зажала рот ладонями, но смех всё равно просочился между растопыренными пальцами. Извиваясь на кровати и суча ногами, Катя хохотала всё громче, и никак не могла остановиться. Она хохотала и хохотала, извиваясь всем телом, пока не почувствовала, что готова обмочиться и ей не пришлось на полусогнутых ногах бежать к дыре в полу камеры.

29.

Отойдя от дома на несколько метров, Марина вытерла щекочущие щёки слёзы и, глядя себе под ноги, быстро зашагала по улице. Она шла, не замечая удивлённых взглядов, которые бросали на неё древние старушки, высовывая сморщенные обезьяньи мордочки из-за дешёвых тюлевых занавесок. Их ссору, несомненно, слышала вся улица, если не весь Грачёвск. А к вечеру её содержание будут передавать друг другу на каждой лавочке в одноэтажной части города.

— Маринка ей сказала, что она шалава!

— А та?

— А та ответила, что Маринка незнамо для кого свою драгоценность хранила!

— Ну дела-а-а...

Щёки женщины запылали с новой силой. Она, казалось, уже видела, как бабки, даже в плюс тридцать пять закутанные в телогрейки и жилеты из козьих шкур, сидят на лавках. Они склонились вперёд, как совещающаяся о тактике спортивная команда, так что заношенные косынки, намотанные на облысевшие черепа, почти что трутся друг о друга. Дряблые губы дрожат от возбуждения, на них налипла шелуха от подсолнечных семечек. И все они твердят на разные голоса, по одной и хором: Маринка, Маринка, Маринка, Маринка...

— Марина Витальна!

Катина тётка вздрогнула и едва сдержала крик, когда в её фантазии вплёлся настоящий голос. Он тоже показался ей злым и насмешливым, как и те, что она успела нафантазировать. Но когда он прозвучал вновь, Марина поняла, что ошиблась. За насмешку она приняла обеспокоенность.

— Марина Витальна, ты чего?

Когда женщина повернулась, чтобы посмотреть, кто её окликнул, она покраснела ещё больше, хотя и казалось, что это невозможно. Облокотившись на ржавый забор, попыхивая извечной папироской, стоял Андрей Семёнович. Кровь зашумела у Марины в ушах, и она внезапно ощутила себя молоденькой девчонкой-школьницей. И сделала то, на что так ни разу и не решилась, будучи подростком: свернула с дороги и медленно подошла к

окликнувшему её мужчине.

— Здравствуй, Андрей... — тихо произнесла она и с удивлением осознала, что её голос дрожит.

— Здравствуй-здравствуй, — откликнулся мужчина. — Ты чего несёшься-то, сломя голову?

Она замерла, не зная, что ответить. Не пересказывать же ссору с сестрой? Да и плюс к тому, в её голову внезапно закрались совершенно дикие и непрошенные мысли. Подойдя почти вплотную, она вдруг ощутила запах. Застарелый пот, табачный дым, пивной перегар... И что-то ещё, едва уловимое. Каждый из этих ароматов по отдельности вызывал бы отторжение, даже отвращение. Но в совокупности они давали сочетание, от которого у Марины кружилась голова и зудели колени. И, в чём она не находила сил признаться даже самой себе, возникало сладкое тянущее ощущение в самом низу живота... Что-то животное, далёкое от человеческого сознания. Что-то, с чем у неё никак не получалось бороться.

Мужчина, кажется, говорил ещё, спрашивал, но она не разобрала ни слова. Замерев, она старалась привыкнуть к этим новым ощущениям и совладать с ними. И потому пришла в себя, только поняв, то он уже несколько раз подряд повторил её имя.

— А? Что? — робко переспросила Марина. Должно быть, впервые в жизни — робко.

— Что у тебя случилось-то, говорю, не расскажешь? А то как сама не своя. О племяннице вести появились или что?

О племяннице? Марина нахмурилась и непонимающе посмотрела в глаза Андрею Семёновичу. При чём тут вообще Катя? Тот, видимо, уловил её недоумение и вскинул брови:

— Ну, племянница. Твоя. Катя. В лесу она вчера...

— А, Катя! — Марина нервно рассмеялась, но тут же осеклась, поняв, как странно и неуместно звучит её смех. — Катя в порядке.

— Нашлась что ли?!

Глаза Андрея Семёновича вытаращились ещё больше, а щёки и уши покраснели. Он воровато стрельнул глазами влево и вправо по улице, но женщина не обратила на это внимания. Её целиком поглотил жгучий стыд.

— Да я это, просто... — Марина прикусила нижнюю губу, и боль слегка отрезвила её. — Я имею в виду, что уверена, что она в порядке! Девка она боевая у нас!

— Боевая?.. — с сомнением в голосе переспросил Андрей Семёнович, но тут же, спохватившись, продолжил: — Ну, раз боевая, то не пропадёт, я думаю.

Они замолчали. Нелепо начавшийся разговор иссяк, и теперь им обоим не хватало повода для того, чтобы его завершить. Выручил снова Пашка, заорав из дома дурным голосом:

— Па-а-ап! Папка!

— Ну... — Андрей Семёнович виновато улыбнулся. — Удачи в поисках. Я думаю, вернётся она ещё...

— Ага... — рассеянно кивнула Марина. Про Катю она уже снова забыла.

Отступив от забора на два шага, женщина развернулась и пошла в сторону многоэтажных домов. Она всё ещё не понимала, куда именно направляется, но теперь по совершенно иной причине.

Крякнув и щелчком отбросив окурок на дорогу, Андрей Семёнович несколько мгновений смотрел Марине вслед. В его голове постепенно оформлялась не мысль даже, а ещё только намёк на мысль. Мысль о том, что с двумя бабами хозяйство поднялось бы...

— Папка! — снова подал голос Пашка.

— Иду, иду, хорош орать! — рывкнул в ответ мужчина. Он попытался привычно выкинуть посторонние мысли из головы, но в этот раз у него ничего не получилось. Всё же две бабы в семье это... Это куда лучше, чем одна!

30.

Дядька Митяй тащился по лесу, время от времени отводя от лица колючие еловые ветки. Усталость, о которой он ненадолго забыл после разговора с поисковиками, снова давала о себе знать. Обычно легко ориентировавшийся в лесу, старик давно уже перестал понимать, где он находится. Порой слева и справа от него раздавались негромкие щелчки и шорохи, но он не обращал на них внимания.

Опустив взгляд под ноги, он прикрыл глаза и, казалось, дремал прямо на ходу. Его вели по тенистому бору чувства, которые пропали бы, попытайся он их осознать. И дядька Митяй инстинктивно вводил себя в транс, стараясь не потерять едва различимую путеводную нить, которая могла помочь ему отыскать доказательства собственной правоты. И даже спасти девочку, если на это хватит сил.

31.

Унитазом, вмонтированным в пол в углу камеры, Катя воспользовалась, но не совсем так, как планировала. Едва она приблизилась к дыре в полу, запах усилился настолько, что её вытошнило желчью. Подвывая и закрыв рот и нос подолом футболки, девушка отползла в центр комнаты. Потом снова попыталась приблизиться, благоразумно дыша мелкими и неглубокими вдохами. Достичь своей цели ей удалось лишь с третьей попытки. Обессиленная, она рухнула на койку, постаравшись не касаться лицом заскорузлого матраца.

Катю пугало её состояние. От усталости и обезвоживания кружилась голова, а в висках пульсировала навязчивая, как стук перфоратора в квартире сверху, головная боль. Глотку и язык саднило, а в животе поселилась тупая резь. Физический дискомфорт ненадолго отогнал чувство ужаса, которое появлялось каждый раз, когда она задумывалась о своём положении, но едва ли принёс ей облегчение.

— Дальше будет хуже... — не отдавая себе отчёта, шептала Катя. — Дальше будет только хуже...

Голод и усталость беспокоили девушку, но она прекрасно понимала, что, помимо них, её поджидает ещё одна опасность. Невыразимая вонь из дыры в полу, к которой она никак не могла привыкнуть, явно намекала на то, что чашей Генуя до неё пользовались очень многие. И каждый пленник сливал в выгребную яму отходы своего организма. А потом, скорее всего, отправлялся следом, разделённый на части страшным мужчиной. Катя живо представила себе, как Андрей Семёнович проталкивает в слив ржавой чаши её отрезанную голову, и едва не ударилась в истерику. Нужно держать себя в руках...

Но избавиться от дурных мыслей легко, только когда ты сидишь у себя дома, в уютном кресле. Когда ты чувствуешь себя защищённым. А в плену у опасного сумасшедшего, мечтающего устроить личную жизнь умственно отсталого сына, всё немного иначе. В конце концов, они бы не назвали свои имена, если бы действительно рассчитывали дать ей выйти из заточения. Быть может, маньяк просто успокаивал её, чтобы она не вопила и не привлекла никого своими воплями? Это предположение понравилось девушке, и она на пробу громко выкрикнула бессвязный набор звуков. В тесном пространстве голос прозвучал странно, почти противоестественно. Она приготовилась повторить, и повторять до тех пор, пока зов не будет услышан, даже набрала в грудь побольше воздуха... Но перед её глазами

возник образ Андрея Семёновича, обещающего отрезать ей язык. Крик умер, не родившись.

Попытки шуметь несли опасность. Но и ничего не делать пленница боялась. О том, что произойдёт, если она займёт пассивную позицию, она не хотела думать. Для начала, рано или поздно отравление возьмёт своё. Ядовитые пары пропитают её тело и мозг. Она отупеет, ослабнет от голода, утратит человеческие черты... Она превратится в куклу. И похитившие её чудовища, несомненно, воспользуются этим. По очереди или, возможно и такое, одновременно. После чего она им станет не нужна. Мерзкий толстяк с добрыми глазами и мягким голосом перережет ей горло, расчленит и сбросит в дыру в полу, где её останки будут гнить ещё неизвестно сколько времени. Так и будет, какой бы бредовый план они ни озвучивали. Катя ни секунды не сомневалась, что между необходимостью выхаживать умирающую от истощения пленницу и возможностью изнасиловать беспомощную жертву, мужчины без колебаний выберут второе.

Взволнованная своими рассуждениями, Катя быстро встала с койки и сделала два шага, до противоположной стены камеры. Ограниченный серыми стенами мир покачнулся, и узница едва не упала. Удержаться на ногах ей помогла стена. Прижавшись к холодной шершавой поверхности лбом, девушка дождалась, пока головокружение ослабнет. О том, чтобы оно прошло, пока что можно было лишь мечтать.

— Я должна максимально контролировать ситуацию, — прошептала Катя. — Контролировать ситуацию и не позволять себе раскисать.

Как и что именно она собирается контролировать, сидя запертой в подвале, освещённом тусклой лампой накаливания, девушка представляла себе слабо. Для начала требовалось привести себя в порядок. Хотя бы что-нибудь съесть. Хотя бы немного. Чтобы не упасть в голодный обморок. Скользя ладонью по бетону, Катя подошла к миске. Небольшая ёмкость из нержавеющей стали, чуть утопленная в пол. Пленница попыталась носком кроссовка сдвинуть её, но ничего не вышло. Должно быть, подумала Катя, миска приварена к арматуре, скрытой под цементом. Проклятый маньяк наверняка боялся, что кто-нибудь из пленников опустит эту миску ему же на голову, когда он попытается войти в камеру. Девушка против воли грустно усмехнулась.

Катя ещё раз ковырнула миску ногой, слабо надеясь, что та всё же выйдет из углубления, в котором её закрепили. Ничего не произошло. Перед глазами девушки с ужасающей ясностью встала картина: она, стоя на четвереньках, низко опустила голову над посудиною и, жадно давясь, с чавканьем жрёт из неё вонючую мешанину из испортившихся продуктов. А над ней, склонившись, стоит Андрей Семёнович и одобрительно, как послушную собаку, треплет её по голове...

— Нет-нет... — прошептала Катя и, отступив на шаг, замотала головой. — Нет, ну, так же нельзя...

Произнесённые просительным тоном фразы повисли в густом от вони воздухе. Головокружение мгновенно усилилось, и холодный пол поплыл из-под Катиных ног, бисеринки ледяного пота выступили на лбу и под мышками. Вскрикнув, она всем весом навалилась на стену и одной рукой ухватилась за голову. Комната, начавшая неторопливо вертеться вокруг неё, постепенно замедлялась. Катя глубоко вдохнула отравленный миазмами разложения воздух и на выдохе медленно сползла по стене вниз. Поесть было необходимо. Не унижаться, стоя на четвереньках над миской, конечно. Просто поесть...

Борясь с отвращением, Катя протянула дрожащую руку к грязной посудине.

Дядька Митяй вышел на ничем с виду не примечательную поляну и, крякнув, остановился. Сила, ведшая его до сих пор, внезапно рассеялась, и он остался один посреди леса. Усталость ненадолго усилилась, махнула мягким хвостом по его сморщенному лицу, и отступила. Он снова ощутил вибрацию, которая означала, что происходит нечто плохое. Старик дёрнулся, подумав, что зря отправился в лес, но осознал, что в этот раз вибрация отличается. Она словно раздваивалась и дрожала, как эхо. Дядька Митяй догадался, что чувствует след события, а не его само. Именно на этой поляне Зверь настиг свою жертву. Лес вокруг потемнел, будто нахмурился. Колышущиеся на ветру ветви превратились в отчаянно жестикулирующие руки.

Дядька Митяй вытаращил глаза и выгнулся дугой. Потеряв равновесие, и он повалился лицом вниз, к вспотевшему лицу прилип лесной сор. Старик начал корчиться на земле, закатив глаза так, что виднелись лишь белки. Неопрятные ногти с каймой грязи под ними скребли горло, словно на шее Дмитрия Юрьевича сомкнулась удавка.

Воздух на поляне, напоенный горьковатым запахом смолы и хвои, вдруг загустел. Солнечный свет померк, а звуки леса, продолжавшего жить своей жизнью, затихли. Затем едва уловимо запахло тухлым мясом, едким потом и дерьмом. Дядька Митяй почувствовал, что на его спине появилось нечто тяжёлое и холодное, студенистое, как гигантских размеров слизняк. Щупальца чудовища запрокинули его голову и оплели шею ледяной петлёй. Старик почувствовал, как по брюкам растекается горячее пятно, а сердце в груди болезненно сжимается, пропуская удар. Он попытался кричать, но ничего не вышло.

Потускневший дневной свет окончательно померк перед его глазами. Старик смиренно принял тот факт, что он умирает, и расслабился. Его глаза закатились, плечи поникли, а голова задралась так сильно, что это казалось почти невозможным. И, едва глаза дядьки Митяя закрылись, призрачная хватка на его шее ослабла. Дядька Митяй снова упал лицом в мягкий лесной ковёр и затих.

33.

Катя ела. Куски слежавшегося пюре скользили по горлу плохо, мышцы живота болели от спазмов. Организм не желал принимать испорченные продукты, сопротивляясь изо всех сил и пытаясь выдавить их наружу. Но девушка, отчаянно стискивая челюсти, заставляла себя есть. Ей нужно постараться протолкнуть в желудок хоть что-то, чтобы сохранить ясную голову и подвижность.

В тесном замкнутом пространстве ощущение времени стёрлось, и она не могла даже примерно предположить не только как давно она находится в заключении, но и сколько времени она провела над миской. Ей то казалось, что время бежит удивительно быстро, и вскоре должен сухо, как щелчок кнута, лязгнуть замок, впуская страшное семейство, старшего и младшего. Но уже в следующий миг, когда она уже практически видела, как растёт щель между косяком и дверью, жизнь вне тесного помещения замирала. Секунды превращались в часы и дни, а её испачканная липким алым бульоном рука тянулась к блестящей миске мучительно долго. Катя успевала прожить целую жизнь, сидя привалившись спиной к стене, и поглощая тухлое пюре с прокисшим борщом. Но уже спустя один удар сердца, вселенная снова мчалась вперёд, оставляя запертую девушку далеко позади...

Покончив с омерзительной трапезой, Катя, обхватив себя руками за плечи, принялась ходить по камере. В погребах, насколько она помнила, всегда держится температура в примерно двадцать градусов тепла. Это не так уж мало, если нужно спуститься под землю

только для того, чтобы взять с ближайшей полки трёхлитровую банку огурцов к ужину. Но спустя несколько часов на такой температуре, холод начинает чувствоваться по-настоящему. Это не похоже на резкий укол мороза, как когда зимой выскакиваешь, легко одетым, из тёплой квартиры на балкон. От него не перехватывает дыхание, кожа не покрывается мурашками. Этот холод, неторопливый и вкрадчивый, как медленный яд, окутывает свою жертву постепенно. Долгое время его можно даже не замечать, считая, что твоим организмом не происходит ничего страшного. А потом внезапно приходит осознание того, что пальцы на руках и ногах ничего не чувствуют. Позвоночник гнётся всё хуже. Колени сгибаются неохотно и словно со скрипом.

— Надо что-то делать, — негромко сообщила Катя серым стенам, видевшим и слышавшим подобные фразы не раз. — Нельзя мёрзнуть.

Она решила, пока ещё у неё оставались силы, а ядовитые испарения не разъели мозг, обследовать свою темницу. Ключ к спасению мог быть и в самой камере, почему бы и нет? Оплошности допускают даже при постройке тюрем, так почему бы её не допустить и маньяку?

Начала девушка с двери, тщательно ощупав каждый миллиметр металлических листов, покрывавших дубовые доски. Она казалась сработанной грубо и неумело, но при этом на редкость надёжно и прочно. Даже навалившись на неё всем весом, пленница не смогла сдвинуть дверь даже на миллиметр. Она несколько раз с силой дёрнула её на себя, но также не добилась никакого результата. Дверь словно впаяли в проём. Разозлившись, девушка даже пнула преграду, но добилась только того, что ушибла палец на ноге.

Отчаяние навалилось на Катю. Захотелось сдать, лечь на кушетку лицом к стене и ждать, что же произойдёт дальше, но усилием воли она заставила себя продолжить осмотр камеры. Нельзя раскисать, произнесла она в голове мантру, знакомую с детства. Нельзя раскисать...

Её усилиям не поддались ни миска, ни закреплённая над койкой цепь. На последней девушка даже повисла всем весом, уперевшись ногами в край лежанки и рискуя раскроить голову, если та вдруг вылетит из крепления в стене. Но ничего так и не произошло. Пленница подумала, что у неё могло бы быть больше шансов, будь она мужчиной комплекции того же Андрея Семёновича... Но долго мечтать времени не оставалось. Встав посреди комнаты, она снова внимательно огляделась вокруг, пытаясь придумать ещё что-то. Она хотела даже попытаться оторвать от пола чашу Генуя, чтобы использовать её как оружие, когда мучители заявятся в камеру, но так и не пересилила брезгливость: тошнота подкатывала к горлу, едва девушка наклонялась над смрадной дырой.

Недолго передохнув, присев на край койки, девушка постаралась восстановить дыхание и вернуть ясность ума. Отчаяние ещё не завладело ей, но она понимала, что со временем чувство беспомощности будет усиливаться. Тишина и теснота давили на неё, напоминая, что всего в нескольких метрах от неё бурлит и живёт целый мир. Настоящий мир, тот, в котором нет психов, мечтающих женить своих умственно отсталых сыновей. Лёгкое чувство нереальности так и не покинуло Катю, которой казалось, что она очутилась вдруг на сцене посреди современной постановки. Ужасной, глупой и абсурдной.

Девушка поднялась с койки, предварительно без особой надежды подёргав металлическую полосу, прикрывавшую край лежака, и подошла к ближайшей стене. Ей показалось, что стена едва уловимо пульсирует под исцарапанными ладонями. Так в многоквартирных домах ощущаются на стенах вибрации от громкой музыки в другом

подъезде, хотя Катя и не могла сказать, что ощущение в точности такое же. Оно проистекало из-за границы реального мира. Она и ощущать эту вибрацию могла только потому, что сама покинула реальный мир...

Девушка шмыгнула носом и заскользила ладонями по шершавой стене, стараясь хотя бы так отыскать путь к спасению. Она надеялась, что найдётся хоть что-то, что ляжет в основу плана побега.

34.

Скорая увозила дядьку Митяя с того же места, где находился штаб волонтёров. Старикуну невероятно повезло: очередная «лиса», направлявшаяся в свой квадрат, отклонилась от маршрута и наткнулась на поляну, посреди которой он лежал ничком, безвольно раскинув руки. Поисковики, матерясь сквозь сжатые зубы, притащили его в лагерь, где уже вызвала скорую Наташа, предупреждённая о находке по рации.

— Ну что, дед, — рывкнула на дядьку Митяя координатор поисков, когда его уложили на туристическую пенку в тени фургона. — Добегался по жаре?!

Несмотря на злость, Наташа действовала уверенно и чётко: освободила шею и запястья старика от ворота и манжет застиранной рубахи, стащила с ног вонючие сапоги. Она как раз прижала кончики пальцев к шее старика, когда тот открыл глаза и проговорил, растягивая слова, но вполне отчётливо:

— Стены шершавые... Шершавые...

— Ты смотри, в мягких стенах не окажись, — отозвалась Наташа, едва удержав на языке слова «старый козёл». — Сейчас скорая приедет за тобой.

Дядька Митяй посмотрел на девушку мутным взглядом, не понимая ни слова.

— Карета приедет скоро! — повторила девушка громче и оказалась совершенно права.

Белый фургон, желтоватый от пыли, примчался к ним уже через несколько минут. Хмурый доктор быстро опросил волонтёров, затем вместе с водителем загрузил старика в кузов, заботливо пристегнув к каталке. Подмигнув координатору поисков, фельдшер высморкался прямо на землю, прижав к крыльям носа два пальца, и скорая умчалась. В Грачёвск, к маленькому двухэтажному зданию больницы со сводчатыми окнами, выкрашенному в розовый цвет.

35.

Пашка редко подходил к своему отцу, чтобы посоветоваться. Он вообще предпочитал, чтобы отец видел его как можно реже, ведь так значительно снижалась вероятность получить хлётский подзатыльник или не всегда сильный, но неизменно обидный пинок по заднице. Тычки и оплеухи Андрей Семёнович всегда раздавал охотно, хотя и не всегда за дело. Других воспитательных процедур мужчина, сам когда-то бывший жертвой домашнего насилия со стороны отца и старшего брата, попросту не признавал. Соседи большей частью относились к этому отрицательно, хотя и соглашались, что порой без этого в воспитании умственно неполноценного не обойтись.

К примеру, в тот раз, когда Пашке пришла в голову идея помастурбировать в кустах, подглядывая за стайкой загоравших на пляже девчонок. Его, разумеется, заметили, но, когда он это понял, умственно отсталый решил, что терять уже нечего, и вместо того, чтобы попытаться скрыться, бросился на них со спущенными штанами, рыча, брызжа слюной и неистово двигая тазом. Девчонки отбились от него и убежали, а от самосуда дурачка спас Валентин Георгиевич, с металлом в голосе заявивший, что требуется соблюдать закон и желающие могут написать заявление. И показательное изощрённо жестокое избиение, которое устроил ему отец. Пашкины визги и мольбы перестать вполне удовлетворили разгневанное население. А о том, что внезапную вспышку сексуальной агрессии у дурачка вызвал порнофильм, показанный накануне самим же Андреем Семёновичем, посторонним знать было вовсе не обязательно.

Но не смотря даже на всю боль и все обиды, которые доставлял ему отец, Пашка знал, что его любят. Эта любовь странным образом проистекала из боли, тесно переплеталась с ней, и одно без другого существовать уже не могло. Часто, как думал Пашка, эта «маленькая боль» спасала его от «большой боли». К примеру, после того памятного случая на пляже, Андрей Семёнович всё объяснил Пашке. Стоя с солдатским ремнём, намотанным на кулак, и плавно покачивая блестящей на солнце пряжкой, отец рассказал своему сыну, что тот может выбрать: он получит наказание от него или в тюрьме. Когда же заметил, что тот сомневается, что лучше, он рассказал ему о том, как наказывают в тюрьмах тех, кто со спущенными штанами набрасывается на девушек из кустов. Пашка побледнел и без колебаний выбрал наказание ремнём. А когда чуть позже к ним в гости заглянул участковый, чтобы провести воспитательную беседу, бился в истерике и рыдал, умоляя не сажать его в тюрьму, так сильно, что едва не заработал сердечный приступ. Андрей Семёнович остался доволен.

И всё же, как ни старался Пашка быть максимально незаметным, время от времени возникали моменты, когда ему приходилось обращаться к отцу за помощью. Обычно это касалось разных бытовых вопросов, и всё решалось быстро, но в этот раз Пашку волновали вещи куда более серьёзные и сложные. Отыскав отца возле гаража, копающегося в рассыпающихся от старости внутренностях баклажановой «четвёрки», он остановился у него за спиной, сопя и переминаясь с ноги на ногу.

— Папка...

— М? — откликнулся Андрей Семёнович недовольно.

— Пап.

— М-м, что?

Ещё немного помолчав, Пашка густо покраснел, открыл рот, чтобы задать вопрос, но из него вылетело только лишь короткое:

— Пап.

Вспыхнув, Андрей Семёнович кулаком врезал по крылу автомобиля, оставив на нём грязный след.

— Да что тебе надо, в конце-то концов, а?!

Пашка сжался, ожидая, что в следующий момент кулак с пушечной быстротой полетит к его лицу, но этого не произошло. Отец титаническим усилием воли взял себя в руки.

— Паша, говори уже, ладно?

Пашка послушно кивнул, глубоко вздохнул и выпалил:

— А что, если девочка не согласится, что тогда?!

Андрея Семёновича будто ударили под дых. Его лицо покраснело, губы зашлёпали, не издавая ни звука. Он с шумом выдохнул через сжатые зубы и, воровато оглядываясь, схватил Пашку за плечо и поволок к гаражу. Тот понял, что за заданный вопрос его, очевидно, ожидает взбучка, но не сопротивлялся.

Однако, бить сына Андрей Семёнович не стал. Втолкнув того затхлую прохладу покосившегося сарайчика, он наклонился к самому лицу умственно отсталого и зашептал, дыша ему в лицо перегаром:

— Пашка, ты чего, совсем тронулся? Я же тебе говорил, про «игрушки-развлекушки» ни слова на улице. А то нас в тюрьму обоих определяют. Помнишь, что в тюрьме бывает?

Пашка помнил. Вздогнув всем телом, он быстро-быстро закивал головой.

— Ну, так чего ты тогда?

— Я просто думал... — Пашка заговорил медленно тихо, но вспомнил, что это всегда бесило его отца, и продолжил быстрее и громче: — Я думал, что про жену-то можно...

Ярость вспыхнула быстро, словно разорвалась бомба. Андрей Семёнович даже дёрнулся, заноса руку для удара, но не успел — злость на глупость сына смыло волной горькой и острой нежности. Мужчина положил руку на плечо своему отпрыску, отчего тот вздрогнул, и проговорил тихо и ласково:

— Ну, она же не твоя жена ещё, правда?

Пашка грустно кивнул, и Андрей Семёнович продолжил:

— И ты не переживай. Она согласится. Я тебе обещаю.

Пашка немного повеселел, услышав последнюю фразу. Он знал, что его отец не разбрасывается обещаниями попусту.

— А теперь беги, нам завтра по делам ехать нужно будет, а машина плохо работает.

— Тебе помочь? — заулыбавшись, спросил Пашка. На мгновение Андрей Семёнович увидел его таким, каким тот являлся, когда его мозг прекратил развиваться: наивным шестилетним мальчуганом, улыбчивым и добрым. Глаза мужчины защипало, и он несколько раз торопливо моргнул, чтобы прогнать неприятное ощущение.

— Нет, я справлюсь. Иди, я не знаю... Поиграй в доме.

Развернувшись, Пашка умчался в свою комнату, громко топая и вихляя всем телом, а мужчина снова ощутил острую тоску. Много лет назад его сын действительно взялся бы за игрушки. Сейчас, скорее всего, устроится на кровати и будет мастурбировать, фантазируя о запертой в погребке девушке.

— Ну, ничего... — Андрей Семёнович быстро потёрся лицом о предплечье. — Ничего

Девчонка это всё исправит, всё будет хорошо...

36.

Почти сутки прошли с той поры, как Катины родственницы забили тревогу. Долгий летний день катился к вечеру. Наступило время ужина и, хотя ни Марина, ни Света голода не ощущали, за стол они уселись. Чтобы напомнить себе и друг другу, что они всё ещё семья.

Марина, по-прежнему обиженная на младшую сестру, заново переживала произошедшее между ней и Андреем Семёновичем. Неужто и правда промелькнуло нечто, чего раньше у неё ни с кем не бывало? Неужели такой видный мужчина обратил на неё внимание? Неужели? Неужели?..

А Света не начинала разговор потому, что думала о другом. В её голове билась одна простая мысль: вторая ночь. Наступала вторая ночь, которую её дочь должна провести в лесу. Сможет ли она согреться? Сумеет ли забраться на дерево в случае опасности? Не ранена ли она? Ест ли хоть что-то? Не замерзает ли она?.. Тысячи вопросов, один страшнее другого. И самым ужасным среди всех этой массы существовал один, который Света старательно гнала от себя, но никак не могла избавиться от него: не виновата ли она сама в Катиной пропаже? Тем или иным образом...

Такими, закрывшимися в собственных маленьких мирках, их и застал участковый, заглянувший проведать переживающую несчастье семью. Дверь открыла Марина, быстро и почти грациозно вскочив со своего места за столом, едва заслышав стук. Уж в чём, а в умении изображать хорошую мину при посторонних, как бы плохо ни шли дела, ей отказать было никак нельзя.

— Проходите, Валентин Георгиевич! — громко произнесла она, хватая полицейского за локоть, словно боясь, что тот убежит. — Будете ужинать? На службе-то, наверное, не успели, да?

Слегка опешив от такого напора, которого совсем не ожидал от убитых горем людей, он осторожно освободил руку и отказался от еды. За стол, впрочем, присел, подвинув табуретку от входной двери. Форменная фуражка со стуком упала на грязную клеёнку, привычно брошенная на стол. Долгое время полицейский молчал, не зная, с чего начать разговор. Молчали и женщины, медленно возвращаясь к реальности.

— Заходили к вам? Ну, из участка? — произнёс, наконец, Валентин Георгиевич.

— Заходили, — ответила Марина коротко. — Рано утром сегодня. Ты как не в курсе-то оказался? Светку же возил к лесу?

Она не собиралась грубить полицейскому, но чувствовала, что тот непонятным образом раздражает её. После небольшой паузы женщина продолжила:

— Вы с новостями какими, Валентин Георгиевич? Или так, проведать?

Полицейский крикнул и неопределённо поводит рукой в воздухе. Он и сам толком не знал, по делу зашёл или просто проведать. Поначалу он планировал рассказать им о работе волонтеров, которых проводывал несколько раз в течение дня, но отказался от этой идеи. Ведь тогда пришлось бы рассказывать и о том, что случилось с городским сумасшедшим. А Марина, как он знал, чудаковатого старика недолюбливала.

— Узнать, может, чем помочь вам смогу?.. — неуверенно пробормотал он.

Марина раскрыла рот, чтобы ответить, наверняка что-нибудь неприятное, но её опередила Светлана:

— Можете... — прошептала она. — Дочку мою найдите, чтобы всё нормально стало...

Крупная слеза повисла на концах Светиных ресниц, качнулась, и с тихим стуком упала

на стол. Участковый подхватил фуражку и поднялся. Он хотел было ответить заученную фразу, что они с волонтерами делают всё возможное, но лишь поперхнулся ею. Кивнув на прощание, он молча шагнул к выходу.

37.

Выйдя на улицу, Валентин Георгиевич поёжился, словно только что побывал на морозе. По долгу службы ему не раз приходилось общаться с семьями пропавших людей, но обычно у него не возникало такого тягостного чувства. Беды сплачивают людей, забываются дразги и конфликты. Но между сёстрами, видимо, пролегла слишком глубокая пропасть, через которую даже пропажа родственника мосты навести не способна. Находясь в тесной кухне, он буквально кожей чувствовал тоску и дискомфорт.

— Да уж... — невесело хихикнул участковый. — Девочка для них важнее была, чем...

Важнее, чем что, он так и не придумал. Занятый невесёлыми мыслями, полицейский брёл по кривой улочке, с двух сторон стиснутой заборами, над которыми виднелись пышные шапки бузины и сирени. Солнце клонилось к закату, жара медленно спадала, уступая место прохладе и свежести. Скоро зажгутся фонари, примерно каждый третий, и большая часть городка погрузится в непроглядную сельскую тьму. Полицейский представил, какая темень по ночам стоит в лесу, где кроны деревьев заслоняют звёзды, и почувствовал пронзительную грусть. Девочка там совсем одна, каково-то ей? О чём она думает, если каким-то чудом сумела продержаться в глухой чаще больше суток без еды и воды? И, что куда важнее, к чему она вернётся, если её найдут волонтеры? Представить её родню любящей и заботливой, радостно суетящейся вокруг чудом спасённой девчонки, у него никак не выходило...

Валентин Георгиевич шагал, не осмысляя дорогу, и доверившись своим инстинктам в выборе пути. Как и любой полицейский, даже занимающий такую неблагодарную должность, никак не связанную с оперативной работой, он обладал развитой интуицией, которую его коллеги называли между собой «чуйкой». Возможно, именно эту чутьё, свойственное хищникам и охотничьим псам, и привело его к низкому старому дому за забором из ржавой сетки-рабицы.

Осознав, где находится, участковый замедлил шаги и остановился так, чтобы его не особенно было заметно с участка. Он ещё не до конца решил, доверяет ли мрачным пророчествам и надуманным обвинениям дядьки Митяя. Но неопрятный толстяк Андрей Семёнович, и в этом полицейский старался оставаться честным перед самим собой, вызывал у него смутные подозрения. Не связанные напрямую с Катей, нет. Но этот мужик, на первый взгляд такой простой и хватистый, хотя и угрюмый, вызывал у него смутное беспокойство. С бывшим охотником явно творилось что-то неладное, и это не касалось одних только регулярных избиений умственно отсталого сына. Глядя через забор на то, как Андрей Семёнович копается под капотом машины, Валентин Георгиевич внезапно ясно представил себе, как тот такими же движениями ковыряется во внутренностях трупа, лежащего перед ним с распоротым животом.

Торопливо тряхнув головой, участковый поправил фуражку и направился дальше по улочке, намереваясь дома выпить рюмку водки и лечь спать. Ему пришлось много ходить пешком в последнее время, и ноги, натёртые неудобными туфлями, нещадно ныли.

38.

Дядька Митяй, лежавший в это время на больничной койке, мелко задрожал и крепко стиснул в руках одеяло. Его оставили в палате до следующего утра, но в целом состояние старика не вызывало у врачей опасений. Перегрелся, говорили они. Переутомился.

Но дядька Митяй знал, что дело далеко не в этом. Едва только время перевалило за девять часов вечера, и раскалённый солнечный диск стал клониться к горизонту, как на него снова стало волнами накатывать болезненное состояние предчувствия. Кончики пальцев занемели, а в груди родилась тянущая боль. Гнойник, невидимый, но вполне ощутимый сгусток зла, снова пульсировал. Это означало, что сегодняшний вечер снова принесёт страдания.

Старый сумасшедший смотрел на то, как стены палаты медленно багровеют в прощальном солнечном свете, словно сквозь облепившуюся краску проступает кровь. Он хотел верить, что смог бы помочь избежать зла, будь он хотя бы немного моложе, но в то же время осознавал, что это не так. Он мог быть сколь угодно юн и силен — зло всё равно свершилось бы. И от этого Дмитрий Юрьевич невыразимо тосковал, злясь на самого себя.

39.

Андрей Семёнович ужинал неторопливо и с наслаждением. От его рук пахло машинным маслом, в воздухе разлилась приятная прохлада ранних сумерек, навевая расслабленное настроение. В другое время он снова позволил бы себе бутылочку пива, но не в этот раз. Во-первых, на следующий день ему предстояла поездка, чтобы создать видимость того, что он занят бизнесом. А во-вторых, позже вечером ещё требовалось зайти к пленнице и провести с ней беседу. И второе было даже важнее.

Закончив есть, толстяк собрал со стола тарелки и, плеснув в тазик воды из ведра, несколько раз прошёлся по ним тряпкой, смывая куриные кости и прилипшие к дну кусочки подгоревшей кожи. Потом бережно слил получившуюся жижу в маленькую кастрюльку, туда же добавил целую луковицу и горсть гречки. Брезгливо помешав получившуюся бурду ложкой, он поставил кастрюлю на плиту и зажёл под ней конфорку. Потом подкурил от того же крохотного синего пламени и, подхватив со стола консервную банку, исполнявшую роль пепельницы, уселся на стул. Только после этого Пашка, всё это время молчаливо наблюдавший за происходящим, решился подать голос. Подойдя к отцу, он ткнул пальцев медленно нагревающуюся алюминиевую кастрюлю и спросил:

— Это для... Да?

— Да, — кивнул Андрей Семёнович. — Для жены твоей.

Он широко улыбнулся и подмигнул сыну. Тот коротко хохотнул. Папка явно пребывал в отличном настроении, а значит, он тоже обязан смеяться, чтобы не получить в зубы. Не слишком много и не слишком громко, конечно же.

— Ей иногда горячего тоже хочется.

Последняя фраза Андрея Семёновича повисла в воздухе. Маленькое семейство замерло в предзакатных сумерках, наслаждаясь тишиной и покоем. Где-то далеко раздался истошный собачий лай, но этот звук странным образом не нарушил, а лишь усилил чувство умиротворения. Всё было хорошо. А скоро, и оба они верили в это, станет ещё лучше. У Пашки появится жена. Потом детишки пойдут. Вот оно, настоящее счастье — дом, семья, своё хозяйство. О чём ещё мечтать? Андрей Семёнович усмехнулся, и Пашка моментально улыбнулся в ответ, демонстрируя бледно-розовые дёсны и жёлтые от налёта, но удивительно ровные зубы. Мужчина снова отбросил сомнения в правильности своего поступка. Да, он рискует, но, если говорить по сути, то чем? Девчонку уже сутки ищут в лесу, и вряд ли, не смотря даже на невесть откуда взявшиеся подозрения старого сумасшедшего, станут искать непосредственно в Грачёвске. Если она уйдёт в отказ — всегда можно будет поразвлечься с ней, а потом чиркнуть ножом по горлу и бросить труп в выгребную яму в подвале. И

попробовать снова немного позже. Со временем отыщется та, которая согласится...

Приятные размышления Андрея Семёновича прервал громкий стук у калитки. Кто-то стоял возле участка и отчаянно пытался привлечь его внимание, бряцая щеколдой. Расслабленное настроение толстяка улетучилось. На лбу выступили крупные капли пота, руки покрылись гусиной кожей.

«Попался! Попался! Попался!» — застучало в мозгу. — «Полиция пришла за тобой! Чтс ты натворил, она ведь живёт совсем рядом!»

Машинально схватив со стола нож, мужчина перевёл взгляд на сына. Тот стоял смертельно бледный, стиснув руками край стола. Его зрачки расширились так сильно, что за ними почти полностью скрылись радужки.

«Зарезать!» — мелькнула в голове мужчины отчаянная паническая мысль. — «Сперва его, а потом себя! А девка сдохнет в подвале, один хрен не найдут!»

Видимо, все эти мысли промелькнули на лице Андрея Семёновича. Пашка, оглушённый моментально сгустившейся атмосферой ужаса и безысходности, энергично замотал головой и принялся медленно, будто под водой, отступать от отца. Мужчина, приподнимаясь со стула, напротив, мелко закивал своему отпрыску. Лезвие ножа едва слышно звякнуло, соскальзывая с края стола. Рука Андрея Семёновича напряглась, готовясь совершить бросок, который оборвёт недолгую и бесполезную жизнь его сына. И в этот момент прозвучал резкий крик, моментально разрушивший ужасную магию момента.

— Андрей Семёныч! Андрей!

Он узнал зовущую его женщину.

— Иду, Марина Витальна!

Голос Андрея Семёновича прозвучал почти что нормально. Разве что немного дрожал, но это различил только Пашка, стоявший к нему почти вплотную.

40.

Когда Марина шла по улице, она чувствовала себя полнейшей дурой. С наступлением сумерек раздражение после ссоры с сестрой отступило. И на место этого неприятного чувства пришло новое: смутное томление, постоянно сопровождаемое образом Андрея Семёновича. Образ этот, как и вся жизнь Марины, был далеко не поэтического характера. Она вздыхала не о широких плечах и ясной улыбке своего избранника. Человек, привыкший мыслить практическими категориями, она думала о другом: о том, что он умелый мужик, своими руками отстроивший дом и гараж. О твёрдом характере, позволявшем ему содержать сына-инвалида без всяких социальных льгот, да одновременно с тем ещё и развивать собственный небольшой бизнес. За всеми этими качествами она не замечала ни его склонности к выпивке, ни излишней жестокости, ни отвратительного внешнего вида.

Напавшее на неё томление поднимало настроение, но смущало и беспокоило, побуждая сделать хоть что-то, чтобы обратить на себя внимание мужчины. Обрывки наполовину стёршихся из памяти наставлений матери и сцены из бразильских сериалов кружились в её голове. Эти неясные образы нашёптывали ей, что такой мужик больше всего должен оценить заботу. Тяжело ведь без женской руки столько времени, да ещё как тяжело!

Так что на закате Марина удивила сестру. На несколько минут та даже забыла о своём маленьком мирке, полном боли, и с недоумением наблюдала, как её грубая и нелюдимая родственница молча вскочила и, рассыпая муку, принялась стряпать тесто. От жара и смущения она покраснелась и без перерыва бормотала всякие глупости, то хмурясь, то хихикая.

Когда пирожки с картошкой были готовы, Марина сгрузила их в глубокое эмалированное блюдо, прикрыла сверху кухонным полотенцем, и быстрым шагом, почти бегом, помчалась к дому Андрея Семёновича. Вечерняя прохлада отрезвила её, и в какой-то момент она решила повернуть обратно, но не смогла себя заставить, очень уж глупо это смотрелось бы.

Так что, спустя всего несколько минут, показавшихся ей вечностью, Марина уже остановилась возле участка Андрея Семёновича. Покрытые пятнами ржавчины металлические ворота, через которые он загонял машину, висели на гнилых деревянных столбах, чуть покосившись. Створки оставили на земле глубокие борозды.

«Вот мужики, всегда их всё устраивает, как есть,» — внезапно подумала Марина. А потом закончила мысль ещё более неожиданно: — «Ничего, со мной у него всё иначе будет!»

От уверенности, что это самое «с ней» в жизни Андрея Семёновича непременно наступит, у Марины пересохло горло и она так и не смогла выдать из себя ни звука, чтобы позвать хозяина дома. Не соображая толком, что она делает, женщина просунула руку между прутьями одной из створок ворот и принялась громко трясти массивный металлический засов с грубо приваренными к нему ушками для всячего замка. Резкий лязг разнёсся над улицей. Марина стучала засовом, как спасавшиеся от внезапного бедствия стучали в набат, умоляя помочь им.

— Андрей Семёныч! — завопила она, и её вопль напоминал крик боли. — Андрей!

На чудовищное мгновение ей показалось, что мужчины и его сына нет дома. Машина стояла на участке, но ведь они с Пашкой могли уйти и пешком? В магазин или ещё куда... При мысли о том, как позорно она выглядит в глазах соседей, ломаясь на участок человека, которого в этот момент могло не оказаться дома, у неё подогнулись колени. Тазик с пирожками, крепко прижатый к боку свободной рукой, внезапно стал настолько тяжёлым, что едва не выскользнул на землю, покрывая её уже просто окончательным позором, доводя до высшей точки невероятного срама...

Но кошмар рассеялся, как только из дома донёсся крик:

— Иду, Марина Витальна!

Женщина судорожно вздохнула и с трудом разжала окаменевшие на засове пальцы.

Андрей Семёнович вышел из дома, слегка бледноватый и растерянный. Однако его появление резко успокоило Марину. Она почувствовала, что от него словно исходит тепло, накрывающее её мягкой волной, смывая с неё робость и стыд за то, что она пришла. Появилась уверенность в том, что она всё сделала правильно, и идея с пирожками вдруг показалась на редкость удачной.

— Ты чего, Марина Витальна? — поинтересовался мужчина, подходя к воротам. — Случилось чего? Помощь нужна?

Женщина непривычным движением убрала со лба прилипшие к потной коже волосы. Она ответила, неторопливо и певуче растягивая гласные:

— Да нет, нет, всё хорошо. Наоборот, решила вот вам с Пашкой помочь немного.

Взгляд Андрея Семёновича упал на прикрытый полотенцем тазик, и он вопросительно изогнул бровь.

— Помочь?

— Да-а-а... Пирожков вот напекла, чтобы руки занять чем-то, а у нас дома-то... Ну, не до пирожков сейчас.

И она хихикнула. Громко и совершенно неуместно. Но мужчина в ответ улыбнулся, широко и открыто, показывая, что отлично всё понимает. Марина почувствовала, что в груди у неё впервые в жизни разливается приятное тепло. Ощущение совершенно новое, но ей не хотелось от него избавиться. Ей хотелось ещё.

Густо краснея, Марина протянула над воротами тару с выпечкой. Андрей Семёнович машинально принял его, и женщина вздрогнула, когда его пальцы скользнули по её кисти.

— Я сейчас это... — мужчина суетливо оглянулся. — Сейчас переложу во что-нибудь.

— Да не надо, я лучше... Я лучше завтра за миской зайду.

В голосе Марины прозвучали интонации, которые раньше она знала лишь бесконечным бразильским сериалам. Она покачивалась на волнах удовольствия, с огромным опозданием раскрывая для себя прелести любовной игры.

— А, ну давай, — мужчина снова улыбнулся. Его левое веко дёрнулось, словно он хотел подмигнуть, но не решился. — Только вечером так же, а то мы с Пашкой в разъездах будем днём.

— Хорошо, — проворковала Марина и, почувствовав, что разговор стоит заканчивать, отступила на шаг от забора. — До завтра, Андрей Семёныч.

— До завтра, Марина Витальна.

И она зашагала по улице, но не своей привычной грузной походкой, а так, как могла бы идти либо очень молодая, либо очень счастливая женщина. Казалось, её ступни едва касаются земли, а в движениях совершенно не обычного напряжения и агрессии. Андрей Семёнович ещё некоторое время смотрел ей вслед, пытаясь определить, верно ли он всё понял.

41.

Дереализация вернулась к Кате, многократно усилившись. Она лежала на боку на металлической койке, обхватив руками колени, и тихонько всхлипывала, плача без слёз. В полной тишине тесной темницы девушка начала улавливать звуки. Ей слышались обрывки песен на незнакомых языках, словно кто-то невидимый крутил ручку настройки радиоприёмника, без перерыва скача между станциями. Но, стоило ей прислушаться к этим звукам, как они стихали, и на их место приходили новые. Изю всех углов камеры начинали раздаваться шорохи и скрипы, напоминающие звуки волокущихся по бетону тел и скрежет когтей по металлу. В выгребной яме низкий басовитый голос неразборчиво шептал, временами глумливо хихикая. Эта попытка фантомными звуками длилась и длилась без конца, подходя вплотную к той черте, за которой издевательства превращаются в театр абсурда. Подходя, но не переступая её.

От всего этого хотелось сбежать. Катя, закрыв глаза, постаралась сосредоточиться на своём внутреннем мире, мысленно перенестись в другое место, хотя бы на несколько мгновений забыть о мучавшем её кошмаре. Вышло хуже: из камеры она не сбежала, но при этом неведомым образом покинула своё тело. Паря под низким потолком, она смогла подробно рассмотреть своё тело, показавшееся ей таким нелепым и несуразным, что девушку захлётнуло смешанное чувство нежности и отвращения. От пребывания в замкнутом пространстве, постоянного стресса и голода черты её лица заострились, кожа побледнела и осунулась. Под глазами набрякли огромные синие мешки. Широкие монгольские скулы, которыми до этого она тайно гордилась, теперь уродовали её лицо, делая её непропорциональным и по-мужски угловатым. Нос, прежде аккуратный и чуть вздёрнутый, заострился и пожелтел. Катя стала похожа на небрежно вытесанную

деревянную куклу.

«И кому теперь может быть нужно... такое...» — размышляла девушка, вплотную приблизившись к своему лицу. — «И правда, разве что двум извращенцам-маньякам. И как я не замечала своего уродства? Как я не замечала этого всего?..»

Звуки, смолкшие на мгновение, когда её сознание отделилось от тела, вернулись. И теперь, освобождённая от телесных оков, она могла различить слова.

— Никому не нужна, обречена, сдохнет в полной безвестности... — деловым тоном вещал диктор из расположенного где-то далеко радио. — Мы будем следить за развитием событий.

— Дура! Дура! Дура! Уродина! — булькала чаша Генуя в углу, хихикая своими зловонными внутренностями.

— Паш-ш-шку будеш-шь ублаш-ша-а-ать... — с присвистом шипело существо, ползавшее под койкой, цепляясь за холодный пол металлическими когтями. — Ш-ш-шенаа-а-а... Будуш-ш-шая ш-шена-а-а...

Голоса становились всё громче. Из углов камеры, из каждой трещинки и неровности, способной рождать тень, поднялись призраки. Фигуры, как сразу же догадалась Катя, некогда бывшие человеческими, но утратившие всякое сходство с людьми. И они тянули к ней корявые пальцы, жадно сгибая и разгибая их, шипя и хрипя бессмысленно раззявленными ртами с порванными связками и сломанными челюстями.

Щелчок открываемого замка прозвучал посреди этой вакханалии звонко, как выстрел. И всё вернулось на круги своя. Не произошло никакого перехода, как это обычно бывает в кино. Катя просто открыла глаза, чувствуя, что у неё перехватило дыхание от ужаса, и увидела вокруг себя ту же комнату, в которой она начала своё путешествие по неизведанным сторонам мира.

— О, пожрала...

Спокойный голос старшего из похитителей разнёсся по камере и что-то потекло в миску, звонко ударяясь о её дно и расплёскиваясь. Катя, судорожно перебирая руками и ногами, отпрянула к дальней от входа стене.

Мужчина словно не обратил на это движение внимания. Вылив содержимое кастрюли, он не глядя сунул её в руки своему сыну и сделал два шага в центр комнаты. Крякнув и поморщившись от вони, закурил папиросу уже привычным Кате движением, с ленивой грацией чиркнув спичкой по коробку.

— Ну что, решилась? — спросил он, и девушке показалось, что его слова за клубились по комнате вместе с едким дымом. — У тебя сутки остались.

Катя молчала, парализованная ужасом только что пережитого кошмара. Но мужчина об этом, конечно, не знал.

— Ясно...

Андрей Семёнович стряхнул с рукава грязной тенниски невидимую пылинку и похозяйски уселся на край койки. Повисла тягостная тишина. Девушку мучало ужасное чувство дежавю. Оба её мучителя выглядели и вели себя точно так же, как и несколько часов назад, во время их первой встречи. Младший стоял возле двери и дёргал свой член через штаны, неотрывно глядя на неё. Старший болтал дружелюбно и немного развязно. Это так походило на кошмарный сон, что девушка едва не рассмеялась. Сигарета мужчины меж тем дотлела почти до его пальцев. Жадно сделав последнюю крохотную затяжку, он метким щелчком отправил окурок в унитаз и вдруг, без всякого предупреждения, выхватил из-за спины нож.

Массивное короткое лезвие блеснуло в свете тусклой лампочки, будто усмехнулось.

«Привет, Катя!» — говорило это лезвие. — «Похоже, пришло время познакомиться поближе!»

Повинуясь коротким, но ловким пальцам похитителя, нож затрепетал, как чувствующий близкую добычу хищник. Кате даже показалось, что это не руки маньяка управляют клинком, а наоборот — остро отточенный кусок стали через рукоять передаёт тёмные импульсы человеку, который превратился в безвольную куклу.

— Ого... — выдохнул мужчина. — Да ты обоссалась!

Тёплое мокрое пятно расплывалось по старым штанам девушки, и ткань прилипала к коже. От обиды и унижения пленница снова расплакалась. От обезвоживания её слёзы, которых, как ей казалось, уже и не оставалось вовсе, стали густыми и горячими. Воспалённые глаза, покрытые мелкой сетью лопнувших капилляров, нещадно щипало, и всё вокруг расплылось, будто она смотрела на тесную комнатку, двух мужчин и нож через мутное стекло.

— Пашка! — Андрей Семёнович расхохотался. — Да вы с ней друг другу подходите! Что ты ссышься до сих пор, что она!

Умственно отсталый тоже засмеялся, тоненько и неуверенно, просто ради того, чтобы избежать увесистого подзатыльника. А мужчина всё продолжал и продолжал хохотать. Он запрокидывал голову назад, широко разевал рот и трясся всем телом, будто смех был чем-то чужеродным, от чего его организм стремился избавиться. Когда воздух в лёгких заканчивался, он принимался по-бабьи хихикать, стуча себя по коленям и вытирая слезящиеся глаза.

— О-о-ох... — выдохнул он, наконец. — Ну, насмешили... детишки.

И... подмигнул Кате. Как, должно быть, действительно мог бы подмигивать взрослый мужчина подружке своего сына, неожиданно удачно пошутившей. Девушка почувствовала, что у неё мороз прошёл по коже. Не потому, что в этом жесте крылось что-то пугающее, не от его естественности и непринуждённости. Её напугало то, что она внезапно почувствовала, что такое подмигивание даже понравилось бы ей, если бы она видела его не над тускло блестящим лезвием ножа.

В камере снова повисла тишина. Старший из похитителей сидел, уставившись в пустоту перед собой. Рука с ножом немного опустилась, но его хищный кончик по-прежнему был нацелен на пленницу. Пашка, продолжавший стоять у двери, с неудовольствием ощутил, что у него пропала эрекция, моментально появлявшаяся при виде Кати, и обиженно сопел. А девушка, снова начавшая утрачивать связь с реальностью, молча сидела, сжавшись в комочек и в страхе переводила взгляд с одного своего мучителя на другого. Её сознание и тело связывала тоненькая ниточка инстинкта самосохранения. Ей казалось, что ещё немного — и она снова выйдет за пределы своей физической оболочки. Тогда, наверное, она сможет разглядеть куда больше в этой камере и своих мучителях... Но с другой стороны, повторять этот трюк при них она боялась. В голове билась бредовая мысль, что Андрей Семёнович сможет заметить её сознание, отделённое от тела, и проткнуть его ножом, как воздушный шарик. И тогда оставшаяся в одиночестве пустая оболочка станет для них идеальной сексуальной игрушкой. Она подтвердит все их слова. Согласится с любыми условиями. Она, в конце концов, родит им ребёнка. Мальчика, из которого они воспитают ещё одно животное, уверенное в том, что похищение и угроза — не худший вариант добиться девушки. Или девочку, которую они скорее всего...

— Раздевайся...

Голос Андрея Семёновича прозвучал сухо и хрипло, как шелест опавших листьев по железной крыше деревенского дома. Облако мыслей и фантазий, медленно раздувавшееся в голове Кати, мгновенно лопнуло, оставив после себя гулкую тёплую пустоту, наполненную блаженным непониманием. А потом она залепетала, тихо и беспомощно:

— Нет, послушайте, это же... Ну...

Мужчина, не меняя позы, повернул к ней голову.

— Невозможно? Угадал?

Его голос казался лишённым интонаций, и девушка даже не сразу поняла, что он озвучивал вопросы. Мужчина дышал редко, но глубоко и шумно, со свистом выдыхая воздух из широко раздувавшихся ноздрей. Глаза маньяка потеряли цвет, а зрачки сузились, как у наркомана. Да он и являлся наркоманом. От пассивного издевательства над девушкой мучитель перешёл к активным — и получал дозу любимого вещества. Ощущение тотальной, безграничной власти над пленницей пьянило, заставляло сердце мужчины стучать тяжело и медленно, но с каждым ударом распространяя волны острого наслаждения по телу. Это наслаждение сушило глотку, заставляло зудеть все мышцы и вызывало мощную, почти болезненную эрекцию. Прямо как в пятнадцать лет!

Рука Андрея Семёновича с зажатым в ней ножом медленно приподнялась, и клинок описал в воздухе замысловатую траекторию, словно мужчина был неловко двигающейся марионеткой.

— Рас-с-сдевайся... — повторил он, и его голос напомнил змеиное шипение.

«Паш-ш-шкубудеш-шьублаш-ша-а-ать...» — эхом отозвалось в Катиной голове.

Краем глаза она заметила, как вжался спиной в стену сын маньяка. Он тоже дышал тяжело, но совсем по другой причине: состояние отца приводило его в ужас. Парень прекрасно знал, на что способен Андрей Семёнович в этом тёмном экстазе, и пытался сделать как можно менее заметным. Его вспотевшие пальцы до боли стискивали выщербленные края алюминиевой кастрюли.

Лицо похитителя искривилось в жуткой гримасе, будто он испытал невероятную боль. Онемевшие губы, похожие на двух жирных червей, мелко дрожали. Его глотка извергла невнятное бормотание.

— П... Пожалуйста... — прошептала Катя.

Мышцы на лице мужчины зашевелились, словно он забыл, как управлять ими. Язык заворочался во рту. Глаза вылезли из орбит, а по лбу потекли струйки пота, задерживаясь в морщинах и чертя в них горизонтальные линии.

— Яйца отрезал... — прошептал он. — И заставил сожрать. А потом рану зажигалкой прижигал. А он не сдох... Не сдох...

И Андрей Семёнович захихикал. Тоненько, как старушка. И всё его огромное жирное тело заколыхалось в такт этому хихиканью. Единственная точка, которая не затряслась, находилась на кончике ножа. Рука, сжимавшая деревянную рукоять, медленно потянулась в сторону Кати. Девушке показалось, что их разделяет огромное расстояние. Что Андрей Семёнович сидит в нескольких километрах от неё, мерзкий и страшный. И его рука тянется к ней, нацелившись кончиком ножа в низ живота, тянется мучительно медленно, всё удлиняясь и удлиняясь. Заворожённая этой бредовой картиной, она даже не отпрянула, когда лезвие, похожее на жёсткий и холодный язык пресмыкающегося, своим кончиком поддело подол её футболки, чуть царапнув покрытую мурашками кожу. Металл обжёг кожу холодом,

и Катя инстинктивно втянула живот. Пашка, ощутивший всю интимность происходящего, снова вцепился рукой в свою промежность.

— Кишки его заставил своими руками из живота вытаскивать... Обещал отпустить... — прошептал Андрей Семёнович.

Ткань Катиной футболки не затрещала, а тихонечко зашуршала, когда он потянул клинок на себя. Нож легко разрезал старую вылинявшую ткань, оставив два разрезанных края болтаться, как флаги капитулировавшего государства.

— Я её язык засолил, до сих пор на кухне стоит в банке, да... — снова выдохнул Андрей Семёнович часть своей страшной исповеди.

И тогда Катя поняла, что, если нож приблизится к ней ещё раз — мужчина погрузит его ей живот до самой рукоятки. Он делает это так же неторопливо, бормоча фрагменты своих не то выдумок, не то воспоминаний. Плавно, чтобы не нарушить возникшее между ними равновесие, девушка взялась обеими руками за низ футболки и потянула разрезанную ткань вверх. Пашка, одной рукой прижимавший к груди кастрюлю, а другой мявший себя между ног, засопел громче.

42.

Свежий ночной воздух немного отрезвил Андрея Семёновича. Темнота уже вступила в свои права над Грачёвском, и его двор тонул во тьме, слегка рассеянной светом уличных фонарей. Мужчина всё ещё обливался потом и дышал тяжело, словно только что пробежался до Липецка и обратно пешком.

— Папка?... — неуверенно произнёс Пашка у него за спиной.

Андрей Семёнович лишь отмахнулся от сына. В правой руке он всё ещё сжимал нож, а в левой — ворох тряпок, которые сняла с себя девчонка. Картины зверств, которые он в прошлом учинял в подвале, медленно таяли перед глазами. Если бы не темнота — соседи наверняка бы уже мчались к участковому, рассказывать о том, что он сошёл с ума... Андрей Семёнович вытер лицо Катиной одеждой, не обращая внимания на пропитавшую её мочу, и постарался успокоить дыхание.

— Пап...

Спереди на Пашкиных штанах расплзлось мокрое пятно. При взгляде на него возникало чувство отвращения, поэтому мужчина старательно отводил глаза.

— Пап...

— Да что тебе надо?!

Андрею Семёновичу хотелось орать, но он смог сдержаться, ограничившись громким шёпотом. Он ещё не успокоился до конца, и Пашка пока ещё не вписывался в его картину мира. Сын ощущался досадной помехой. Но помехой чему? Об этом он старался не думать. Просто помехой — и всё. Обузой, повисшей на его шее.

— Папка... — сын перешёл на шёпот вслед за отцом. — А что дальше делать будем?

Андрей Семёнович задрал голову вверх и посмотрел на небо. Стояла ясная погода, и холодные звёзды перемигивались друг с другом, как будто тоже с любопытством ожидали его ответа. Что дальше? Уверенность в правильности совершаемых им действий вновь исчезла. Осталась лишь вызванная ощущением собственного бессилия злость и обида на весь мир. Что он такое сделал? Зачем понадобилось раздевать девку? Да ещё и резать её одежду...

Мерцание звёзд немного успокаивало. Казалось, что они прибавляют и теряют яркость в осмысленном ритме, гипнотизируя его, пытаясь донести очень важную мысль. Нужно лишь

сосредоточиться ещё немного сильнее...

— Пап! — тихий голос сына вызвал такую ярость, что маньяк едва сдержался, чтобы не вспороть ему брюхо ножом. — Пап, я в сортир хочу. И спать.

— Ну так иди в сортир и ложись! — рявкнул Андрей Семёнович.

Ему казалось, что он близок к разгадке, к пониманию причины неправильности произошедшего. Мужчина проводил взглядом сына, который направился к нужнику, так и сжимая в руках кастрюлю. Хотел окликнуть его, чтобы отнёс посуду на кухню, но не стал. Сам уж как-нибудь догадается, что гадить в неё не нужно. Вместо этого Андрей Семёнович снова поднял глаза на небо, но правильный момент ускользнул. Звёзды вновь превратились в безжизненные осколки стекла, застрявшие в чёрной ткани небосвода. Острое чувство ошибочности произошедшего притупилось и отошло на задний план, из трубного рёва превратившись в комариный писк. Ощущение близости разгадки пропало вовсе. Вместо них пришли бесконечная усталость и тупое безразличие. Захотелось, чтобы поскорее всё закончилось, так или иначе.

Тяжело вздохнув, мужчина привычным движением сунул нож в чехол на поясе и медленно побрёл к дому. А то, неровен час, кто-нибудь глазастый всё же разглядит его, истуканом застывшего посреди двора.

43.

Заперевшись в нужнике, Пашка некоторое время поиграл в водителя, сидя на самодельном деревянном стульчаке. Очень кстати оказавшаяся у него в руках кастрюля превратилась в руль, а громовые залпы кишечных газов — в мощный выхлоп гоночного болида. Пашка верил, что когда-нибудь он сможет уехать из Грачёвска и начать новую, совершенно новую жизнь в большом городе. В Липецке, а то и в Москве! Тогда-то уж у него будет всё: и большой телевизор, и квартира с золочёными стульями, и телефон без кнопок. И, разумеется, быстрая гоночная машина, чтобы кататься на ней по ночам... От сладких фантазий у умственно отсталого слегка щекотало в носу, словно он готовился вот-вот чихнуть, и покрывались липким потом ладони.

Но в эту ночь любимая игра быстро ему надоела. Из головы никак не шёл образ запертой в подвале девушки. Беспомощная и униженная, она жалась в самый угол камеры, пытаясь прикрыть наготу руками. Слезы медленно скользили по грязным щекам, маслянисто поблёскивая в свете тусклой лампочки. Волна возбуждения накатила на парня, и он торопливо ухватился за свои причиндалы, но пенис быстро обмяк прямо у него в ладони. Волнение от увиденного прошло быстро, как будто прохладный ночной ветерок, горько пахнувший полынью, проник сквозь щели в стене сортира и сдул его. Зато на место этой волны тут же нахлынула новая: горечи, смутной тоски и подспудного страха. Пашкина спина покрылась мурашками, и он торопливо вскочил, одним движением натянув штаны.

Катя не была первой пленницей, которую Андрей Семёнович раздел при сыне. Что уж там, Пашка видел и вещи куда более жуткие, в некоторых даже сам принимал участие. Он отлично помнил, как держал руки худощавого подростка задранными вверх, прижав их к полу объёмистым пузом, пока его отец вырезал на груди и животе жертвы матерные слова. Но даже в тот раз его не посетила ни одна дурная мысль. Сегодня же Пашкино сердце едва не разрывалось от мысли о том, что они совершили. Путаясь в расстёгнутых штанах, прижимая к груди кастрюлю и тихонько подвывая, умственно отсталый мчался через двор к дому.

«Главное, чтобы папка меня не видел!» — мелькнула в его голове трусливая мысль, когда он как мог тихо скользнул в приоткрытую дверь. К его облегчению, Андрей Семёнович сидел в дальней комнате, склонившись над печью, и даже не повернулся на скрип половиц.

44.

Валентин Георгиевич считал себя человеком крепким во всех отношениях. Жизнь провинциального участкового, конечно, далека от того, что показывают в популярных сериалах про полицейских и бандитов, которых зачастую сложно отличить друг от друга. Но и ему в своё время довелось, как он любил выражаться, когда рядом не оказывалось посторонних, понюхать и дерьма, и пороха. Причём порой он затруднялся понять, каких именно ароматов ему пришлось вдыхать больше. Однако последнее происшествие всё же вывело его из равновесия.

Расстегнув форменную рубашку, участковый сидел во дворе дома и смотрел на звёзды, наслаждаясь ощущением прохлады и спокойствия. Ночной, спящий Грачёвск нравился ему куда больше, чем дневной. Он погружался в умиротворённую негу, его улицы освобождались

визгливых воплей старух, невнятного бормотания музыки из магнитол и установленных на подоконниках домов магнитофонов, лая собак и сытого урчания двигателей машин, спешащих кто куда.

По ночам улочки города, кривые переулки, стиснутые трухлявыми заборами и засыпанные щебёнкой из ближайшего карьера, замолкали. Словно через замершие поля до людского муравейника долетала тишина Казачьего леса.

Неожиданно участковому вспомнился встревоженный шёпот старика:

«Нет девчонки в лесу уже! Говорил я тебе, в лесу случилось что-то, и вот! По домам надо ходить, Вальгеоргич, по домам! Вот с этого хоть и начните!»

Под «этим» он имел в виду, само собой, дом Андрея Семёновича, мужика скрытного и замкнутого, но ухватистого и по-крестьянски хитрого. И чрезвычайно подозрительного, что уж скрывать. Возможно, сам Андрей Семёнович об этом не задумывался, но слишком уж многое можно читалось по поведению его сына. Вспомнить хотя бы ту выходку на пляже, когда вуаеризм, в общем, довольно безобидный, едва не перерос в изнасилование.

И всё же, оснований подозревать именно этого человека у участкового не находилось. Да что там, у него оснований подозревать вообще хоть кого-то не находилось! Но почему же так настойчиво в его голову лезут мысли о том, что слухи о пропадавших время от времени попрошайках и бродягах могут оказаться вовсе не пустым трёпом? Не находили ведь ни останков, ни одежды. Да и заявлений не поступало...

Валентин Георгиевич поморщился. Про заявления вернее было бы сказать, что их не принимали, потому что заявлять приходили в основном бомжи и алкоголики, и из участка их попросту выгоняли, не опасаясь никаких последствий. Которых и не наступало — жаловаться на полицейских бродяги либо боялись, либо попросту ленились.

Формально, в таблицах со статистикой и тщательно вылизанных отчётах для высокого начальства, всё шло хорошо. На деле же вокруг маленького городка уже много лет пропадали люди. И, к своему стыду, только сейчас, когда место очередного забулдыги заняла девочка-подросток из приличной семьи, Валентин Георгиевич испытал смутное чувство того, что безнадёжно опоздал. И жгучее, близкое к панике беспокойство.

45.

Огонь рассерженно шипел в металлической бочке, лично Андреем Семёновичем переделанной под печь. Это пламя привыкло поглощать самые разные вещи, помогая своему владельцу уничтожать следы ужаснейших преступлений, но в этот раз взялось за свою работу неохотно. Футболка девчонки сгорела легко, а вот на джинсах и кедах возникла заминка: предметы одежды принялись испускать едкий чёрный дым, никак не желая заниматься. Кончилось всё тем, что Андрей Семёнович плеснул в открытую дверцу печи немного бензина, предварительно перелив его в гранёный стакан из мятой алюминиевой канистры. Это помогло. Язык пламени вырвался из печки, целясь мужчине в лицо, но спустя мгновение бессильно опал.

Теперь, когда вся верхняя одежда сгорела, в руках у Андрея Семёновича остался последний кусочек ткани. Тёмно-синие трусики, казавшиеся в его ладонях совсем крохотными. Сперва ему в голову пришла идея подарить их Пашке, но от этой мысли он отказался. С того станется повсюду таскать их с собой и рано или поздно выронить или достать при посторонних. Даже если нижнее бельё не свяжут с пропавшей, вопросов всё равно возникнет масса. И скорее всего, банальным «нашёл на дороге» отделаться уже не получится.

Андрей Семёнович, годами пытавший и расчленявший людей в своём подвале, но никогда не забывавший об осторожности, достиг пика своего сумасшествия, когда решил похитить девчонку, жившую практически буквально на соседней улочке. Мало того, что похитить — так ещё и воспитать из неё рабыню для своего неполноценного сына. Всего за три дня. После чего показать её общественности, прикрывшись нелепой байкой о том, что они вдвоём смогли то, чего не смогла команда поисковиков. Большущая, судя по всему, команда.

Сейчас же пик миновал, и на место ощущению вседозволенности пришёл животный страх. И страх этот пока ещё не вложил в голову маньяка мыслей о том, что выпускать свою пленницу на волю он не станет ни при каких условиях. Зато его подсознание дошло до этих выводов уже давно. Именно потому он и сидел сейчас, сжигая одежду жертвы, хотя и сам не осознавал своих действий. Его звериное естество уже нашептало ему: одежда девчонке не понадобится. Тем, кто в расчленённом виде гниёт на дне выгребной ямы в подвале, она уже ни к чему.

46.

Катя думала, что так и не найдёт в себе сил подняться на ноги после пережитого унижения. Но холод, тот же проклятый холод, вкрадчивый, словно завистливый шёпот, не дал ей долго сидеть на краю кушетки, поджав под себя ноги, обняв заострившиеся коленки и вжавшись спиной в угол комнаты. По мере того, как от позвоночного столба по её телу распространялась волна холода, ей казалось, что мозг в её голове распухает всё сильнее. Одновременно с тем мысли Кати замедлились, стали вялыми и бессвязными.

Ведомая уже одними только инстинктами, она поднялась на ноги и неторопливо, раскачиваясь из стороны в сторону, прошлась по тесной камере. Тело, не зависящее теперь от головы, казалось ей чужим и до ужаса мерзким. Нескладным, как у кузнечика.

Резь в низу живота подсказала этому телу, что нужно помочиться, и организм незамедлительно отправился к вмонтированному в пол унитазу. Катя не испытала никаких эмоций ни по поводу запаха из выгребной ямы, ни по поводу отсутствия туалетной бумаги. Какое ей дело до этого несуразного куска плоти? С ним может происходить что угодно, к её разуму, чистому и являющемуся вместилищем её личности, это всё не имеет отношения.

«Стоп!» — Катя вскрикнула пронзительно, но ни один звук не сорвался с её губ. — «Стоп! Так нельзя! Этого они и добиваются!»

Мысль о том, как ужасно мало ей потребовалось для того, чтобы опуститься до состояния безвольной куклы, привела девушку в ужас. Подумать только! Не прошло ещё и трое суток — а она уже отказывается от своего тела!

Катя принялась кричать. Она пела песни и выкрикивала матерные ругательства. Звала маму и проклинала похитителей. Но непослушные губы лишь слегка кривились в уродливых гримасах. То, что должно было быть оглушительно громким воплем, превращалось в сиплое хрипение чуть громче комариного жужжания. Слипшиеся в комок лёгкие не расправлялись в полную силу. Сердце стучало медленно и натужно, как погружённое в вязкую жижу. Катин мозг, неожиданно оказавшийся запёртым в черепной коробке, истерически отдавал один приказ за другим. Приседай! Вытягивай руки! Делай мельницу! Прыгай!

Сперва ничего не происходило. Как поломанная заводная игрушка, Катино тело кружило по комнате на негнущихся ногах. Её босые ступни до крови царапались о неровности бетонного пола.

Приседай!

С радостным изумлением девушка почувствовала, как дрогнули мышцы бёдер. По ногам, начиная от кончиков расцарапанных пальцев, расплзлось, слабо покалывая кожу, тепло. Есть! Есть!

Приседай!

Приседай!

Приседайприседайприседайприседайприседа...

Внезапно прорезался голос, и Катя заорала чужим, хриплым и низким голосом:

— Приседай!

Колени подогнулись, словно её ударили, и девушка, не удержавшись, рухнула назад. На спине и ягодицах появились алые полосы, на которых моментально набухли крохотные бусинки кровавых капель. Но пленница всё равно рассмеялась. Эта, хотя и совсем небольшая, победа будила надежду. Неловко ворочая руками и ногами, как перевернувшаяся на спину черепаха, Катя смогла лечь на бок. Голова гудела от напряжения, губы и язык пересохли.

«Неужели я так ослабла?..»

Скорее усилием воли, чем мышц, девушка заставила себя сесть на полу. Вернулось всё то, от чего она так стремилась сбежать: вонь, боль и страх. Но в то же время отступил холод, почти уже добравшийся до сердца, и от этого её мягкой волной накрыл восторг, близкий к эйфории. Холод почти добрался до сердца!

— Да я почти что Кай! — выкрикнула Катя и громко расхохоталась.

Её резкий, грубый смех всё звучал и звучал, а пленница никак не могла остановиться. Уже заболело между рёбер, а перед глазами поплыли разноцветные круги, а Катя всё хохотала, всхлипывая и подывая. Наконец, воздуха у неё в лёгких не осталось вовсе, и она забилась на полу, хрипло дыша.

— Кай... — в последний раз выдохнула Катя. — Кай...

Голова кружилась так сильно, что вставать в полный рост Катя уже не решалась. Истерика мало-помалу улеглась. С трудом поднявшись на четвереньки, девушка поползла к миске возле входа. Разварившаяся гречка, мягкие куриные кости и мутный бульон. Давно, сто или триста лет назад, или когда там у неё ещё не отняли нормальную жизнь, она бы и не посмотрела на это варево. Теперь же она пожирала его, жадно зачёрпывая грязными руками и с удовольствием чувствуя, как в животе зреет комок благословенного тепла.

«Я буду жить...» — думала девушка, перемалывая зубами липкие куриные кости. — «Буду жить, буду жить, буду жить...»

Она уже понимала, что не сможет выбраться из подвала, ничем не пожертвовав. Больше того, она уже была готова практически к любым жертвам ради своей свободы. И в её голове, на фоне повторяющегося «буду жить» и острого наслаждения от того, что в тело возвращается жизнь, зрел план. Не план гордого и шумного побега. От такого она отказалась быстро. Теперь, пробыв в камере достаточно долго, она понимала, что унижение — не самая большая цена, которую можно заплатить за освобождение.

47.

Андрей Семёнович пришёл в себя, всё так же сидя на табуретке перед давно погасшей печкой. Трусики пленницы он всё ещё стискивал в кулаке, и они насквозь промокли от впитавшегося в них пота. Сердце мужчины судорожно сжалось, и забилось учащённо, как это бывает у всех, кто проснулся куда позже, чем планировал.

Маньяк всю свою кровавую карьеру нерушимо соблюдал одно правило: никогда не

спускаться к пленникам при свете дня. Весной и осенью он следовал ему без проблем, ведь длинные и тёмные дождливые ночи позволяли перемещаться по своему двору никем не замеченным, и при этом высыпаться. Зимой с этим было бы ещё проще, но в холодное время года Андрей Семёнович никогда никого в подвале не держал из опасения, что снег выдаст его. Да и иррациональное чувство, что в морозном воздухе крики станут слышны на поверхности, не покидало. Это не мешало ему совершать убийства в лесу и возле железнодорожной насыпи, бросая тела прямо на месте расправы. Но удовольствия это не приносило, слишком уж всё происходило быстро и нелепо.

Летом же он с одной стороны спокойнее всего спускался в подвал, с другой — с трудом соблюдал график питания пленников. Времени на сон практически не оставалось, приходилось урывками добирать днём, но отступаться от распорядка Андрей Семёнович, со свойственным ему упрямством, не собирался. Руководствовался он простой логикой: всю скотину в Грачёвске всегда кормили дважды в сутки. Значит, и с пленниками должно быть так же. Философских идей по поводу приравнивания людей к скоту у него при этом не возникало. Просто он не видел причин, почему то, что отлично работало со свиньями, вдруг не сработает с людьми.

И вот он проспал. Первым делом Андрей Семёнович рассердился на Пашку, храп которого доносился со второго этажа.

— Дрыхнет, скотина! — рыкнул мужчина, до боли сжимая кулаки. — Дрыхнет!

«Кому, в конце-то концов, эта девка нужна?! Кому предназначена?!»

Он хотел даже подняться наверх и поучить Пашку дисциплине, отвесив ему пару пинков под толстый зад, но передумал. Разорётся ещё, перебудит соседей... а так, пока рассвет едва брезжит, можно и успеть покормить пленницу.

Много лет назад Андрей Семёнович подскочил бы с неудобной низенькой скамейки, словно всю ночь проспал в кровати. Но сейчас, услышав, как звонко щёлкнули колени и хрустнула поясница, он впервые в своей жизни осознал, как постарел. Постарел, погрузнел. Растерял былую ловкость.

«Этак скоро... Этак скоро и поймать уже никого не смогу. Придётся Пашку с собой брать вместо гончей.»

Усмехнувшись воображаемой картине того, как он ведёт сына на поводке через лесную чащу, Андрей Семёнович отправился на кухню, собирать кормёжку для Кати. Подхватив с полки у двери грязный полиэтиленовый пакет, он сунул в него чёрствую горбушку, вытащил из холодильника покрытый белой плесенью сыр и скользкий от слизи кусок вонючей колбасы. Сойдёт. Потом маньяк выудил из принесённого Мариной таза пирожок и целиком засунул в рот. Тонкое вкусное тесто едва покрывало огромное количество начинки. Торопливо проглотив полупережёванный кусок, Андрей Семёнович схватил ещё один и вышел из дома.

48.

Дядька Митяй проснулся на несколько часов раньше маньяка. Короткая летняя ночь ещё не успела закончиться, и стёкла больничной палаты напоминали куски чёрного гранита, отполированные до зеркального блеска. Мимоходом взглянув на своё отражение: тощий старик с клочковатой бородой и ртом, кривой чертой перечёркивающим лицо, Дмитрий Юрьевич заковылял к шкафу, в котором висела его верхняя одежда. Дядька Митяй снова чувствовал, что нарыв в Грачёвске пульсирует, каждую мышцу его тщедушного тела мучал жестокий зуд, губы тряслись, а глаза беспорядочно блуждали. Этот зуд привлекал его. Как

рука рефлекторно тянется к месту комариного укуса, так полусумасшедший старик тянулся к мерзкому гнойнику, о котором знал только он один.

Натянув брюки и пиджак, он первым делом проверил матерчатый кошелёк, припрятанный во внутреннем кармане. Кошелёк, женской модели и из бордового выцветший до бледно-розового, оказался на месте. На всякий случай дядька Митяй пересчитал и деньги, хотя в тусклом свете дежурного освещения, пробивавшегося через щель приоткрытой двери, это показалось ему непростой задачей.

А зуд, всё усиливаясь, уже тянул старика к выходу. Дежурной медсестры на этаже не обнаружилось: может, спала, может, в крохотной больнице такой должности и вовсе не вводили. Охранник в крохотной будке на первом этаже утробно храпел, прикрыв лицо журналом со сканвордами и фото голых красоток. Дмитрий Юрьевич довольно улыбнулся, обнажив жёлтые пеньки, оставшиеся от зубов. Если у него ещё оставались сомнения в том, что его ведёт некая высшая сущность, то после удачного и удивительно лёгкого побега из больницы эти сомнения пропали.

— Дела у меня... — доверительно сообщил дядька Митяй спящему охраннику и вышел в ночную прохладу.

Утренняя серость вокруг него всё больше и больше наполнялась красками. Звуков становилось всё больше. И зуд, почти что болезненный и невыносимый, пропадал. Он всё ещё накатывал волнами, но каждая из них ощущалась заметно слабее предыдущей. На мгновение дядька Митяй подумал, что он опоздал, и наступивший день смыл своим сиянием болезненную пульсацию гнойника, но отчаяние быстро прошло, уступая место чувству правильности происходящего. Всё шло так, как и должно было идти.

Старик вновь погружался в транс. Прикрыв глаза, он шёл по тихому городку, петлял по пыльным улочкам, ведомый слышимым ему одному зовом. Он даже не мог сказать, сколько бродил по частному сектору, когда внезапно вышел из своего странного состояния. Резко, будто его вытолкнули в реальный мир насильно. Ноги старика подкосились, и дядька Митяй едва не упал на землю, но вовремя облокотился о низкий забор возле палисадника. Прикрыв глаза, он пытался унять заколотившееся вдруг сердце. Сейчас он успокоится и посмотрит, где очутился...

Через улицу громко скрипнула дверь и послышался раздражённый вздох. Дядька Митяй непроизвольно скрючился, прижимаясь к земле. Прищурившись, старик посмотрел на не спавшего в такую рань человека. Андрей Семёнович стоял, торопливо запихивая что-то в рот, на верхней ступеньке крыльца. В правой руке он сжимал грязный целлофановый пакет. Разглядеть с такого расстояния дядька Митяй не мог, но сразу понял, что в пакете еда. Мужчина же тем временем быстро огляделся по сторонам и, не заметив старика, торопливо зашагал к гаражу, будто решившись на неприятное, но важное дело.

49.

Тяжёлая металлическая дверь хлопнула, разбудив Катю. Андрей Семёнович стоял у входа в комнату, глядел отстранённо, словно думал о чём-то, совершенно никак не связанном с запертой в тесной комнатке девушкой.

— Привет, — глухо поздоровался он.

Кусок заплесневелого сыра, чёрствая горбушка чёрного хлеба и покрытая белой слизью колбаса, неделю как позабытая на полке холодильника, стукнулись о дно миски. Твёрдые края хлеба скрежетнули по металлу. Девушка вздрогнула от этих звуков, её бледная кожа, так и не успевшая загореть, покрылась крупными мурашками.

— Третий день пошёл, Катерина. Пора бы уже решать.

Мужчина говорил спокойным, будничным тоном. Словно рассуждал о том, что пора уже снимать созревшие овощи с кустов. Или о том, что самое время начинать собирать вещи для дальней поездки. Пора решать. Пора решать, станет ли она секс-игрушкой и инкубатором его умственно отсталого сына или умрёт. Катя почувствовала, что её сердце, ещё вчера вечером переполнявшееся отчаянной решимостью идти до конца, гулко застучало о грудную клетку. Девушка с ужасом ощутила, что для неё мир сузился до размеров камеры. Они летят в космосе — она и этот страшный мужик, на сей раз заявившийся в одиночестве. Мужик, стоящий у входа и рассуждающий о том, что у неё осталось всего несколько часов на то, чтобы принять самое важное решение в своей жизни. Катины лёгкие судорожно сжались, и из горла вырвался невнятный хрип.

— Чего?

Переспросив, Андрей Семёнович переступил с ноги на ногу и раздражённо поморщился, хлопнув себя по пустому карману брюк: забыл папиросы дома, на кухонном столе.

— Чего ты там бормочешь? Давай это, яснее, а? Воняет у тебя тут.

Последняя фраза хлестнула Катину самолюбие. У неё тут...

— Не надо... — промычала она дрожащим голосом. — Не надо, отпустите...

— Ясно...

Маньяк устало вздохнул и почесал живот. Этим утром он выглядел бледным, почти как его пленница. Сумасшедшая улыбка больше не блуждала по толстому лицу, а руки беспокойно дёргались, то хватая подол застиранного поло, то отпуская его. Неожиданно девушка поняла, что в этот визит он не играет с ней, как во все свои предыдущие появления. Маньяк выглядел усталым и нервным.

Сердце её снова забилося, но на этот раз не от страха: его окрыляла надежда. Неужели они идут по его следу? Не важно кто: поисковики, полиция, семья... Какие причины нервничать могут у него быть, кроме преследования? Наверняка обнаружили зацепки, знаки, нашлись свидетели нападения в лесу. И теперь он, этот жирный боров, трясётся за свою шкуру и шкуру своего безмозглого сына! Не потому ли он и не привёл его с собой?

И Катя решила рискнуть.

— У вас ничего не получится! — срывающимся голосом выкрикнула она. — Вас найдут и посадят!

По тому, как маньяк вздрогнул и округлились его глаза, Катя поняла, что попала в цель. Ликование поднялось в её душе, но уже в следующий миг эйфория прошла. Андрей Семёнович, побагровев и стиснув зубы, шагнул к ней. Его руки больше не плясали нервно по объёмистому животу: они замерли, сжавшись в пудовые кулаки.

Катя ни на секунду не усомнилась, что мучитель ударит её. Она сжалась в комок, уже чувствуя, как твёрдые, покрытые похожей на чешую костяшки впечатываются ей в зубы, кроша и ломая их. Ей почудилось даже, что она ощущает, как по плотке текут горячие ручейки крови...

Но Андрей Семёнович этого не сделал. В последний миг, уже нависнув над Катей своей огромной тушей, он разжал кулаки. Толстые, похожие на шпалы, руки мужчины вытянулись вперёд, стискивая в кулаках Катины волосы. Позабыв о своей наготе, девушка забилась, пытаясь вырваться и сходя с ума от боли. Но толстяка её сопротивление не впечатлило. Глухо ухнув, он одним рывком поднял девушку над землёй.

Кате показалось, что она слышит треск, с которым скальп отрывается от головы. Ужасная боль захлестнула её. Отчаянно извиваясь, она стучала маленькими кулачками по рукам мужчины, изо всех сил цеплялась за его пальцы, пытаясь разжать их. Но её словно держал памятник, оживший, как в старой сказке про дерзкого мальчишку Нильса. Сквозь ослепляющие вспышки боли она с трудом могла разглядеть, как мужчина, с перекошенным от ярости лицом, подносит её всё ближе и ближе к себе. Его по-лягушачьи выпуклые и неживые глаза пылали первобытной яростью. Девушке даже показалось, что он собирается укусить её за нос.

Размахнувшись, Катя несколько раз изо всех сил пнула своего мучителя в живот, но толстый слой сала надёжно оборонял его. Маньяк даже не покачнулся, не изменился в лице, его тяжёлое дыхание не сбилось.

— Убью тебя... — прохрипел монстр Кате в лицо. — Убью, чёртова сука...

Катя надеялась, что у неё хватит смелости ещё раз выкрикнуть угрозу, пусть это и стоило бы ей жизни. Если уж умирать, то с достоинством. Со всем достоинством, на которое способен человек в её ситуации. Она вдохнула поглубже, но неожиданно для себя самой завопила совсем не то, что собиралась:

— Пустите! Пустите! Пожалуйста!

Голос девушки, от паники ставший по-детски тонким и звонким, прозвучал в камере, как звон разбитого стакана, больно резанув барабанные перепонки. Мужчина замер, скривившись ещё сильнее. И Катино тело снова среагировало без участия мозга.

Она находилась уже куда меньше, чем на расстоянии вытянутой руки от мучителя. Она могла разглядеть каждую капельку пота на его ненавистном лице, каждую волосинку на покрытом трёхдневной щетиной подбородке. С удивлением и почти благоговейным ужасом Катя осознала, что Андрей Семёнович уже совсем скоро превратится в старика, что его борода и виски уже полностью седые. И нейроны её головного мозга среагировали моментально, куда быстрее, чем ей бы того хотелось. Осознание того, что всего через несколько лет жизнь этого мужчины будет полностью зависеть от умственно отсталого паренька, который не способен обслужить самого себя, не говоря уж о старике-отце, электрическим разрядом прошло через её тело. Катя выросла в тепличных условиях, воспитанная старомодной и чувствительной матерью. И последствия этого воспитания проявились в самый ненужный момент...

Жалость, мелькнувшая в душе девушки всего лишь на краткий миг, заставила её руку дрогнуть. И растопыренные пальцы, направленные прямо в глаза мучителя, отклонились в сторону. Мимолётный укол жалости миновал, будто его и не было, но поздно. Ногти, содранные о бетонные стены, обломанные и грязные, сильно оцарапали его лоб и щёки, пустив кровь. Алые капельки набухли в глубоких горизонтальных царапинах и поползли вниз, смешиваясь с едким потом и растворяясь в нём, но этого не хватало для того, чтобы обездвижить Андрея Семёновича.

Издав трубный рёв, он легко, будто тряпичную куклу, швырнул Катю в стену. Воздух покинул её лёгкие с громким кашляющим звуком. Новая вспышка боли, куда более сильная, затопила всё вокруг ослепительным белым светом. Исчезла комната, исчез маньяк. Исчезла сама Катя. Но уже через миг всё вернулось обратно, когда ботинок Андрея Семёновича вломился ей в солнечное сплетение. Он бил просто и страшно: «пыром», как мальчишки пинают мяч на футбольном поле. Его нога так сильно врезалась в плоть пленницы, что на миг ему показалось, что он попросту сломал её, раздробил кости и превратил в кашу

внутренние органы.

Но девчонка продолжала цепляться за жизнь. Даже не приближаясь к ней, он мог утверждать это совершенно точно. Ему пришлось приложить огромное усилие, чтобы не поднять её за ноги и не сунуть головой в унитаз. А потом провести несколько незабываемых минут, ногами втапывая тощее тело в дурно пахнущее отверстие...

Катя лежала на боку, чувствуя, что её легкие с огромным трудом расправляются, впуская в себя мизерное количество воздуха. Болела голова, саднило спину, а грудь и рёбра тупо пульсировали жаром. Ей даже хотелось в этот момент потерять сознание, но она не могла: пресыщенное адреналином тело упорно цеплялось за реальность.

Из-под прикрытых век девушка наблюдала, как прямо перед ней корчится Андрей Семёнович. Мужчину корёжило, словно тысяча демонов разрывала его жирное тело изнутри. Вряд ли он сам замечал, как рычит и воет зверем, то протягивая к своей жертве руки, то отдёргивая их, словно боясь прикоснуться к девчонке.

«Давай уже, добей...»

Ленивая и будто бы чужая мысль появилась у Кати в голове и постепенно исчезла, оставив после себя пустоту. Не возникло даже опасений, что она сказала это вслух, провоцируя мучителя. Но тот, даже если и расслышал, не стал ничего делать. Смачно харкнув на пол, он ладонью потёр лицо, размазывая по нему розоватую смесь крови и пота, и в два шага вернулся к двери. Постоял немного, ожидая, пока успокоится дыхание. Потом Катя услышала смутно знакомый звук: коротко взвизгнула молния на брюках.

— Приятного аппетита... Сука...

И тугая струя мочи с характерным звенящим звуком ударилась о дно миски.

— Сука... — повторил мужчина.

Кате показалось, что он задержался ненадолго у двери, собираясь вернуться и нанести ещё один удар. Но маньяк этого не сделал. Дверь захлопнулась, отсекая крохотный подвал от внешнего мира.

50.

Андрей Семёнович поставил маскирующую вход в подвал пластину на место автоматически, даже не понимая, что он делает. На четвереньках вылез из смотровой ямы и повалился на спину, хрипло дыша и обливаясь потом. Воздух приходилось заталкивать в лёгкие с усилием, как будто он надувал воздушный шарик внутри себя. Колоссальное напряжение разрывало его на части, выворачивало каждый сустав его огромного тела, дёргало каждый скрытый под слоем жира мощный мускул.

— А-а-а... — произнёс он, широко раззявив рот. — А...

Звенящая тишина раннего утра придавила его, как бетонная плита. И чтобы разрушить её, он заорал. Его крик длился, длился и длился. Он, без сомнения, разбудил тех соседей, что ещё спали, но на это мужчине плевать хотел. Плевал он и на то, что теперь о нём подумают, его не пугало то, что он лежит на полу своего гаража, с измазанным кровью лицом и орёт, бессмысленно выпучив налившись кровью глаза в потолок. Окружающего мира для него больше не существовало, он мигнул и погас, растворившись в диком вопле.

Но Андрей Семёнович существовать для окружающего мира не перестал. И потому дядька Митяй, успевший подкрасться к ветхим воротам и прижаться подбородком к верхней перекладине, чтобы лучше видеть участок, испуганно вздрогнул, охнув и едва не потеряв равновесие. Сперва он даже не понял, что этот чудовищный вопль издаёт человек, и первая его мысль была о Звере.

— Так-то Зверь и есть... — пробормотал городской сумасшедший.

Ноги сами понесли его в сторону дома Валентина Георгиевича, но старик заставил себя остановиться. Он не знал точно, отчего так вопит спрятавшееся под личиной человека чудовище, но понимал, что есть вероятность того, что именно сейчас в гараже идёт бой. Возможно, именно сейчас Зверь рвёт на части девчонку, а та каким-то образом сумела причинить боль своему противнику...

Развернувшись на месте так быстро, как позволяли измученные артритом суставы, Дмитрий Юрьевич заковылял к воротам. Открыть их оказалось проще простого: просунуть руку между металлических прутьев, подцепить крючок... Створка распахнулась с противным скрипом, и именно этот резкий звук обратил внимание дядьки Митяя на то, что в воздухе снова разлилась утренняя тишина. Неестественная тишина, как перед бурей.

Стиснув зубы, чтобы дрожащий подбородок не выдавал его страха и волнения, дядька Митяй как мог быстро поковылял к покрашенному облупившейся зелёной краской гаражу. Сейчас он войдёт туда и... Что он будет делать, если увидит лежащий на верстаке труп Кати, вскрытый и наполовину разделанный, как свинья на бойне, он не знал. Даже не задумывался об этом. Перед ним рисовалась чёткая картина того, как он хватается за влажную от росы ручку двери и рывком распахивает её, а дальше начиналась сплошная чернота.

Ему оставалось всего шаг или два до гаража, когда дверь, которую он собирался открыть, распахнулась сама. И старик оказался лицом к лицу с Андреем Семёновичем. С Зверем, в этом он больше не сомневался. Слабый вздох сорвался с губ старика и растворился в стремительно теплеющем воздухе быстрее, чем достиг ушей Андрея Семёновича.

Мужчина выглядел ужасно. На лице красовался боевой индейский окрас. Царапины, продолжавшие кровоточить, делили его лицо на две неравные половины. Одежда, грязная и насквозь мокрая от пота, прилипла к телу, под мышками и на животе расплылись огромные пятна. Но хуже всего выглядели глаза. Тусклые и неподвижные, словно их обладатель скончался уже несколько дней назад и продолжает ходить по земле лишь по инерции, раз за разом совершая привычные действия. И дополнял это впечатление запах. Мерзкий запах разложения, тухлого мяса, дерьма и беспощадного, животного страха.

Дядька Митяй отшатнулся от неожиданно встреченного чудовища. Старик раскрывал и закрывал рот, силясь не то закричать, не то заговорить с мужчиной. Содрогнувшись, Дмитрий Юрьевич попытался спастись, отступая назад и держа перед собой скрещенные на уровне лица предплечья, словно щит.

Не переменявшись в лице, Андрей Семёнович сделал два неторопливых шага и выбросил руку вперёд. Это даже сложно было назвать ударом: мужчина не вкладывал в него ни силу, ни вес. Но для древнего старика хватило и этого: пудовый кулак попросту снёс тонкие хрупкие руки дядьки Митяя. Костлявые предплечья врезались в его лицо, и он рухнул на колени с тихим стоном. Из разбитого носа двумя ручейками побежала кровь.

Андрей Семёнович, всё ещё не осознававший происходящего, застыл перед своим противником в неестественной позе. Со стороны могло показаться, что он стоит, пытаясь понять, не нужна ли дядьке Митяю помощь, и одновременно разминает кисть правой руки, двигая ей за спиной... Он искал нож. Широкий хищный клинок, закреплённый на деревянной ручке, обычно висящий в чехле у него на поясе. Нож, который по чистой случайности остался лежать на столе рядом с пачкой сигарет.

Не вставая с колен, дядька Митяй отшатнулся от мужчины. Зуд снова дёргал все его мышцы, заставляя дрожать и кривить лицо. И в этот раз вместе с зудом пришла паника. У

него больше не оставалось сомнений в том, кем является Андрей Семёнович, и старик с ужасающей чёткостью понял, что не в силах бороться с таким чудовищем. Нелепо перебирая длинными, как у паука, конечностями, он пополз к выходу с участка. Ему пришлось повернуться к Андрею Семёновичу спиной, и каждую секунду он ожидал удара, вжимая голову в плечи.

Но удара не последовало. Старик не видел, что стоявший над ним мужчина, сомнамбулически покачиваясь, повернулся к дому и, с трудом переставляя ноги, зашагал прочь. Скуля и размазывая кровь по лицу, старик выполз за пределы участка. На дороге он почувствовал себя увереннее. Он не видел этого, но знал, что во всех ближайших домах затрепетали края занавесок, приподнятые руками живущих в них старух. Даже если Зверь убьёт его сейчас, отмыться у монстра уже не получится. Так или иначе, дядька Митяй победит.

Окрылённый этой мыслью, старик поднялся на ноги и повернулся лицом к дому Андрея Семёновича. Он готовился умереть достойно, и вид пустого участка шокировал его куда больше, чем шокировал бы вид мужчины, занёсшего над ним кулаки.

— Хитрая скотина...

Дмитрий Юрьевич понял, что маньяк ухитрился не допустить роковую ошибку.

51.

Оцепенение проходило постепенно. Андрей Семёнович пытался избавиться от пелены, внезапно заполнившей черепную коробку. Зайдя в дом, он едва не рухнул на колени, так сильно дрожали мышцы. Кухню он преодолел, цепляясь руками за стол и стены, по дороге снёс стул, но даже не попытался его поднять.

— Пашка! — взревел он.

Пашка не проснулся. Сиплый храп доносился из его комнаты на втором этаже. Кое-как удерживая равновесие, Андрей Семёнович рухнул на протяжно застонавшие под его весом ступени. Давно ведь собирался починить лестницу, да всё руки не доходили...

— Пашка! Скотина, Пашка!

Сын заворочался на втором этаже, но не откликнулся. Злоба всё сильнее разгоралась в душе мужчины. Почему у всех дети нормальными рождаются, а у него народилось вот это вот?..

— Папа!

Мускулы Андрея Семёновича постепенно расходились. Как в случаях, когда он долго находился на сильном морозе, и потом отогревался движением. Разве что без сильной боли. К середине лестницы он уже мог идти прямо, не наваливаясь на хлипкие перила.

— Пашка, говнюк! Я тебе так сейчас вломлю, слышишь?!

Умственно отсталый, наконец, проснулся. Глухо заворочался на кровати, застонал, потягиваясь. Андрей Семёнович ввалился в комнату, и Пашка заорал испуганно и возмущённо: он спал в расстёгнутых и спущенных до колен штанах, и отец застал его на месте преступления. Но мужчину это не интересовало. Крепко ухватив сына за шиворот, он сволок его с кровати на пол, отвесив на всякий случай подзатыльник свободной рукой.

— Приводи себя в порядок, живо! Через две минуты на кухне чтоб был!

Парень, перепуганный видом своего отца и его злостью, торопливо закивал, пытаясь раскатать свернувшиеся в жгут трусы и натянуть их вместе со штанами. Сплюнув на пол, Андрей Семёнович быстро шагнул на лестницу. Сковывавшее его совсем недавно оцепенение прошло, и в его голове зарождался план. Девчонка, хотя и непредумышленно, подставила его под удар. Но возможность спастись у него ещё оставалась. Главное теперь — действовать быстро.

52.

Ажиотаж вокруг леса стих. Грачёвцы, поначалу принимавшие участие в поисках, к третьему дню вернулись к своим домам, участкам и домашнему скоту. Волонтёры измотались, проведя двое суток практически без сна, и не отыскав в лесной чаще никаких следов пропавшей. Наташа, с красными воспалёнными глазами, побледневшая и вялая, прихлёбывала чёрный кофе из жестяной чашки и хмуро глядела на своё изрядно поредевшее войско.

Очень скоро они оставят это место поисков. Останутся самые упорные, сформируют свой собственный штаб. А она, в соответствии с полученными от волонтёрской организации инструкциями, отправится на новое место, искать нового потеряшку. У них не хватало ресурсов на затяжные операции, поэтому максимум усилий организация бросала на первые трое суток, когда, согласно статистике, шансы отыскать пропавшего живым наиболее высокие.

И, если следующие поиски пройдут более удачно, то после возвращения к своей обычной жизни, она не будет мучиться от чувства вины перед Катей и её роднёй слишком долго. У каждого волонтера личное кладбище не меньше, чем у реаниматологов или хирургов. Но к каждой новой отметке в списке тех, кого отыскать не удалось, Наташа относилась очень болезненно.

53.

Поначалу дядька Митяй рассчитывал добраться напрямиком до участкового, но силы оставили его примерно на половине пути. Сгорбившись, он сошёл с пыльной дороги и с громким вздохом уселся на лавочку возле одного из домиков, старого и покосившегося, помнившего как времена расцвета Грачёвска, так и самое начало его упадка. Дверь приоткрылась, и в щель выглянула старушка, чьё сморщенное маленькое личико напоминало обезьянью мордочку.

— Ми... — старушка замялась. — Митька, ты штоль? Митя?

Дядька Митяй обернулся, и бабка со вздохом отшатнулась, судорожно крестясь.

— Шойта... Митя, шойта с тобою...

Старик улыбнулся, чувствуя, как корка запёкшейся крови на лице покрывается трещинами. Кожа под ней зудела, будто на его щеках и подбородке копошились тысячи мелких жучков.

— По морде получил, не видишь?

— Ох ты, батюшки святы...

Ещё раз торопливо перекрестившись, старушка вышла из дома, старательно прикрыв за собой дверь, и присела на лавочку рядом с Дмитрием Юрьевичем. Кроме сочувствия, в её глазах стало появляться жадное любопытство.

— А хтойта тебя так, а, Мить?

Не прекращая улыбаться, избитый дед сунул в рот «козью ногу» и, с трудом сжав её мелко дрожащими губами, закурил. Он не торопился с ответом. Дядька Митяй не мог открыто противостоять стареющему, но всё ещё сильному мужику — его худому и измученному болезнями телу было попросту нечего противопоставить кабаньей туше Андрея Семёновича. Но сможет ли толстяк противостоять сплетням?..

— Андрей Семёныч.

Бабка прищурилась и прислонила сложенную лодочкой ладошку к уху:

— Ася? Чаво?

— Андрей Семёныч! Андрей Семёныч! Пашки-дурачка отец!

— Чаво-о-о?!

— Андрей Семёныч! — рывкнул дядька Митяй так, что во дворе ближайшего дома загавкала собака.

— Да слыхала, слыхала я! — обиделась бабка. — А чаво он тебя тузить вздумал? Чавс не поделили?

Глубоко затянувшись и неторопливо выпуская дым, старик огляделся по сторонам, как бы проверяя, не подслушивает кто. Городок уже проснулся, и по улицам ходили редкие в ранний час прохожие, но дядька Митяй сделал вид, что не замечает их.

— Слыхала, у Маринки Зотовой племянница пропала?

Бабка отшатнулась, удивлённо взглянув на своего собеседника.

— И чаво? Ну, слыхала. Ты штоль скрал-то?

И старушка, чрезвычайно довольная своей шуткой, тоненько захихикала, трясясь всем

своим тщедушным тельцем.

— Он украл.

Старуха прекратила смеяться, удивлённо уставившись на Дмитрия Юрьевича. Тот наклонился к ней, будто сообщил эту новость тихо, едва различимо. На самом же деле ему приходилось почти что орать, чтобы она расслышала его. Моргнув пару раз, бабка приоткрыла рот, но дядька Митяй перебил её, растопыренными указательным и средним пальцем показав на свои глаза.

— Сам видел! — рявкнул он. — Тащил её в гараж! Она без сознания валялась, кровь капала!

Бабка снова зажала рот ладошкой и принялась креститься. А дядька Митяй ввернул, не удержавшись:

— Не человек он, а Зверь!

— Ох-хо, ой лишенько... — причитала старуха, безумным взглядом обводя улицу.

В доме напротив приоткрылась дверь, и на улицу, рукой придерживая не завязанный под подбородком платок, высунулась другая старуха: в противовес первой — огромная толстуха с красным лицом.

— Матвеевна, что случилось? — утробно пробасила она. — Что там у вас?

Дядька Митяй не ответил. Зато сухонькая старушка, уже принявшая на веру его рассказ, закричала со слезой в голосе:

— Андрей Семёныч девочку Маринкину в сарае у себя уби-и-ил! Голыми руками разорвал, как зверь!

Толстуха всплеснула руками и захлопнула дверь. Но уже через секунду она распахнула её вновь и выскочила на улицу, завязав платок и вытирая мокрые руки о грязный фартук. Торопливо оглядевшись по сторонам, толстуха широкими шагами пересекла улицу.

— Чего там Андрей Семёныч-то?!

Матвеевна заголосила громче прежнего, мелко кивая головой:

— Девочку Маринкину, племянницу её, украл и убил! И Митьке голову пробил! Весь в кровище!

— Убил племянницу её?! Убил или ещё и насильовал?!

— Он её ишшо и насильовал?!

Старухи, занятые новой сплетней, выискивали в собственных фантазиях всё больше и больше кровавых и мерзких подробностей. Но дядька Митяй этого уже не слушал. Довольный произведённым эффектом, он спешил дальше по улице, туда, где жил участковый.

54.

Андрей Семёнович не был дураком. Скорее хитрым, осторожным и изворотливым чудовищем, хоть и подверженным различным эмоциональным припадкам. Он отлично понимал, что убежать в его ситуации — худшее, что могло прийти в голову. Старик, вне всякого сомнения, поковылял к своему дружку-участковому. Тот, хоть его и доводили до белого каления вечные пророчества сумасшедшего, на его новую жалобу отреагирует. Да и как тут не отреагировать, если доказательствами побоев у дядьки Митяя всё лицо измазано?

Нетерпеливо постукивая пальцами по столешнице, Андрей Семёнович стоял, глядя в окно на гараж. Он вроде бы замаскировал вход в подвал, но настоящей проверки эта маскировка ещё не проходила. Никто не заходил в кособокую сараюшку, не заглядывал в смотровую яму. Старик ведь наверняка укажет именно туда, не так ли? И они непременно

заглянут в это тесное помещение, которое всё на виду...

Тряхнув головой, Андрей Семёнович пришёл в себя и отступил от окна. У него веде оставались и другие вещи, о которых стоило беспокоиться. К примеру нож. Его взгляд упал на клинок, и пальцы на правой руке непроизвольно сжались. Перед глазами маньяка встала картина: холодная отточенная сталь входит в мягкое, обрюзгшее с возрастом тело Дмитрия Юрьевича, лопаются нити слабых мышц, тугие комки кишок лезут наружу через всё увеличивающийся разрез, а кровь, вонючая кровь старого полутрупа льётся ему на руку, и рукоять ножа становится скользкой, но он держит её так крепко, что...

— Стоп!

Мужчина сильно стукнул кулаком по столу. Несколько дней пролежавшие на столешнице крошки оставили на костяшках царапины.

«Не вовремя, не вовремя это...»

Двумя пальцами, словно что-то опасное и агрессивное, взяв нож за рукоять, мужчина отнёс его в комнату и, приподняв кусок разошедшегося плитуса, сунул клинок в щель между стеной и половой доской. Так себе тайник, но вряд ли будет настоящий обыск...

Он повернулся к печи, проверить, насколько хорошо прогорела Катина одежда, когда на лестнице появился Пашка. Лицо его выглядело испуганным и опухшим от сна, ступени скрипели под тяжёлыми шагами. Андрей Семёнович вновь испытал смесь жалости и злости, глядя на своего отпрыска.

— Пашка!

Отец положил руку на плечо своего сына и отвёл его в сторону от лестницы.

— Паша, мне нужна твоя помощь, понимаешь? Понимаешь?

Пашка закивал, хотя глаза его и оставались пустыми. Вряд ли он понимал, и Андрей Семёнович встряхнул отсталого, заставляя посмотреть прямо на себя.

— Пашка! Если ты мне не поможешь, нас с тобой отправят в тюрьму! Обоих понимаешь? На всю жизнь! А там знаешь, что делают с такими, как мы с тобой, нормальными ребятами?

Пашкино лицо постепенно оживало: брови взлетели вверх, губы искривились. В глазах появилось подобие осмысленности. Но Андрей Семёнович решил продолжить:

— Там любят мальчиков молодых, Пашка! Таких, как ты, к примеру. А знаешь, почему любят? — Пашка дёрнулся, но Андрей Семёнович удержал его на месте. — Там с такими ребятками делают всё то, что мы в подвале делали с другими!

Пашка завизжал. В его голосе слышалась неподдельная паника. Перед глазами паренька стояли картины ужасных пыток, сопряжённых с унижениями и изнасилованиями. Ему виделись открытые переломы, снятая кожа, кровь и кишки...

— Не-е-ет! — заорал Пашка тонким фальцетом. — Нет, папка, не хочу!

Умственно отсталый уже начал вырываться, и Андрею Семёновичу пришлось прижать его к стене, навалившись всем весом.

— Что не хочешь?! Чтобы тебе ножик в попу вставили, а?! А потом письку вместо ножа?!

Лицо Пашки побагровело, глаза побелели, а покрытый желтушным налётом язык вывалился едва ли не до воротника рубахи.

— Хорошо! — Андрей Семёнович ослабил хватку. — Хорошо! Если не хочешь — я постараюсь сделать так, чтобы нас туда не отправили. Но мне нужна помощь, Пашка! Сын!

Услышав последнее слово, которое слышал так редко, ребёнок маньяка вздрогнул всем

телом и посмотрел на отца.

— Ты сможешь мне, сынок? Сможешь? Сынок, сможешь?

И Пашка закивал так яростно, что его голова едва не оторвалась от шеи. Он пошёл бы на что угодно в тот миг, и даже не потому, что его пугала тюрьма.

55.

Марина проснулась, но не спешила открывать глаза. Впервые за долгие годы, быть может, даже впервые в жизни, она ощутила в своей груди тёплое ласковое покалывание. Она была... счастлива? Голова подсказывала ей, что то, что она испытывает, мягко выражаясь, неправильно. Жизнь её сестры рушилась на глазах, далеко от дома умерла или прямо в это тёплое утро невыразимо страдает её племянница... Но сердце старшей из сестёр билось сладко и неторопливо, распространяя по всему телу колючие волны наслаждения.

Она оказалась права. Её сестра, её расчудесная младшая сестра, красавица и умница Света, наконец-то оказалась позади. Далеко позади! Москвичка Света. У неё не осталось никого, не то что мужа, а даже дочери. А вот у Марины, которую всегда стыдили за непохожесть на младшую, как раз появилось. Андрей...

— Андрюша... — неслышно прошептала Марина и глупо захихикала от того, как глупо прозвучало имя. — Нет, никакой он не Андрюша. Андрей Семёнович!

Солидный мужчина! Простой, надёжный. Не без недостатков, само собой, да только она и не гналась никогда за идеалами. Идеалы долго не держатся. Светка вон сочинила себе волшебную жизнь — и что, где она теперь? То-то же!

Не переставая хихикать, Марина поднялась с кровати и тихонько озвучила ещё одну крамольную, но такую сладкую мысль:

— Андрей Семёнычу лежебоки в жёны не нужны!

Она чувствовала себя молодой и прекрасной. Она и была молодой и прекрасной в то утро, как и любой влюблённый человек.

56.

Дядька Митяй ковлял по улице, а за его спиной, как круги на воде от брошенного в озеро камня, расползались слухи. Магия сплетен, древняя, как мир, трещала и искрила. Новость об ужасном злодеянии многим известного и многими уважаемого человека, бывшего охотника и едва ли не героического отца умственно отсталого парня, катилась по Грачёвску, обрастая всё новыми и новыми подробностями. Неизменными в этих сплетнях оставались лишь три момента: Андрей Семёнович — жестокий зверь в человеческом облики, Катя растерзана в его гараже, а дядька Митяй избит до полусмерти.

Шаркающий по дороге старик кожей чувствовал, как электризуется атмосфера городка. Воздух густел, предметы на улице обретали болезненную чёткость.

— Андрей Семёнович! — ревел он громовым басом, стоило кому-то появиться в поле его зрения. — Скорухин избил меня! Украл девочку! Убил её в сарае!

Люди шарахались при виде залитого кровью сумасшедшего. Они вжимались в стены, прижимая ладони к широко раззявленным ртам и тараща на него глаза. Но едва он проходил, будто безумный пророк, как за его спиной слышались трескучие возгласы:

— Что? Что он сказал? Избил? Украл?..

Пересуды, кажется, наполняли старика силами. Дмитрий Юрьевич не бросался обвинениями. Он обличал, гордо расправив плечи и поднимая голову.

57.

Катя снова застыла на границе между реальным миром и его мутным отражением, в

котором существовали лишь серые тени и отголоски былых страданий. С неожиданной и непрошенной чёткостью девушка вдруг осознала, что чудовищные тени, которые так напугали её в прошлый раз — никто иные, как предыдущие жертвы маньяка.

Расплывчатые силуэты снова выросли из тёмных углов комнаты, куда толком не долетал свет слабой лампочки. Они пульсировали, искажаясь в так с тем, как пульсировала боль в измождённом Катином теле. Они больше не набрасывались на неё, не глумились и не злорадствовали. Вместо искажённых злобой морд и когтистых лап из небытия выглядывали плачущие лица и руки, пальцы на которых скрючило от боли.

Тени манили её к себе. Тени приняли девушку как одну из них. Как очередную несчастную, замученную кровожадным чудовищем.

— Здесь не будет счастья... — донёсся голос диктора, в прошлый раз суливший девушке страдания и страшную смерть. — Не будет освобождения. Не будет света. Ты станешь одной из нас. Ты уже одна из нас. Одна из нас. Одна из нас...

— Одна из нас... — глухо рыкнуло безногое нечто из-под койки.

— Одна из на-а-ас! — зашлись в сиплом многоголосом вое серые силуэты на стенах.

Кате захотелось, чтобы всё закончилось. Захотелось вырваться из подвала и бежать, бежать... не обращая внимания на боль, не думая о том, что на спине расцвёл уродливым цветком огромный синяк, два или три ребра наверняка сломаны. Не задумываясь о том, что, пнув её в живот, маньяк скорее всего отбил ей некоторые из внутренних органов. Что удар головой об бетонный пол наверняка не обошёлся без сотрясения.

Но, даже будь дверь открыта, у девушки не хватило бы на побег сил. Поэтому она лишь замотала головой из стороны в сторону, словно споря со своими потусторонними собеседниками. Тени завывали разочарованно. Тени завывали зло и осуждающе. В голосе монстра под койкой зазвучала жадность.

— Одна из нас!

Катя глубоко вдохнула, чувствуя, как расправившиеся лёгкие больно нажали на что-то в животе. И крикнула во всё горло:

— Нет!

Тени дрогнули и зашевелились быстрее, словно боясь, что ещё немного — и девушка вырвется из их гостеприимно распахнутых объятий. Они судорожно задёргались на стенах и в тёмных укрытиях, стремясь добраться до неё, дотронуться хотя бы кончиками пальцев, оросить своими слезами, сжать в объятиях, впитать угасающее тепло её тела...

— Нет! Нет, нет, нет!

Катя раз за разом выкрикивала одно и то же слово, словно примитивное и древнее заклинание, которое знают даже грудные дети, плачем отгоняющие высунувшихся из шкафов монстров. Она кричала, чувствуя, что с каждым её воплем тени отступают всё дальше, напуганные громким звуком. И поэтому она снова и снова хватала ртом воздух и вопила, отчаянно и зло.

Когда силы оставили её, и боль в лёгких стала настолько сильной, что она могла дышать лишь короткими прерывистыми глотками, Катя поняла, что она проиграла битву. Сейчас эти тени уволочут её к себе, в холодное серое небытие, и она тоже будет проводить вечность, шурша под узкой железной койкой, завывая, не в силах отделиться от серой бетонной стены, или голосом диктора с давно забытого коротковолнового канала объявлять смерть новым мученикам...

Но ничего не происходило. Девушка открыла глаза, сощурившись от слабого сияния

лампы, напомнившей ей зависшую под потоком маленькую звезду. С трудом покрутив головой, она поняла, что тени ушли. Пропали с серых шершавых стен. Больше никто не таращился на неё из-под узкой лежанки. Дыра туалета превратилась просто в вонючее отверстие в полу. Катя ощутила, как у неё в животе зарождается приятное тёплое чувство, и подумала, что это ликование, но ошиблась. Уже в следующий миг она разрыдалась от облегчения.

58.

Валентин Георгиевич жил жизнью тихой и размеренной, не чувствуя себя перегруженным работой. У него находилось время и на дружеские посиделки с земляками, многих из которых он знал с детства, и на хлопоты по хозяйству: в небольшом огорожке росли овощи и пара не слишком охотно плодоносящих яблонь.

Он знал, конечно, что время от времени в его работе будут возникать стрессовые ситуации, но при этом расслабился за годы спокойной службы и совершенно растерялся, когда на его пороге вдруг возник Дмитрий Юрьевич, залитый кровью и вопящий что-то нечленораздельное о зверях, Андрее Семёновиче и девочке в гараже.

— Дядька Митяй, давай спокойнее!

Участковый легко подхватил выбившегося из сил деда под руки и усадил на диван. Как и у многих в Грачёвске, кухня у него выполняла также роль прихожей.

— Кто тебя так, а? Хулиганьё? Залётные?

Старик скривился в злой усмешке, и Валентин Георгиевич с содроганием заметил, что текущая по лицу кровь измазала деду беззубые дёсны. Участковый инстинктивно ухватил со стола влажную тряпку и попытался вытереть лицо старика, но тот оттолкнул его руку.

— Какое хулиганьё?! — заорал старик, и Валентин Георгиевич непроизвольно бросил взгляд на дверь, так и стоявшую нараспашку. — Андрей Семёныч это был! Пашки-дурачка отец!

— Так, ты это...

Участковый всё же смог прижать влажную тряпку к лицу старика и, воспользовавшись паузой, шагнул к двери и прикрыл её, успев заметить на улице несколько заинтересованных лиц.

— Я тебе говорю, Андре...

— Тихо! — шикнул участковый. — Ты мне по делу говори, что у вас случилось? Влез ты к нему? Или что? Знаешь же, что не любит он тебя.

Дмитрий Юрьевич некоторое время сидел молча, упершись локтями в колени. Он тяжело дышал, но яростный огонь в его груди медленно угасал. Старик понимал, что перед Валентином Георгиевичем проповедовать смысла нет. Он, хоть и выглядел тюфяком, умел быть мужиком жёстким и честным, сплетни и истерики не любившим.

— Влез, влез... — подтвердил Дмитрий Юрьевич. — Но причина была!

— Ты охренел совсем уже, дядька Митяй?! — участковый сумел сдержаться и не заорать в полный голос, обойдясь сдавленным шипением. — То ему пальцами в рожу тыкаешь, что он девочку украл, то ещё что, теперь вот влез к нему! Да ты...

— Девчонка у него.

Слова дядьки Митяя, произнесённые медленно, но тяжело и весомо, упали на дощатый пол кухни. И наступила тишина. Теперь и полицейский чувствовал, как сгустился воздух над городком. Но всё же он сумел взять себя в руки.

— Погоди, погоди. Что значит у него? Как? Ты видел?

— Видел!

Дядька Митяй посмотрел прямо в глаза мужчине. Он немного отёр кровь с лица, и участковый заметил, как сильно стиснуты его челюсти, как сжались губы в тонкую полоску.

— Так...

Рука полицейского сама собой дёрнулась, чтобы поправить фуражку, которой на нём не было. Ему стало одновременно холодно и жарко.

— Я тебе говорю, рассказывай по порядку. Когда из больницы вернулся? Что видел? Как видел? Когда?

И старик, вздохнув и продолжая вытирать щёки, начал рассказывать. Некоторые подробности он благоразумно опустил: такие, как зуд под кожей и видения огромного гнойника, пульсирующего над Грачёвском. Но зато взамен добавил других. В услышанной участковым версии дядька Митяй просто гулял по улице, когда неожиданно услышал, как в гараже Андрея Семёновича кто-то плачет. Нашлось в рассказе место и для правды: старик не умолчал о царапинах на лице мужчины и его безумном, потухшем взгляде. Он старался не переборщить с подробностями, чтобы участковому легче поверилось в его рассказ. Но одновременно старался сделать историю достаточно тревожной для того, чтобы Валентин Георгиевич решился на немедленные действия. Рассказывая о том, что он якобы видел Катю, старик постарался как можно чаще употреблять слова «вроде бы» и «кажется». Но даже при всём при этом достиг желаемого результата.

— Та-а-ак...

Валентин Георгиевич торопливо прошёлся по кухне и повторил:

— Та-а-ак... Не выдумал ты ничего?

В ответ дядька Митяй торжественно перекрестился и заверил полицейского:

— Вот тебе крест, Георгич! Вот тебе крест!

Участковый растёр ладонями лицо, словно смывая с себя прилипшую к коже грязь.

— Тебе врач нужен, дя... Дмитрий Юрич?

Старик решительно покачал головой.

— Не нужен, я с тобой буду! Поторопись, Георгич! Вдруг он в бега ударится!

59.

Света проснулась резко, словно её толкнули. На кухне раздавался визгливый голос её сестры, отлично слышимый даже через перекрытия и запертую дверь в комнату:

— Да как у тебя твой поганый язык-то повернулся?!

В ответ раздалось невнятное бубнение. Затем шорох, вскрик и звон посуды. Громкий хлопок входной двери. И резкий крик с улицы:

— Сумасшедчетая!

И сразу же трубный рёв Марины:

— По-о-ошла во-о-он, паскудина! Гнида бессовестная! Язык твой змеинный чтоб отгнил!

На улице задорно расхохотались. Ясно... Марина с кем-то поцапалась и дело, как обычно, дошло до скандала. Старшая сестра, не успевшая излить гнев на обидчицу, продолжала бушевать, грохоча посудой о мебель и плиту:

— Вот ведь собака, а! Посмотрите на неё! Да как же... А-а-ах су-ука, а-а-ах тва-арь...

В голове женщины внезапно взорвалась ужасная, пугающая мысль, и она вскочила с кровати, как ужаленная.

«Катя! Маринке что-то рассказали про Катю!» — билось в голове Светы, и тут вспыхнула новая мысль, едва не заставившая её разрыдаться: — «Нашли! Мёртвую!»

Торопливо натянув на себя одежду, Света выскочила из комнаты и в два прыжка, рискуя споткнуться и свернуть себе шею, оказалась на кухне.

— Маринка! Что?! Нашли?! Мертва?!

Марина, забывшая, что она не одна в доме, вздрогнула, замерев в неловкой позе. Из её рук выскользнула и грохнулась об пол кастрюля, из которой выплеснулся горячий, исходящий паром картофельный суп. Маленькая волна бульона разнесла кусочки овощей, белые, оранжевые и зелёные, по всему полу. Толстуха медленно подняла глаза на свою младшую сестру.

— Ма... — Света с трудом сглотнула. — Маринка?..

Света так и осталась стоять, застыв возле плиты, когда Марина направилась к ней. Она шагала грузно, медленно переваливаясь с одного бока на другой. Её руки висели плетьюми, и жир на них колыхался под цветастыми рукавами дешёвого платья из трескучей синтетики.

— Маришка... — шёпотом произнесла Света.

Звук пощёчины вышел резким и громким, как щелчок кнута. Марина ударила почти без замаха, но вложив в оплеуху весь свой немалый вес. Младшую сестру отбросило на плиту, на миг она замерла, навалившись на неё животом, а потом рухнула на деревянный пол. В голове у неё шумело, во рту чувствовался металлический привкус крови.

— Шмара...

Ругательство выскользнуло изо рта Марины, как кусок тухлятины. Криво усмехнувшись, толстуха рефлексивно вытерла руки о подол платья и направилась к выходу.

Она шагала по середине дороги, кожей чувствуя устремлённые на неё взгляды, но не опуская голову. Андрею Семёновичу, Андрюше, сейчас требовался человек, способный сказать хоть слово в его защиту. И этим человеком собиралась стать она.

60.

От дома Валентина Георгиевича решили добраться до места предполагаемого преступления пешком. Как ни мучало его искушение немедленно броситься разбираться во всём, участковый решил не пороть горячку и сперва дождался приезда опергруппы из участка, потом заставил старика повторить свой рассказ. План действий составили вместе.

— А если он вас не пустит, скажет ордер нести? — поинтересовался дядька Митяй.

— Пустит, — хохотнули в ответ полицейские. — Это ж тебе не кино про Америку.

— И не ордер, а постановление для обыска нужно.

Полицейские не сомневались в своих силах, но старик всё равно не мог избавиться от беспокойства. Кино там или нет, ему казалось, что приехавшие на вызов участкового мужчины слабо себе представляют, с кем им предстоит иметь дело. Но про Зверя всё равно предпочёл умолчать, чтобы не провоцировать насмешки. Валентин Георгиевич тоже отметил, что старик ведёт себя на редкость адекватно.

Беспокойство дядьки Митяя рассеялось, едва они дошли до своей цели. Взволнованные слухами люди собирались вокруг дома Валентина Георгиевича. В основном в толпе перетаптывались с ноги на ногу старухи, но нашлись и пара мужчин, и стайка подростков, привлечённых бесплатным развлечением.

— Чего собрались-то? — хмуро поинтересовался участковый.

И на него мгновенно обрушился шквал голосов. Взволнованные люди, перебивая друг друга, пытались узнать, что же произошло у Андрея Семёновича. Старухи завывали, потрясая морщинистыми кулаками и шамкая беззубыми ртами. Подростки веселились — кто прятал улыбки, кто смеялся в открытую.

— Ну у тебя тут и зоопарк... — тихо отметил один из оперов, подталкивая Валентина Георгиевича локтем в бок.

— Тихо, тихо! — разозлившись, участковый повысил голос. — Тихо! Расходитесь по домам! Что за демонстрация?!

Толпа снова загудела. Послышались недовольные выкрики:

— Он там девочек насилует, а мы по домам сидеть должны?!

— Мы знать хотим! Имеем право!

— Да нехристь он, нехристь!

— Руки в кровище по локоть, чаво ты иво защищаишь?!

— А я всегда знал, всегда знал, что он не такой какой-то!

Валентин Георгиевич зло глянул на дядьку Митяя, но промолчал. Разгонять толпу смысла не было, люди всё равно собрались бы у дома Андрея Семёновича, только поносили бы уже и бизнесмена, и полицейских одновременно. Сплюнув на землю, участковый рявкнул:

— Ну-ка, дайте пройти! Дорогу уступите, не мешайтесь хоть!

Толпа неохотно расступилась перед ними. Люди горячо обсуждали друг с другом слухи, старухи по несколько раз переспрашивали, что имели в виду их товарки. Те, кто ещё не ослеп, в подробностях описывали более слабым зрением пятна крови на рубашке Дмитрия Юрьевича. А тот, гордо задрав голову, стоял сразу за хмурыми полицейскими.

61.

Андрей Семёнович стоял на кухне, наблюдал за улицей через тюлевую занавеску на окне, пожелтевшую от впитавшегося в неё никотина, и курил. Пашка, непривычно тихий, молча сидел на табуретке и запихивал в рот один пирожок с картошкой за другим. Принесённый Мариной таз стремительно пустел. Сизоватый дымок кольцами завивался под потолком ветхого дома, разгоняемый только редким проникающим внутрь ветерком и крыльями мух.

Зеваки уже собрались перед его домом, хотя и не в том количестве, что он ожидал.

«Остальные, должно быть, придут со стариком и ментом... Шакалы.»

Пашка на табурете вздрогнул, будто прочитал мысли отца. Мужчина покосился на полоумного, и снова перевёл взгляд на зевак. Люди на улице делали вид, что их никоим образом не интересует ни сам Андрей Семёнович, ни его сын, ни его дом, ни его гараж. Маньяк прикоснулся пальцами к пульсирующим лёгкой болью царапинам на щеках, и зло оскалился.

«Сучка. Она это нарочно. Знала, чем всё закончится. Передала весточку...»

Он почувствовал, что мысли начинают путаться и сокращаться, превращаясь в животные порывы, и глубоко затянулся, пытаясь успокоить сердцебиение. Голову требовалось сохранять холодной, чтобы разыграть карты верно. Нужно быть терпеливым и расчётливым, как затаившаяся в кустах гадюка. Гадюка ведь не нападает на людей, пока те не наступят на её гнездо или на неё саму?

Пашка за спиной мужчины громко всхлипнул. Как будто несколько часов подряд плакал навзрыд, и только теперь успокоился. Но когда Андрей Семёнович повернулся к нему, тот сидел совершенно спокойно, а его расслабленное лицо, казавшееся нелепо стёкшим вниз с черепа, не выражало никаких эмоций. Застывшая маска тупого безразличия.

— Пашка...

Мужчине вдруг стало тоскливо и страшно. Но сын не повернул голову на его зов.

— Пашка?

— М?

Дурачок не поменял позы и выражения лица. Просто вытолкнул из себя воздух, придав этому вздоху вопросительную интонацию.

— Ты помнишь, что нужно сделать?

— М...

— Ты всё сделаешь?

— М...

Этот ответ мог означать что угодно. Но Андрей Семёнович предпочитал думать, что Пашка пытался сказать что-то положительное.

62.

Света медленно приходила в себя. После ухода сестры с ней приключилась истерика, которая успокаивалась мучительно долго. Женщина чувствовала себя одинокой, всеми покинутой и брошенной в неизвестности. Ей отчаянно требовалось поговорить. Убедиться, что взбесившая Марину новость не связана с Катей. Просто услышать чей-то знакомый голос.

Она вошла в комнату и, присев на краешек кровати, взяла в руки телефон. Пароль женщина набрала автоматически, даже не думая о том, что делает. Открыла телефонную книгу. Привычно ткнула в имя.

— Абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети...

Холодный механический голос заставил Свету вскрикнуть. С трудом заставив себя отвести руку с трубкой в сторону, женщина взглянула на экран. Катя. Она автоматически набрала номер дочери.

— ...оставить сообщение после звукового сигнала. — сообщила трубка тихо и тонко пискнула.

— Катя... Катя, я...

Слезинка упала на сенсорный экран, нарисовав на нём радугу, и Света нажала отбой. Тишина пустого дома становилась невыносимой. Но в то же время она так боялась выйти!

Снова пролистнув список контактов, Света тщательно выбрала нужный. На всякий случай проверив дважды, она нажала на имя. С облегчением увидела, что на экране появилась фото улыбающегося Артёма. Старое фото, ещё из тех времён, когда они жили вместе. Которое она зачем-то копировала на каждый свой новый телефон.

— Тёмочка, возьми трубочку... Ну возьми...

Длинные гудки доносились из динамика. Один за другим, монотонно, как спокойно бьющееся сердце. Свете представилось, как её муж шагает по лесу вместе с волонтерами-поисковиками. Такой сильный и мужественный... Ведь это могло бы быть, могло!

— Да.

Артём ответил, как всегда, коротко и немного раздражённо. Он вообще часто бывал немного раздражён, особенно когда заранее смотрел, кто ему звонит и видел на экране имя бывшей жены.

— Тёма! Тёма, это я, Света!

— Ага... — пробормотал её бывший. — Я вижу. Что нужно? Волонтерам я написал давно уже.

— Тёма... — Света почувствовала, что её прошибает холодный пот. — Тёма, я просто... Что просто? Просто ей больше некому позвонить? Просто её дочь пропала в лесу, а с

сестрой она вновь рассорилась? Просто после развода с ним она так и не смогла ничего полезного сделать со своей жизнью?

— Так чего, Свет? Алло!

Женщина судорожно вздохнула и с усилием проговорила:

— Просто хотела сказать, что новостей пока никаких. Катю продолжают искать, но координатор поисков сказала, что сегодня они...

— Так если нет новостей, — едко процедил Артём, не дослушав. — Может, ты и дёргать меня не станешь? Я работаю вообще-то, и не библиотекарем, как некоторые!

Наступила тишина. Свете отчаянно хотелось думать, что Артём в это время успокаивается и чувствует стыд за то, что сорвался. Но мужчина продолжил с той же злобой в голосе:

— Всё? Разговор окончен?

— П... Пока...

Трубка выпала из Светиной руки и с глухим стуком ударилась об пол. Крышка и аккумулятор отлетели под кровать. Но всё это не имело ни малейшего значения. Светлана рыдала, сидя на краю кровати, сжав узкими ладонями лицо. Теперь она осталась совсем одна.

63.

Марина появилась всего на несколько секунд позже полицейских, но моментально стянула на себя всё внимание. Она ещё только подходила к дому Андрея Семёновича, а участковый уже расслышал зычный голос Зотовой, и беззвучно вздохнул. На чью бы сторону ни встала эта скандалистка, дела она не упростит. И, судя по обрывкам фраз, которые до него долетали, поддерживала она отнюдь не власти.

— Ах вы подонки! — голосила Марина. — Змеи подколодные! У-у-у, твари! Набросились на человека!

Её крупная фигура мелькала в редкой пока ещё толпе, и женщина трясла кулаками перед лицом то одного, то другого зеваки.

— Валя, займись! — шепнул один из оперов.

Полицейские ловко разделились: участковый отправился к разъярённой женщине, оперативники — на участок Андрея Семёновича. Они полагали, что Марина среагирует на форму Валентина Георгиевича, но просчитались. Толстуха моментально отметила движение у запертых ворот, и метнулась наперерез. В два прыжка оказавшись перед полицейскими, она грудью закрыла от них место, где смыкались створки.

— По какому праву вы тираните человека?! — заорала она, и толпа откликнулась неодобрительным гулом. — Вы хоть знаете, как он живёт, а?! Знаете, что сынка-инвалида один растит?

Ропот в толпе нарастал. Кто-то выкрикнул:

— Да арестуйте её уже!

Подростки, пришедшие следом за полицейскими, разразились хохотом. Разраставшаяся с каждой секундой толпа загудела. Некоторые поддерживал арест Марины, некоторые высказывались против... Валентин Георгиевич продвинулся вперёд, на ходу бросив операм:

— Это тётка пропавшей.

Те растерянно переглянулись. В их представлении родственница девушки скорее поддержала бы идею линчевать предполагаемого похитителя, а не заступалась за него. Но участковый, понимавший не больше них, уже обращался к блокировавшей ворота женщине:

— Марина Витальна, что вы творите? Речь о вашей племяннице идёт, нам нужно...

— Не позволю! Не позволю! — Марина обвела безумным взглядом толпу и снова обратилась ко всем сразу: — Да что же вы творите, а?! Изверги!

— Да никто с ним ничего не творит! — голос участкового взмыл вверх, перекрывая шум. — И творить не будет! Мы просто пришли поговорить!

Марина молчала всего секунду, и участковый даже подумал, что смог достучаться до женщины. Но та лишь переводила дух перед новой атакой.

— Кто донёс?! Кто донёс?!

Она повторяла и повторяла один и тот же вопрос, едва ли понимая смысл произносимого ей самой слова. Её взгляд блуждал по окружавшим её лицам, пока, наконец, не остановился на лице Дмитрия Юрьевича. Медленно подняв руку, она ткнула в него пальцем. Лицо её исказилось в отвратительной гримасе, она захлебнулась собственным криком... и бросилась на старика. Молча, как прыгают натренированные псы, натасканные валить на землю и терзать.

Дядька Митяй, взвизгнув и разом растеряв всю свою торжественность, отшатнулся назад. Впрочем, он мог этого и не делать: полицейские ловко перехватили Марину. Осторожно, но сильно сжав её руки в крепких пятернях, рывком оттащили в сторону. Толпа ликовала.

— А ну угомонись! На пятнашку тебя закрою, дура!

Не слушая, женщина билась в крепких руках, стремясь выскользнуть и добраться до старика. Лицо её покраснело так сильно, что участковому на миг стало страшно, не хватит ли её удар. Подол цветастого платья задрался, обнажив массивные загорелые ляжки. Дёрнувшись, Марина едва не ударила одного из державших её мужчин в пах. Люди вокруг уже откровенно хохотали, появилось несколько мобильных.

«И правда,» — подумал Валентин Георгиевич. — «Куда же без видео?»

Ситуация накалялась. Оперативники, которые поначалу отнеслись к Марине едва ли не с юмором, быстро теряли терпение, злость проглядывала то на одном, то на другом лице. Они готовились к серьёзной и важной встрече, а вместо этого попали в какой-то фарс. Ещё несколько секунд — и один из них, не выдержав, причинил бы Марине боль, чтобы отрезвить и нейтрализовать. Но безумие прервал тот, от кого этого меньше всего ждали.

— Марина! Хватит!

Зычный, властный голос прозвучал из-за ограды, и женщина послушно обмякла на руках оперов. Позже полицейские признались друг другу, что в тот момент испытали едва ли не благодарность потенциальному преступнику. Толпа затихла, с интересом ожидая: что дальше сделает толстяк? Прогонит полицейских? Примется орать на них? Но тот продолжил спокойно, обращаясь к женщине:

— На, блюдо заberi. Очень вкусные пирожки были, — он над забором передал таз притихшей женщине, и его взгляд встретился со взглядом участкового. — А что тут творится? Георгич, что происходит?

Валентин Георгиевич кивнул на оперативников:

— Они объяснят.

— Андрей Семёнович? — сухо поинтересовался один из полицейских и вытянул перед собой руку с удостоверением. — Старший оперуполномоченный Шакрин. Разрешите войти на участок?

Внешне Андрей Семёнович оставался абсолютно спокойным, нашёл даже силы

успокаивающе кивнуть Марине, застывшей за спинами полицейских. Но внутри него натянулась и с глухим звуком завибрировала толстая басовая струна.

— Конечно-конечно...

Мужчина отошёл в сторону. Оперативники вошли на участок по одному, и вроде бы непринуждённо, но в то же время профессионально и точно рассредоточились по нему, с любопытством разглядывая ветхие строения.

— А в чём, собственно, дело? — ещё раз поинтересовался мужчина.

Но Шакрин, оставшийся рядом с ним, проигнорировал вопрос.

— Вы один? — холодный взгляд полицейского скользнул по зашторенным окнам дома.

За оградой Валентин Георгиевич сделал вялую попытку разогнать толпу, которую все проигнорировали. Люди затихли, даже беспокойные подростки стояли молча, пристально вглядываясь в происходящее и жадно ловя каждое слово.

— Нет, сын дома у меня. Мы хотели по делам съездить сегодня, но он чего-то... — Андрей Семёнович притронулся к царапинам на лице. — В общем, неважно ему сегодня. Вот мы и не поехали.

— Это...

Взгляд полицейского застыл на бордовых отметинах на лице мужчины, и тот понял вопрос без слов.

— Да. У него это... — Андрей Семёнович понизил голос. — В общем, с головой у него беда, понимаете?

Старший оперуполномоченный понимал. Андрей Семёнович подумал, что тема исчерпала себя, и сейчас полицейский перейдёт к утреннему инциденту, но тот задал неожиданный вопрос:

— У врача ваш сын наблюдается?

Этого Андрей Семёнович не ожидал, и потому растерялся. У какого врача? Зачем? При чём тут это? Неужто, пока он спал, Пашка что-то ещё натворил, как тогда, на озере? Не удержавшись, мужчина быстро стрельнул взглядом на дом. Занавески везде плотно сдвинуты, Пашку не видно. По спине маньяка пробежал холодок. Если дело вовсе не в старике, то...

— Ясно, — подвёл черту оперативник и, повернувшись к воротам, махнул рукой: — Пострадавший, идите сюда!

Дядька Митяй бодро засеменял по тропинке на участке Андрея Семёновича. Толпа снова загудела, и над ней раздался крик участкового:

— Тише! Тише! Расходитесь, нечего глазеть! Хватит!

Никто, понятное дело, не среагировал. А Шакрин, не теряя времени, задал новый вопрос:

— Вам этот мужчина знаком?

— Этот? — Андрей Семёнович презрительно скривился. — Это наш сумасшедший местный. Дурачок. А что?

— По его словам...

Дядька Митяй, не дойдя до стоящий рядом мужчин несколько шагов, внезапно выставил перед собой руку и возвестил во всю мощь своих стариковских лёгких:

— Это он! Он украл девочку! И держит её в гараже! Зверь!

Над толпой пролетел вздох, как будто никто из собравшихся не слышал сплетен, взбудораживших город. Марина, схватившись за сердце, испустила пронзительный визг.

Опер, разговаривавший с Андреем Семёновичем, поморщился и задал следующий вопрос:

— Вы понимаете, о чём он говорит?

— Без понятия. Сумасшедший же.

— Вы виделись с ним сегодня утром?

Андрей Семёнович пожал плечами:

— Вы про нос его? Да, я расквасил. А о том, что он ко мне на участок вломился, этот пердун вам рассказывал?

Опер приподнял руку:

— Выбирайте выражения... И вы, Дмитрий Юрьевич, тоже, не бросайтесь обвинениями.

— Не, ну вы поймите и меня тоже! — продолжил, как ни в чём не бывало, Андрей Семёнович. — Мне тут как должно быть? С сыном проблемы вот... — он снова коснулся лица пальцами. — Машина барахлит, проблемы кругом! И я из гаража выхожу, а тут этот кадр!

— Да ты... — задохнулся от гнева дядька Митяй, но полицейский жестом приказал ему молчать.

— Это повод бить людей?

— Нет, конечно... — Андрей Семёнович вздохнул и, внезапно вытянувшись, заорал в сторону толпы на улице: — А поклёп старого дурака — повод допросы устраивать?! Что вы тут собрались! Когда я вам что плохое делал?! А?!

— Прекратите, пожалуйста.

Андрей Семёнович замолчал, зло поглядывая на своего собеседника.

— Мы получили сообщение. Мы отреагировали. Такая у нас работа. За избиение на вас никто заявления не писал, не бойтесь.

— Ой! — Андрей Семёнович дурашливо поклонился дядьке Митяю. — Ну вот прям спасибо тебе, благодетель! Заяву он не написал на меня!

— А вот гараж мы бы хотели осмотреть.

Старший оперуполномоченный пристально посмотрел в глаза мужчине, стараясь отыскать в них хотя бы тень страха или сомнений. Его коллеги как бы невзначай пристроились за спиной толстяка. Но тот ответил спокойно и равнодушно:

— Да что хотите делайте. Убедитесь сами, что этот старый дурак набрехал и всё.

Шакрин мотнул головой в сторону гаража. Двое оперов двинулись в сторону сваренного из металлических листов строения первыми, следом за ними — дядька Митяй, Андрей Семёнович и старший оперуполномоченный. Полицейский теперь постоянно стоял так, чтобы иметь возможность быстро добраться до предполагаемого убийцы, если тот решит удрать или наброситься на окружающих.

Ворота со скрипом приоткрылись. Толпа замерла в ожидании, люди синхронно вытянули шеи, стараясь заглянуть внутрь небольшого строения, но открытые ворота закрывали обзор практически для всех. Те же, кто мог что-то увидеть в гараже, принялись громко перечислять, перебивая друг друга:

— Крови нет!

— Нет там девчонки!

— Да вон брезент в углу лежит, мож под ним?!

— Это не брезент, это куртка валяется...

— Сейчас милиция разберётся!

Марина, изо всех сил вцепившаяся в сетку забора, неожиданно громко застонала. Многие решили, что она разглядела нечто, им недоступное, и подались вперёд. Снова раздался голос Валентина Георгиевича, призывавшего людей разойтись или хотя бы успокоиться и не мешать.

А опера тем временем вошла внутрь. Они уже и так видели, что в гараже нет ничего подозрительного, но для очистки совести требовалось проверить. Вяло поворошив гору тряпья в углу и проведя кончиками пальцев по верстаку, они почти синхронно обернулись к старшему и пожалы плечами. Гараж был пуст. Дядька Митяй смертельно побледнел под взглядом Шакрина.

— Я вам клянусь... — хрипло произнёс он.

У старшего оперуполномоченного дёрнулась щека. Уже не заботясь о том, чтобы стеречь Андрея Семёновича, он обошёл толстяка и заглянул в гараж сам. Пыльно, темновато, неопрятно. Но в этой камерке совершенно определённо никого не убивали. Уже поняв, что старик оклеветал мужчину, намеренно или из-за старческого слабоумия, он всё же, повинувшись наитию, ткнул пальцем в чернеющий провал смотровой ямы:

— Это что?

— Смотровая яма. — пожал плечами Андрей Семёнович.

— Спуститься можно?

Хозяин гаража снова пожал плечами. Он, казалось, уже совершенно потерял интерес к происходящему, даже на Дмитрия Юрьевича не обращал внимания. Полицейский ловко спрыгнул вниз и пару раз пересёк яму из конца в конец. Ничего необычного, яма как яма. На дне виднелись тёмные пятна, и опер присел на корточки, потёр их пальцами и понюхал. Машинное масло. Всё вроде выглядело вполне обыкновенно, но в душе Шакрина вдруг зашевелились сомнения. Да, он прыгнул сюда вроде бы случайно, но что-то в этом углублении в полу было не так. Маленькое настолько, что сознание даже не замечает этого, в отличие от подсознания. Оперативник встал посреди ямы и пошлёпал ладонями по её боковым стенкам. Раздался самый обычный звук. Но чувство беспокойства только возрастало. Шакрин нахмурился и сделал шаг вперёд. Потом ещё два шага назад. Протянул руку к стене напротив ведущих в яму ступеней...

И Пашка вспомнил о своей роли.

64.

Катя лежала на боку, обхватив руками согнутые в коленях ноги. Спиной она привалилась к металлической двери своей камеры. Так боль превращалась из невыносимо сильной просто в жаркую пульсацию. На солнечном сплетении образовался огромный кровоподтёк, желтушный по краям и тёмно-фиолетовый с красной каймой в центре. От дыхания болела грудь, на каждом вдохе в лёгких натягивалась и лопалась какая-то плёнка. Кружилась голова, и комната медленно покачивалась перед глазами.

Но, что угнетало куда сильнее, девушку мучал голод. Она понимала, что, не съев хоть что-нибудь, окончательно потеряет силы и тогда, вернувшись вечером, её мучители обнаружат перед дверью труп. Организм, оставшийся без защиты перед холодом, тратил огромное, непозволительное количество калорий только лишь на то, чтобы сохранять тепло. В такой ситуации и куда менее жестокое избиение могло стать смертельным.

Девушке казалось, что, пробыв почти трое суток в вонючей комнате, она лишилась обоняния, но это оказалось не так. Стоило Кате приблизить лицо к миске, как спазмы скручивали её желудок в узел, и в горле поднималась желчь. Резкий запах мочи бил в нос, усиливая головную боль. Она плакала бы, если бы не выплакала все слёзы раньше. И всё же ей необходимо было поесть...

Девушка перекатилась на четвереньки. Вставать в полный рост сил у неё уже не хватало. Зажав нос и рот одной рукой, второй она быстро залезла в миску и выкатила на пол хлеб. Он размок и деформировался, превратившись просто в бесформенный кусок теста. Моча похитителя остыла и стала маслянистой и густой. Желудок девушки сократился, выплёскивая желчь в горло, но она справилась со спазмом. В носу появился мерзкий запах рвоты, но это её даже порадовало: не так сильно чувствовалась аммиачная вонь. Отдышавшись и дождавшись, пока боль в желудке уляжется, она с опаской отняла ладонь от лица. Перевела дыхание...

Тошнота вроде бы отступила, но Катя догадывалась, что обманывает себя. Стоит ей приблизить лицо к миске, и новый спазм электрическим разрядом пронзит тело. Но тем не менее, ей необходима была пища.

Рукой отшвырнув кусок хлеба в сторону, девушка медленно, раскачиваясь из стороны в сторону подползла к нему. Теперь оставалось только обмануть себя ещё раз, представив, что он промок в воде. Всего лишь в воде. В грязной луже, полной протухшей на солнце жидкой грязи. Но не в моче, нет, не в моче... Двумя руками, как бесценное сокровище, Катя подняла горбушку с пола. Мутная жидкость потекла по её предплечьям, и она зашептала, прикрыв глаза:

— Вода, вода, вода, просто грязная вода...

Её ладони сжались. Пальцы утонули в мякише, похожем на комок водорослей. Тяжёлые капли застучали по бетонному полу. Брызги упали на Катины бёдра, и её передёрнуло. Рвота забурлила в желудке.

«Нельзя плевать... Только не плевать... Второй раз я не смогу взять хлеб...»

Липкая масса мягкими червями вылезла между Катиных пальцев, и девушка торопливо ослабила хватку, открывая глаза. Хлеб оставался влажным. Напитавшийся...

«Водой, водой, это грязная вода...»

Мякиш влажно поплёскивал в свете слабенькой лампы. Горбушка смялась, превратившись в округлый комок. Катя попыталась сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться, но скривилась и тихонько захныкала. Рёбра отозвались колющей болью. Катя медленно выдохнула через стиснутые зубы и стала дышать мелкими плоточками. Так куда лучше...

Она тщательно собрала весь мякиш между ладоней и покатила его, как снежок. Хлеб прилипал и мерзко щекотал кожу. От едкой мочи начало щипать ранки на кончиках пальцев и возле ногтей. Не обращая внимания на неприятные ощущения, девушка выдохнула и одним резким движением сунула кусок хлеба в рот, торопливо сжав челюсти, чтобы не выплюнуть его обратно. Она снова ощутила запах мочи, куда сильнее, чем когда сидела возле миски. На языке почувствовался слабый привкус плесени. Лёгкий вкус хлеба. Но в основном — острая солёная горечь. Девушка забилась крупной дрожью. Её ноги подкосились, но она не решилась оторвать ладони от рта, чтобы не выплюнуть размокшую краюху, и поэтому рухнула на пол.

Склизкий липкий комок медленно продавливался в горло, преодолевая сопротивление сжавшейся глотки. В Катиной голове нарастал шум, странные шорохи и завывания теней, вновь появившихся на стенах, сливались в адскую симфонию тошноты и отвращения. Издав громкий стон, Катя сделал над собой последнее усилие. Желудок снова исторг желчь, пытаясь вымыть из себя тошнотворный комок, опускавшийся всё ниже по пищеводу, но девушка подавила рвоту, несколько раз быстро сглотнув. Живот отозвался режущей болью, но у неё получилось. Липкая масса упала в желудок. Тошнота никак не хотела проходить, но пленница уже не сомневалась, что сможет сдержать её. Самое сложное осталось позади.

Девушка легла на спину, широко раскинув руки, и позволила себе расслабиться. Кусок хлеба не подарил ей тёплого чувства наполненности желудка. Напротив, он застыл у неё внутри, как кусок пластилина или мягкого воска, осел мерзкой тяжестью, слабо колыхаясь в такт сердцебиению. Но в любом случае, это была еда. А значит, у неё появился шанс протянуть до вечера, когда...

Когда что? Когда она переспит с сыном маньяка? Когда они накормят её очередной порцией тухлятины? Или на этот раз извращенец решит испражниться в миску побольшему?

Скривившись, Катя отогнала от себя мысли. Для них ещё будет время. А сейчас ей следует задуматься о пище. О куске сыра. И о куске колбасы.

— Тухлая вода... — напомнила себе девушка. — Они всего лишь плавают в грязной луже.

65.

Такого поворота не ожидал никто. Входная дверь дома Андрея Семёновича с грохотом распахнулась, и на крыльцо вылетел Пашка. Рот его искривился в диком беззвучном крике, глаза вылезли из орбит, сальные волосы встали дыбом. И при этом он появился на улице, полностью обнажившись. Толпа ахнула и подалась вперёд. Ещё секунду люди осмыслили то, что происходит перед их глазами. А потом над улицей раздался хохот. Те, кто ещё не успел достать мобильный и снять происходящее, торопливо потянулись к карманам. Старухи стояли, прижав кулаки к беззубым ртам и жадно ловили каждое движение безумного парня.

— А-а-а! — проорал Пашка.

Оперативники вздрогнули. Старший из них, седовласый мужчина с холодным хищным взглядом, высунулся из дверей гаража и замер, разинув рот. А Пашка в это время звучно

хлопнул себя по ляжкам с такой силой, что жир на боках и животе заколебался и пошёл волнами, и неторопливо спустился с крыльца на землю.

— Паша! Паша! Ты чего творишь?! — заорал, придя в себя, Андрей Семёнович.

Но сын его не слушал. Медленно разгоняясь, как катящийся с горы шар, парень побежал на полицейских, широко разведя руки в стороны и издавая душераздирающие вопли.

— Не бейте его! — пронзительно завизжала Марина, хотя вряд ли кто-то собирался это делать.

Оперативники, поражённые зрелищем, стояли в траве, которой зарос участок мужчины. Но когда Пашка, приблизившись к одному из них, протянул вперёд свою руку, намереваясь схватить растопыренными пальцами рукав лёгкой ветровки, под которой пряталась кобура с пистолетом, тело мужчины среагировало само, без участия разума. Полицейский двинулся резко и так быстро, что почти никто не успел разглядеть движения, и Пашка, увлекаемый импульсом собственного тела, кубарем покатился в бурьян.

— Не смей его бить! — взревел Андрей Семёнович.

Он сжал пудовые кулачищи и медленно двинулся к оперу. В этой ситуации им было проще ориентироваться. Если голый умственно отсталый ещё мог заставить их растеряться, то огромный мужик, кричащий басом и рвущийся в драку — нет. Пистолеты, как по волшебству, появились в руках полицейских.

— Стоять на месте! Стоять!

Андрей Семёнович остановился. Марина снова завизжала, и этот громкий, нутряной звук повис в воздухе, вибрируя и постепенно затихая. Пашка, весь потный, перемазанный соком растений, медленно поднялся на ноги и обвёл полицейских диким взглядом.

— Не убивай папку!

Взвизгнув, парень снова побежал в сторону вооружённого оперативника. Его напарник попытался перехватить умственно отсталого, но тот, весь покрытый липким потом, без труда выскользнул из рук и снова покатился по земле. Утерев нос рукой, он попытался встать на ноги, но невесть как оказавшийся рядом Шакрин уверенным движением толкнул Пашку ладонью в макушку, снова роняя на задницу.

— Сидеть! — рявкнул старший оперуполномоченный.

Парень попытался подняться снова, но замер, натолкнувшись на полный ненависти взгляд полицейского. Толкнувшись ногами подальше от мужчины, он сжался в комок, стараясь прикрыться руками, и зарыдал, тихо и отчаянно. Так плачут дети, обиженные взрослыми без всякой причины.

Кивнув, полицейский шагнул в сторону Андрея Семёновича и с силой толкнул его пальцем в грудь:

— Какого хрена у вас тут происходит вообще?!

Мужчина, весь красный и потный, перевёл сбившееся от волнения дыхание и ответил таким же громким криком:

— А вы что себе позволяете?! Припёрлись сюда, пистолетами размахиваете, устроили обыск на пустом месте! Перепугали ребёнка!

Привыкший, что от его криков люди отступают, Андрей Семёнович навис над Шакриным, уступавшим ему как в росте, так и в ширине плеч. Но тот стоял, как каменное изваяние, и даже не собирался сдавать позиции. Марине, продолжавшей, не моргая, наблюдать за происходящим, показалось, что мужчины подозрительно похожи на встретившихся на опушке леса животных: свирепого вепря, привыкшего править лесом, и

матёрого охотничьего пса. И если один из них не решится отступить, то непременно прольётся кровь. Много крови.

И опер отступил. Не побежал, а именно отступил, понимая, что открытая схватка никому не нужна.

— На вас, — он снова указал на Андрея Семёновича пальцем, но на этот раз не прикоснулся к нему. — Будет написано заявление. Побои у старика мы снимем, можете не сомневаться. А лично от меня — ждите комиссии, которая проверит, в каких условиях вы содержите сына и насколько он опасен для общества. Вы меня хорошо расслышали?

— Я бизнесмен... — хрипло булькнул в ответ Андрей Семёнович. — Человек уважаемый. Меня тут все знают.

Но и этот аргумент полицейский парировал мгновенно, почти не задумываясь:

— Вашим бизнесом ещё налоговая займётся. Посмотрим, какой вы уважаемый человек.

Глаза Андрея Семёновича налились кровью, но он нашёл в себе силы промолчать. Шакрин направился к выходу, сопровождаемый своими коллегами и испуганно глядящим по сторонам дядькой Митяем. Андрей Семёнович с кряхтением поднял сына с земли и повёл в дом. Толпа начала медленно расходиться.

66.

Андрей Семёнович уже некоторое время стоял на ступенях лестницы на второй этаж. Над полом второго этажа виднелись лишь его голова и плечи. А Пашка, всё так же голый, грязный и потный, носился по своей комнате, то хватаясь за голову, то падая на пол и принимаясь корчиться.

Мужчина видел его в таком состоянии впервые. Хотя, если считать совсем уж глубокое детство — возможно, второй или третий раз. Но в любом случае, никогда ещё истерика сына не вызывала у него такого ужаса. Тот, кого он привык видеть не более, чем маленьким мальчиком, даже когда тот раскабанел настолько, что стал с трудом проходить в дверь дома, внезапно оказался чем-то большим. Способным броситься на полицейского под дулом пистолета. При виде него полицейские застыли от страха, подумать только!

— Пашка! — Андрей Семёнович изо всех сил старался не опускаться до просительных интонаций, но получалось плохо. — Пашка, угомонись!

Но сыне не слушал его. И если раньше мужчина прекратил бы истерику всего лишь парой резких, хлёстких зуботычин, то теперь он никак не мог на это решиться.

«Господи, да он когда на пол бросается, у нас сервант трясётся на первом этаже...»

— Пашка... Сынок!

— Они приедут завтра! — ревел умственно отсталый. — Приедут! За мной приедут! И заберут!

— Никто тебя не заберёт, успокойся!

— Заберу-у-ут! — вопил Пашка в ответ, размазывая слёзы по грязным щекам. — И будут в попу тыкать и совать! И уколы делать! И нос отрежут! С ушами! И заставят сожрать!

Пашкин голос перешёл в неразборчивое хрипение, и Андрей Семёнович мысленно благословил слабость глотки своего отпрыска. Его рука не дрогнула ни разу, когда он пытал и калечил людей в подвале. Но сейчас, когда все эти вещи перечислялись его же собственным сыном, мужчину пробил холодный пот. Он словно посмотрел на себя со стороны. На себя такого, каким видел его Пашка.

— Пашка! Но ты ведь нас спас! Ты всё классно сделал!

— Сдела-а-ал! Сдела-ал! Как ты проси-и-ил! — проорал Пашка, лёжа на полу и

выгибаясь дугой.

А потом он расслабился так резко, что Андрей Семёнович испугался, не доорался ли тот до инсульта. Тело толстяка слабо колыхалось от дыхания. Капельки пота, быстро сформировавшись на боках, поползли вниз на дощатый пол.

Преодолев, наконец, свой страх, Андрей Семёнович одним скачком запрыгнул в Пашкину спальню. Доски протестующе заскрипели под его весом, но он не обратил на это внимания. Он искренне переживал за своего отпрыска. И ни в коем случае не желал его смерти. Подскочив к сыну, толстяк склонился над ним, пристально вглядываясь в закрытые глаза.

— Паш... Сынок? Ты чего?

Пашка шумно сглотнул и открыл глаза полностью. Впервые за много лет пелена слабоумия немного рассеялась, словно дёргаясь и прыгая, его сын пригнал к мозгу достаточно крови, чтобы мыслить связно.

— Я же всё сделал, как ты просил, — произнёс он внятно, хотя дыхание его ещё не восстановилось. — Ты что, нарочно хотел, чтобы всё стало так плохо?

— Ты это... — Андрей Семёнович отступил на шаг, чувствуя, как волосы на всём теле встают дыбом. — Ты не смей так говорить, Пашка! Не смей, слышишь!

Просительные интонации. Он даже не догадывался раньше, насколько сложно от них избавиться. И даже представить не мог, что будет с такими интонациями говорить с собственным недоразвитым сыном. И тем не менее: Пашка лежал на полу, голый и грязный, но при этом совершенно не жалкий. А он, большой и грозный отец, порой не в меру жестокий, но любящий — лебезил перед ним, упрашивая не говорить плохие вещи.

— Но ты же знал всё, папка! Ты этого наро-о-очно хотел... Хотел... Хотел, да...

— Нет, сынок, нет! — Андрей Семёнович уже почти орал, хотя его сын теперь говорил спокойно, поражённый своим озарением. — Я не знал. И мы всё исправим!

Пашка медленно, будто нехотя, повернул голову и взглянул на отца.

— Да, исправим! Мы убежим с тобой! Да, точно, мы убежим... Я и ты, Пашка. Я и ты...

Захваченный этой мыслью, с лихорадочно блуждающим взглядом, Андрей Семёнович повернулся к лестнице и, под нестройное скрипение ступеней, направился вниз. Идея побега пришла к нему внезапно, и сразу же полностью затопила его сознание, как это часто бывало и раньше.

«Как просто! Как просто всё исправить! Эти... Эти твари придут завтра, а нас уже не будет тут! А там уж посмотрим. Устроимся где-нибудь с Пашкой. В деревне! Да, в глуши! В Сибири!»

Мысли с нездоровой, лихорадочной быстротой проносились в мозгу мужчины, а на их фоне уже выстраивался, сам собой, план действий.

«Собрать вещи. Уехать ночью, на машине. Потом транспорт придётся сменить, может, угнать, а может, автостопом. Шофера люди добрые... Ещё деньги! Скоплено немало, это поможет. Может, поджечь дом? Нет, тогда хватятся сразу...»

Кровь шумела у него в ушах всё сильнее, взгляд туманился. Потому он и не расслышал последней фразы, сказанной его сыном. Глядя, как макушка отца медленно опускается вниз, чтобы скрыться внизу, на первом этаже, Пашка негромко поправил его:

— Ты, я и моя жена, папка.

67.

Городок, совсем недавно бурливший из-за новостей о том, что Андрей Семёнович

якобы оказался маньяком, медленно успокаивался. Дядька Митяй успел улизнуть от полицейских, как только понял, что такой провал может обернуться для него несмыслимым позором и крупными неприятностями. И теперь он сидел у себя в халупе, покуривая самокрутки, свёрнутые из вытряхнутого из окурков табака, и, едва сдерживая жгучие старческие слёзы, смотрел в окно.

Уверенность в том, что именно бывший охотник — тот самый Зверь, за которым он охотился, никак не отпускала. Просто он оказался достаточно изворотливым, чтобы избежать наказания от полицейских. Теперь они уже ни за что не поверят ничему, что скажет им сумасшедший старик. Точнее, тот, кого они считают сумасшедшим стариком.

Но, по здравому размышлению, получалось найти во всей этой ситуации и плюсы. Андрей Семёнович сцепился с оперативниками из участка, мужиками даже на вид жестокими и злыми. Это не участковый, к которому можно относиться с уважением, но скорее как к своему соседу, а не представителю власти. Опера — настоящие ищейки, такие вцепятся — и сбросить их будет уже очень сложно, если вообще возможно. Такие вот и должны на Зверя охотиться. И они, похоже, его смогли зацепить, хоть и не на том, на чём ожидалось.

Теперь они будут гнать его, гнать, пока не настигнут. И уж тогда раскроется вся его подноготная, люди узнают о каждом злодеянии до последнего...

Внезапно вздрогнув, Дмитрий Юрьевич выпрямился и поглядел на улицу удивлённо, словно видел пыльную Грачёвскую щебёнку впервые в жизни. Гнать? Полицейские, эти охотничьи псы, вовсе не вцепились в Зверя. Они вспугнули его. И в этом присутствовала и его собственная вина. И теперь тот, без сомнения, попытается оторваться от погони. Избавится от всего, что может навести на верный след. Замурует все свои тайные ходы, выбросит улики. Он скинет с себя шкуру Зверя и превратится просто в усталого и нервного мужика, который в одиночку растит такого непростого ребёнка.

«Ну не сажать же его, правда?» — эхом громынула в голове старика чужая, но такая чудовищно правильная мысль. У Дмитрия Юрьевича засосало под ложечкой. Дрожь пробежала по старому телу, измученному бессонницей и стрессом. Не сажать же его...

Взволнованно подскочив на ноги, старик сделал круг по комнате и снова уселся на продавленный диван. Слёзы на его щеках высохли, и теперь он лихорадочно думал, пытаясь понять, что делать дальше. По свету Зверь вряд ли решится бежать. Значит, стоит хотя бы немного отдохнуть... А что потом?

68.

Валентину Георгиевичу тоже совершенно не хотелось показываться на улице.

— Ну, старый хрен... Ну, устроил...

Опера, злые и разочарованные, уже уехали, а участковый так и продолжал кружить по тесной кухне, сжимая кулаки и потрясая ими в воздухе.

— Ну и заварил, хрыч! Чёрт рогатый, всех бабок поднял!

Он буквально кожей чувствовал, как гудят несколько соседних улиц. Гудят, как растревоженный неловким пасечником улей. Старухи, которым уже давненько не случилось обсудить пикантную историю, дождались, наконец, своего часа. Молва пошла, и даже тот факт, что у Андрея Семёновича на участке не нашлось ничего подозрительного, их теперь не остановит. А сам Андрей Семёнович поимел огромные проблемы — опера не шутили, когда грозили ему проверками из всех возможных инстанций. Так что, вполне вероятно, скоро поползёт по городку новая байка: как подлец-участковый сдал в тюрьму отца

неполноценного ребёнка. И будет всем плевать, что в неполноценном ребёнке чуть больше центнера живого веса, а у самого Валентина Георгиевича не существовало мотивов так поступать на ровном месте. Уж додумают...

— Ух, старикан! Зарекался ведь тебе, скотине, верить!

69.

Марина брела по Грачёвску, не зная толком, куда и зачем она направляется. Эмалированный таз, который она до этого бережно прижимала к груди, пропал. Должно быть, выронила, не заметив. Бродить по одноэтажным улочкам частного сектора было выше её сил, поэтому она быстро выбралась в многоэтажную часть города и, низко опустив голову, шаталась по заросшим кустарником и сорной травой дворам шестиэтажек. Тут тоже жило много знакомых, но шанс того, что молва добралась и сюда, всё же казался ей ничтожно малым.

Несколько раз она порывалась отправиться домой, но одёргивала себя. Там, дома, ждала Света. Которая, несомненно, уже обо всем узнала и только и ждёт шанса, чтобы поиздеваться над ней. Наверняка ведь сестра уже в курсе всего. А на фоне такого скандала даже бабник и пьяница Артём будет смотреться идеальным семьянином...

Горячие слёзы катились из её глаз и падали, оставляя тёмные круглые пятна на фартуке, который она так и не удосужилась снять. Марине мучительно хотелось, чтобы обида и жалость к самой себе сменились в её душе на привычную злость, но этого так и не происходило.

70.

Летний день катился к закату, всё ускоряя и ускоряя своё движение. Рыдала, уткнувшись лицом в подушку, Света. Марина, так толком и не пришедшая в себя, без толку слонялась по трём крупным улочкам Грачёвска: Мира, Ленина и Восьмого Марта. Иногда она, пугая продавцов и покупателей, в основном приезжих, забредала в магазины и подолгу стояла в центре торговых залов, безумным взглядом обводя витрины, но ничего не брала, а лишь неразборчиво мычала и уходила восвояси.

Дмитрий Юрьевич дремал в своём домике, укрывшись от светящегося прямо в окна солнца под накинутым на голову пиджаком. Головная боль уже начинала донимать его, но он не просыпался.

Андрей Семёнович раз за разом собирал и разбирал вещи, без всякого толку кидая их в потрёпанную спортивную сумку, а потом безжалостно выворачивая её на пол. Единственное, что сразу же заняло своё место — это нож. Любимый клинок с потемневшей от чужой крови деревянной ручкой застыл у него на поясе, лишь изредка покачиваясь в самодельном чехле и шлёпая своего владельца по ягодице, словно подгоняя.

Казалось, единственные в сонном провинциальном городке, кто ещё совершал какие-то осмысленные действия — это поисковики. Измученные и злые, «лисы» раз за разом отправлялись в чащобу, прочёсывая её квадрат за квадратом. И раз за разом они возвращались в лагерь с пустыми руками. Быстро попив воды и перекусив консервами, молодые парни и девушки снова вставали на ноги и шагали в полумрак, напоенный густым запахом хвои. Они почти физически ощущали, как время утекает из их ладоней. Бестолково потраченное время...

И если бы человек, способный, как и дядька Митяй, видеть чуть больше, чем большинство людей, взглянул в этот миг на Грачёвск, он вряд ли удержал бы вскрик отвращения и ужаса. Огромный, полный гноя нарыв над городком раздулся до

невообразимых размеров. Казалось, таящееся в нём зло вот-вот прорвёт маслянисто блестящую тонкую плёнку на его вершине и бурным потоком хлынет наружу... Но сумасшедший старик спал. А больше никто ничего увидеть не мог.

71.

На Катю накатило жуткое, тягучее чувство того, что она умерла. Последние куски испорченной маньяком пищи упали в желудок удивительно легко, уже не вызывая рвотных позывов. Никаких эмоций по поводу произошедшего она тоже не испытала. Тело продолжало двигаться, в голове ворочались ленивые мысли, как осенние сонные мухи, но её душа находилась в другом месте. Тени не пришли на стены, ведь не осталось ничего, что они могли забрать.

Свесив руки вдоль тела, Катя слонялась по камере, скользя взглядом по серым бетонным стенам. Это занятие отупляло, но в этом и заключалась прелесть её состояния. Больше никаких тревог, никаких сомнений и страхов. Если бы в эту минуту в подвал спустились её мучители и объявили ей, что они решили устроить извращённую оргию с её участием, она никак не показала бы своего отвращения. Вряд ли силы её воли хватило бы даже на пожатие плечами.

Из всех её живых эмоций дольше всех держалось удивление: неужели это и есть то, что называют «сломаться»? И неужели ей хватило всего двух с небольшим суток для того, чтобы серость и теснота камеры, чувство страха и унижения выжгли её душу? Потом, впрочем, пропало и удивление. Сломалась и сломалась. Кому какое дело...

Не шло уже речи ни о чести, ни о достоинстве. Единственная её цель — сохранить свою жизнь. И если для этого придётся изображать жену умственно отсталого парня, рожать ему детей, пахать в огороде и ублажать его, а то и его отца, в постели, она сделает это с готовностью. Примерно с той же, с какой протолкнула в свой желудок последний кусок испорченной чужой мочой колбасы.

72.

К вечеру Андрей Семёнович немного успокоился. Лихорадочное возбуждение покинуло его, и он смог, наконец, осознать, что уже несколько часов занимается совершенно бесполезным делом. Желудок урчал от голода, голова стала тяжёлой и словно набитой ватой. Руки слабо трясло от волнения и усталости.

— Пашка, жрать идёшь?

Сын не ответил. Мужчина, не ожидавший ничего иного, пожал плечами и направился к холодильнику. Полки пустовали, если не считать недопитой бутылки пива, пачки дешёвого майонеза и нескольких сморщенных картофелин. В морозилке вроде бы должен оставался ещё неплохой кусок свинины, но размораживать его не хватало ни времени, ни желания.

«Можно и так погрызть, чего уж там!» — мысленно хохотнул мужчина, и тут же подумал уже серьёзно: — «Знал бы — не стал девку кормить утром...»

Но сделанного было уже не вернуть, в любом случае. Поразмывав немного, уперев руки в бока, Андрей Семёнович привычным движением сыпанул в кастрюлю макарон и залил водой из ведра. На конфорке газовой плиты расцвёл цветок горящего газа. Опершись о плиту крупными ладонями, маньяк задумчиво поглядел на улицу.

Двор, привычно загаженный, и огород, который давным-давно никто толком не возделывал, разбудили в нём лёгкое чувство сожаления. Всё ведь могло быть иначе. Крепкое хозяйство, жениться вон, на Марине той же, работать в огороде, зашибать денежку шабашками. Как все. Всё как у всех. Он даже не сомневался, что смог бы обеспечить и себя,

и жену, и Пашку... И не пришлось бы придумывать никакой бизнес, чтобы оправдывать частые отлучки.

Смог бы, если бы не тьма, время от времени пеленой застилающая глаза. Жажда убивать и мучать, пытаться и насилловать, которой он не в силах был противостоять. Да и существовали ли на свете вообще человек, который смог бы?

Вслед за сожалениями пришёл липкий, неприятный страх. Андрей Семёнович выходил из психологического пике, во время которого превращался в дикое животное, не знающее жалости и страха, и теперь начинал медленно осознавать, что же он натворил. В подвале гаража девчонка, сын должен увидаться с психиатром, все соседи смотрят с ненавистью и отвращением...

«Не пойти ли сдать?»

Мысль промелькнула в голове, как всегда бывало в такие моменты. Сдаться... И забыть обо всех бедах. Его, конечно, посадят. Пашку сдадут в психушку. Но не будет ли так лучше для всех? Однако лёгкий холодок в животе быстро превратился в панический, животный ужас. Нет, не будет! Ни для кого не будет! В конце концов, он никогда и не охотился на хороших людей! Проститутки, бомжи, подростки-наркоманы и юные преступники. Вот от чего всем лучше! Общество получает чистку, а он — наслаждение от своих тайных игр. Вот это по-честному! Да, с девчонкой, Катей, он совершил ошибку. Но это впервые за много лет!

Побег снова представился ему единственно верным решением. Тем более, что в глубине души он надеялся, что, оказавшись в глуши, сможет излечиться от своего душевного недуга. Если вокруг нет этого бесконечного потока отвратительных отбросов общества, он ведь попросту никого не тронет! Не убивать же ему своих соседей? Вот, что ему нужно! Покой, тишина и одиночество, разделённое с сыном! Вот этого он заслужил, а не тюрьмы! Нужно только закончить с делами тут...

Сняв кастрюлю с плиты, он осторожно слил воду в помойное ведро под намертво приколоченной к стене раковины. Макароны дышали паром.

— Пашка! Ужин!

Сын заворочался на втором этаже, но ничего не ответил. Обижается, должно быть. Ну да ладно. Там, куда они направятся этой ночью, ему тоже станет лучше.

73.

Над Грачёвском медленно сгущались сумерки. Солнце садилось неторопливо, как это всегда происходит летом. Сперва оно мучительно долго висело над горизонтом, едва касаясь тёмной кромки земли своим краем. Потом раскалённый шар стал опускаться вниз. Его лучи пронзали быстро собиравшиеся у горизонта тучи, и люди, если бы им было дело до красот природы, смогли бы полюбоваться на чёткие лучи, прорывавшиеся сквозь прорехи в тяжёлой свинцово-тёмной массе. Ночью мог пойти дождь, и холодный ветер уже гулял над крышами домов, раскачивая антенны и хлопая бельём, сушащимся на натянутых во дворах верёвках.

Этот же ветер захлопнул форточку в доме дядьки Митяя, распахнутую по случаю удушающей жары. Громкий треск разбудил старика. Он сел, резко выпрямившись, и перед его глазами заплясали разноцветные круги. Дед застонал, уперевшись руками в край кровати. Его, как и большинство ровесников, часто мучала бессонница. Но стоило ему провести несколько дней на ногах, а не ворочаясь на кровати, как он начинал мгновенно испытывать огромную слабость.

— Старость не радость...

Зуд улёгся, и осталось лишь едва ощутимое, горькое чувство опасности. Дядька Митяй сунул босые ноги в сапоги и, прикурив сигарету, вышел на крыльцо, чтобы немного освежиться на прохладном ветру.

74.

Над лесом тёмными гроздьями зрели грозовые тучи. Ветер усиливался с каждой секундой, гудел в верхушках деревьев. Сосновый бор кряхтел, словно деревья пытались покрепче вцепиться в землю, готовясь к удару стихии.

Наташа с беспокойством поглядела на чернильную кляксу, стремительно расплывающейся на горизонте и захватывающей всё больше и больше закатного неба. Все предметы приобрели сероватый оттенок, лица мертвенно побледнели. Держа в зябнувших на ветру руках рацию, девушка раз за разом повторяла в микрофон, что все «лисы» должны быть предельно осторожны и как можно скорее возвращаться в лагерь.

Вдалеке пророкотал гром.

«Как дурное предзнаменование...» — промелькнула непрощенная мысль в голове Наташи. Мелькнула — и сразу исчезла за более важными, касающимися поисков пропавшей девушки.

75.

Андрей Семёнович стоял перед тем же окном, из которого несколько часов назад наблюдал за растущей толпой на улице, курил, и мечтал о своей новой жизни. Благодаря тёмной грозовой туче, огромное брюхо которой уже вплотную подбиралось к городу, стемнеет рано, куда раньше, чем обычно.

Это хорошо. Дождь скроет всё. Или хотя бы многое. Дождь очищает, это как природный вариант покаяния. Все грехи уходят в землю вместе с ледяной водой. И если они успеют сбежать из города, пока ливень не ослабнет, то на их отъезд вряд ли обратят особенное внимание.

Затушив сигарету об стол (всё равно ведь придётся всё бросить), Андрей Семёнович повернулся к лестнице и, стараясь не особенно скрипеть разохшимися ступенями, поднялся на несколько ступеней, чтобы заглянуть на второй этаж. Пашка лежал на кровати, повернувшись спиной ко входу, и спал.

«Ну, хоть оделся...»

Андрей Семёнович спустился вниз и, взяв точильный камень из шкафа и намочив его под струёй воды из умывальника, принялся править нож. Сегодня им надо будет сделать всё быстро. Очень хотелось поразвлечься напоследок, прощаясь со старым местом, но...

Ну, разве что немного. Чтобы не терять много времени. Расслабиться на дорожку тоже надо. Над далёким лесом коротко пророкотал гром, словно отзываясь на его усмешку. Андрею Семёновичу показалось, что клинок в его руках холодно сверкнул, отразив далёкую молнию. Хотя, скорее всего, показалось. Грозу ещё не было видно из города.

76.

Марина, раскачиваясь из стороны в сторону и подволакивая ноги, словно зомби, шагала по улице. Её ступни, не привыкшие к долгим прогулкам, горели огнём. Пот высох на лице, остуженном холодным ветром, и теперь щипал кожу. Сердце билось в груди редко и натужно.

Она вернулась в частный сектор лишь после того, как первые дождевые капли упали в пыль, прогоняя прохожих с улиц. Но даже сейчас, шаркая натруженными ногами по щебню в полном одиночестве, Марина не могла себя заставить вернуться домой. Какая-то сила

отталкивала её от дома. Она пыталась убедить себя, что всё дело в Свете, но в глубине души понимала, что на Свету ей наплевать. Сестрица может говорить и думать что угодно.

Погружённая в размышления, Марина кружила по улочкам и переулкам. Дождь постепенно усиливался, но она находила мягкие удары крупных капель по голове и плечам даже приятными. В домах слева и справа от неё зажигались окна, как на виденных в детстве картинках.

«Вот и Андрюша сейчас сидит так...»

Картина представилась ей ужасно ярко: Андрей Семёнович, обхватив голову руками, сидит на табурете посреди кухни, прямо под тусклой, засиженной мухами лампочкой без абажура. Почему именно в такой позе, Марина объяснить не могла. Должно быть, она ассоциировалась у неё с отчаянием с тех самых пор, как её мать, одна растившая двух дочек, возвращалась домой с работы и сидела так по несколько минут, размышляя о том, как ей жить дальше. Или потому, что она сама, бывало, проводила так вечера, пытаясь понять, в какой момент ушла её казавшаяся нескончаемой молодость, оставив её одну в слишком большом доме.

— Андрюша... — прошептала женщина.

И словно в ответ на её шёпот, из полумрака прямо перед ней возник силуэт. Сердце Марины запнулось и тут же помчалось галопом.

«Как чувствовал, что я тут! Как знал!»

Женщина успела даже широко улыбнуться, но уже через два шага улыбка превратилась в звериный оскал. То, что она в полумраке приняла за грузную фигуру своего возлюбленного, обернулось обычной плащ-палаткой. Брезентовой плащ-палаткой, накинутой на сутулые плечи. Всё ещё не веря своим глазам, Марина шагнула вперёд ещё раз... и фигура отшатнулась, рассеивая последние сомнения. Дядька Митяй. Кому ж ещё приспичит по темени и дождю шляться...

— Ах ты, скотина старая...

Широко расставив руки в стороны и сразу сделавшись похожей на разъярённую медведицу, Марина шагнула вперёд. Ей казалось, что её губы и щёки свело, и она вряд ли смогла бы стереть с лица жуткую гримасу, даже если бы захотела. Старик поднял руки, демонстрируя ей открытые ладони. Словно показывая, что ему есть что сказать ей. Он, должно быть, не задумывался о том, что Марина едва ли намерена слушать.

77.

Ливень барабанил по крыше гаража. Молнии, пока ещё редкие, высвечивали щели в стенах старого строения и выхватывали из непроглядной тьмы две фигуры: отца и сына, бок о бок стоявших возле смотровой ямы.

— Не переживай, Пашка. — негромко проговорил Андрей Семёнович. — Скоро всё наладится.

На краткий миг ему захотелось даже приобнять сына за плечи, но он сдержался. Пашка весь день после происшествия с полицейскими держался очень странно, и проверять его реакцию на такое проявление чувств маньяк не хотел.

— Ладно... Пошли.

Андрей Семёнович первым спустился вниз и, не заботясь о шуме и маскировке, сорвал закреплённую на магнитах потайную стенку. Тяжёлый лист железа с наклепленным на него цементом грохнулся о дно ямы, но этот звук утонул в очередном раскате грома.

«Последний раз спускаюсь сюда...» — с неожиданной грустью подумал мужчина,

замерев на краю тёмного спуска.

Знакомые до мельчайших подробностей ступени, ведущие в его чудовищную игровую комнату. Он мог бы сойти по ним даже слепым, глухим и со связанными руками. За долгие годы использования ступени стёрлись, став округлыми с торца.

— Готов?

Пашка снова промолчал. От его немногословности становилось неуютно и жутковато. В другое время отец быстро напомнил бы ему, что, когда задан вопрос, Пашка обязан ответить. И даже закрепил бы повторение этого правила кулаком по зубам. Но не сегодня. Сегодня всё не как всегда.

«В последний раз...» — снова вспыхнула в больном мозгу маньяка дурацкая мысль, и тут же потонула в грохоте и вспышке света. — «Сюда в последний раз. Потом будет новый погреб, на новом месте... Или, наконец, нормальная жизнь!»

Прижав ладонь к стене, мужчина начал спуск. Наконец, под пальцами едва слышно брякнул ключ, словно коротко поприветствовал старый знакомый. Андрей Семёнович снял его с намертво вделанного в стену крючка и с первой попытки вставил в личинку замка, привычным движением повернул три раза. Всё выглядело и звучало как обычно, но чувство неправильности и надрывной трагичности происходящего никак не покидало.

Может, вовсе не ходить туда? Уехать, а девка сама сдохнет, пока её отыщут... Сумка-то с вещами уже лежит в багажнике машины, хоть сейчас отправляйся в путь, беги, скрывайся.

Эта мысль казалась заманчивой. Но оставлять за спиной незавершённые дела Андрей Семёнович не любил. Маньяк глубоко вдохнул и медленно выдохнул, очищая голову от сомнений. И толкнул тяжёлую дубовую дверь, обшитую толстыми листами железа.

78.

На исходе третьих суток замок щёлкнул как обычно: сухо и уверенно. Катя снова вздрогнула, хотя и думала, что успела привыкнуть к этому звуку. Медленно, словно под водой, до боли напрягая мышцы, она отскочила к дальней стене и встала, прижавшись к холодному бетону спиной и прикрывая ладонями промежность. Эмоции, казалось, умершие, снова колыхнулись в её груди, разгоняя сердце и сбивая дыхание. Конец третьего дня. Конец отпущенного срока. Решающий момент, когда она может либо сохранить свою жизнь, либо умереть.

Ощущение собственной смертности и хрупкости своего тела накрыло Катю тяжёлой волной. Девушке захотелось ещё раз увидеть мир. Синее небо, траву, солнце, что угодно. И не так важно, какой ценой. Пока этот час не настал, Катя могла размышлять как угодно, прикидывая все возможные варианты и оценивая шансы. Но сейчас, когда опасность подошла вплотную, не осталось ничего, кроме всепоглощающего желания жить.

Дверь открылась после долгой паузы, показавшейся Кате вечностью. Мучители явились вдвоём, как она и ожидала. Но сегодня они вели себя совершенно не так, как всегда до этого. Старший из них, войдя, едва глянул на вмурованную в пол миску, совершенно не интересуясь её содержимым. Точно так же, как младший едва взглянул на неё саму, хотя раньше буквально пожирал глазами. Особенно после того, как она осталась без одежды.

— Здравствуйте... — чуть слышно прошептала Катя, чтобы прервать молчание.

Мучители не ответили. Сын продолжал стоять, ломая пальцы и глядя себе под ноги, а отец сверлил её тяжёлым взглядом. Он не проходил дальше в камеру, не балагурил, не запугивал её. Он молча стоял, словно ждал чего-то. Но чего?..

— Я... — Катя сглотнула застрявший в горле ком. — Я согласна. Я согласна...

Пашка задёргался, будто через его бесформенное тело пропускали электрический ток. Его пальцы больше не переплетались в сложные фигуры — кисти рук сцепились с такой силой, что костяшки побелели. А заботливый отец устало покачал головой, давая понять, что это уже не важно.

«Почему не важно?.. Ведь трое суток...»

Катя уже всё поняла, хотя и не осознала до конца. Ей стало холодно — не то от этого медленного покачивания головой, не то от долетевшего таки порыва воздуха с запахом озона и свежести, проникшего в камеру, когда за похитителями захлопнулась дверь. И может, и от того и другого вместе.

Поэтому она и не удивилась, когда старший из двух страшных мужчин шагнул вперёд, медленно заводя руку за спину и извлекая из-за неё уже знакомый Кате нож. Широкий клинок на потемневшей от крови деревянной ручке.

Мужчине потребовалось всего три шага, чтобы преодолеть всё разделявшее их расстояние. Три неторопливых, уверенных, тяжёлых шага. Рука с ножом так же медленно пошла назад для короткого замаха. И сразу же, без паузы, змеёй метнулась вперёд. Мужчина бил, не целясь в определённое место. Он планировал обойтись всего двумя движениями: пырнуть в низ живота, а затем, когда Катя согнётся — коротко взмахнуть лезвием по горлу.

Понявшая всё это за доли секунды Катя дёрнулась назад, но стена не дала ей отпрыгнуть. Широко раскрыв рот, она успела лишь выкрикнуть в последний раз своё

согласие... и клинок пробил насквозь её поднявшуюся во время попытки отскочить левую ладонь, метнувшуюся вверх от лобка. Рука маньяка пролетела немного дальше и остриё клинка вошло в живот девушки. Самым кончиком, но и этого хватило, чтобы обжигающая боль хлестнула по её телу. Левую руку свело судорогой, мышцы разом сократились. Дикий вой вырвался из широко раскрывшегося рта.

— Ах ты, сука! — рявкнул Андрей Семёнович, отступая назад и дёргая нож на себя.

Клинок, чуть повернувшийся в ране, резко надавил на одну из костей запястья, и она треснула с оглушительным, как показалось Кате, хрустом. Электрические разряды новой волны боли пронесли по её нервным окончаниям. Паника и жажда выжить переполнили её, приводя в чувство и высвобождая совершенно новые, неизвестные ей до сих пор, запасы энергии.

Катя рванулась в сторону койки, надеясь обойти своего грузного противника. Она двигалась неожиданно легко, словно позабыв о голоде и травмах. Обими ногами заскочив на вонючий матрас, пленница попыталась рвануться к выходу, смутно надеясь, что стоявший возле незапертой двери дурачок не помешает ей. Она сделала шаг по койке, приготовилась к прыжку...

Но в этот момент её настиг Андрей Семёнович. Более тяжёлый и неповоротливый, он значительно более опытный, он повторил почти в точности трюк, который уже проворачивал в лесу. Маньяк не стал разворачиваться следом, не попытался схватить свою жертву, не стал поднимать ногу для подсечки. Он лишь сместился в её сторону, всем весом обрушиваясь в точку пространства, где она только готовилась появиться. Так что в тот самый миг, когда Катины мышцы напряглись, чтобы бросить её вперёд, она ощутила волну жара и прогорклого запаха застарелого пота, исходящую от тела мужчины. А ещё через мгновение, когда сжатые пружины её бёдер и икр уже начали распрямляться, в её корпус врезалось плечо маньяка.

Катя охнула. Огромный вес противника размазал её по стене, и боль от утренних ушибов вернулась, стократно усилившись. И если после первого раза она надеялась, что её кости всё же выдержали, то теперь она поняла ясно: рёбра сломаны. Все звуки стихли. Исчезли запахи. Темнота заволочла помещение. Она ещё смутно ощущала, что рухнула лицом вниз на пол, но это чувство было далёким, будто всё происходило вовсе не с ней. Словно ей лишь рассказывали о происходящем, ровным, лишённым эмоций голосом.

Мужчина устроился на ней верхом. Подсознательно Катя решила, что сейчас её начнут душить. Но вышло иначе. Маньяк сжал в кулаке длинную чёлку девушки и с силой потянул на себя.

«Всё...» — с грустной обречённостью подумала Катя, вдруг совершенно успокоившись.

Она уже почти ощутила, как холодная сталь полусует ей горло, разрезая тонкую кожу и вгрызаясь в плоть... Как нечто странное пронеслось у неё над головой, истошно вереща. Рука маньяка, продолжавшая держать её волосы, дёрнулась назад так сильно, что шея едва не сломалась, дико выгнувшись назад. А потом к ней вернулась возможность дышать. Катя попыталась подняться на ноги, хотя бы привстать, чтобы добраться до такой близкой в этот момент двери, но силы оставили её. Чернильная тьма расползлась перед глазами, и она уронила голову на пол, гулко стукнувшись лбом о бетонный пол.

Пашка не собирался бить Андрея Семёновича. Он вообще ничего делать не собирался — в тот момент, когда Андрей Семёнович уже готовился поднести клинок к горлу девчонки,

управление его телом как будто перехватил кто-то другой. Пронзительно закричав, он сделал всего один шаг для разгона и прыгнул, грузно и неловко, как прыгнул бы любой человек, не привыкший драться с равными противниками. Ему стоило бы выставить вперёд руки и ноги, чтобы смягчить падение, но не сделал он и этого. Пролетев над Катиной головой, как набитый тряпьем мешок, он боком врезался в маньяка, лишь чудом разминувшись с ножом в инстинктивно дёрнувшейся вверх руке.

Удар вышел слабым. Большую часть работы выполнила масса его тела. Андрей Семёнович попытался остановить его полёт и, не находясь он в такой неудобной позе, у него наверняка получилось бы. Но он стоял на одном колене, отставив вторую ногу в сторону — и потому повалился назад, увлекаемый инерцией сына. Коротко и недовольно звякнул нож, чиркнув лезвием по стене.

Маньяк и его отпрыск вскочили на ноги одновременно. Один — переполненный застилавшей глаза яростью, второй — охваченный переходящим в панику страхом. Поднявшись, они замерли друг напротив друга. Оба тяжело дышали, медленно приходя в себя. Оба круглые, разжиревшие от обильной дешёвой еды. Со слоновьих размеров руками и ногами, они казались доисторическими чудовищами по сравнению с хрупкой девушкой, лежащей ничком на полу. И эти чудовища собирались начать битву.

— Зачем... — Андрей Семёнович повёл рукой, показывая, о чём именно он говорит. — Зачем ты, скотина...

Он так и не смог закончить свой вопрос, но Пашка его понял. Либо просто не смог больше удерживать в себе то, что считал нужным сказать.

— Она согласилась, папка! — парень шумно сглотнул. — Сказала, что согласна. Моя жена.

Пальцы Андрея Семёновича сжались, на руке вздулись буграми мышцы. Ему требовалось приложить титанические усилия для того, чтобы не решить проблему так, как у него получалось лучше всего. Он ведь старался быть хорошим отцом, как ни крути.

— Мы не можем взять её с собой...

— Можем! Можем! — Пашка топнул ногой, протестуя. — Можем взять!

По щекам умственно отсталого, сверкая в свете слабенькой лампочки, ползли слёзы. Из левой ноздри вытекла прозрачная сопля и застыла, дрожа, на губе. Зрелище это вызывало одновременно жалость и отвращение. И если бы победила жалость, Андрей Семёнович, возможно, позволил бы дурачку забрать своё сокровище. Какая разница, где её кончать? В подвале, в лесу, на берегу Дона, на дороге...

Но победило отвращение. Отвращение и смутная тревога — маньяку показалось, что Катя слабо пошевелилась на полу.

— Нет. Не можем. Баста. Отвали в сторону!

И, привычно толкнув сына плечом, Андрей Семёнович направился к девушке. Он принял окончательное решение, и Пашка может хоть оборотиться! Девка сдохнет прямо сейчас, на бетонном полу, как собака!..

Боль в правой руке была настолько сильной и неожиданной, что Андрей Семёнович вскрикнул. Ему даже показалось сперва, что он зацепился за что-то, торчащее из стены, предплечьем. Потом — что ему сдавило руку челюстями капкана, невесть как угодившего в комнату. И только после всех этих панических и бредовых мыслей он осознал, что его схватил Пашка. Маньяк удивлённо посмотрел на свою руку. Пальцев сына не хватило, чтобы обхватить её целиком, но держал он крепко. Кривые и толстые, Пашкины пальцы так

глубоко впились в кожу отца, что тот понял с первого взгляда: синяки будут знатные. Подстёгнутая болью, ярость подкатила к горлу, обжигающая, как поднимающаяся из глубины пустого желудка желчь.

— Отпусти...

Андрей Семёнович дёрнулся. Пальцы сжались сильнее. На Пашкином лице читались ужас и отчаяние, он медленно и мелко поворачивал голову из стороны в сторону, словно умолял самого себя послушаться отца. Но непослушные руки жили своей жизнью.

— Папка... Она...

Андрей Семёнович перехватил нож из правой руки в левую ловким, едва ли заметным глазу движением. Человек новый и не привыкший к его методам едва ли успел бы среагировать, но Пашка моментально понял, что собирается делать его отец. Он сотни раз видел, как запертые в подвале жертвы, изуродованные и страдающие, висли на своём мучителе. И как тот сбрасывал их, ловко чиркнув кончиком ножа по сведённым судорогой отчаяния пальцам.

И Пашка успел. Страшно заорав и выпучив глаза от страха, он силой оттолкнул отца от себя, мгновенно разжав пальцы на его туго обтянутом тканью тенниски предплечье. Толчок вышел сильным, но едва ли опасным для человека комплекции Андрея Семёновича. Маньяк лишь сделал два маленьких шага назад. Но и этого хватило: ещё не успев поймать равновесие, мужчина запнулся о Катины ноги и полетел на пол, размахивая руками и стёсывая костяшки о предательски близкие стены. В падении он успел изогнуться, и только потому не снёс себе скальп, воткнувшись головой в угол комнаты. Но вышло ещё хуже — завалившись на бок, он с силой ударился о край вмурованной в пол миски. Нож вылетел из руки, чего ни разу не случалось раньше, скользнул по полу и остановился возле койки.

Пашка стоял, бестолково перетаптываясь на месте. Его переполняли противоречивые чувства. С одной стороны, вид распостёртого отца, над которым стоял он, Пашка, вселял гордость. Отец, его грозный, жестокий и непреклонный отец, лежал, пуская струйку алой крови из виска, и вяло, будто пьяный, шевелился. И сделал это он, Пашка, сам! С другой стороны, эта же картина вызывала страх. Вся его предыдущая жизнь строилась на понимании, наполовину инстинктивном, авторитета отца. И вот сейчас этот авторитет оказался разрушен, а значит, закончилась и его прежняя жизнь.

Эти чувства были слишком сильными для того, чтобы умственно отсталый паренёк смог их до конца осмыслить. Тем более, когда они навалились на него одновременно. И с ним произошло то, что всегда случалось в ситуациях, лежащих за гранью его понимания. Пашка впал в ступор. Он стоял, бестолков двигая руками, перетаптываясь и бормоча вполголоса, пытаясь уложить в своём неразвитом мозге бушевавшие в душе эмоции.

Между тем Андрей Семёнович стал приходить в себя. Открыв глаза, мужчина помедлил мгновение, пытаясь сообразить, насколько он пострадал. Левая сторона лица стала липкой и жутко чесалась от крови. В руке не было ножа, отчего он ощущал себя голым. Как же он...

— Пашка, сучий потрох...

Андрей Семёнович вспомнил произошедшее быстро, словно перед ним загорелась неоновая вывеска. Пашка толкнул его, заставив удариться головой. Сучонок защищает девку. Жену свою. Ярость вернулась моментально, словно и не случалось этого перерыва, когда мужчина лежал, почти что уткнувшись лицом в воняющую мочой миску. Кулаки сжались сами собой.

«Мне и нож не нужен... Разделаю, как бог черепашку...» — подумал он.

Маньяк быстро, насколько ему позволял лишний вес, поднялся на ноги. Пашка заметил это не сразу, но когда увидел — из всех терзавших его чувств остался лишь страх. Отчаянный животный ужас, подогретый пониманием того, что сейчас он умрёт. Медленно и страшно.

— Папка... — прошептал парень. — Я...

Андрей Семёнович левой рукой сгрёб Пашку за грудки. Правую отвёл назад для удара. Сын маньяка зажмурился, скорчив плаксивую гримасу, уже понимая, что должно произойти... И кулак отца врезался ему в зубы. Хрустнули резцы, из разорванных ударом губ потекла кровь.

— Пап... — снова попытался начать Пашка, и снова не смог договорить.

Андрей Семёнович бил неторопливо. Тяжёлый кулак взлетал вверх и, медленно набирая скорость, опускался на голову его сына. С каждым ударом в голове Пашки как будто сверкала молния, и с каждым ударом её пульсирующий свет становился всё ярче. И в этом сиянии парень смог разглядеть одну чёткую мысль: «Сейчас я умру.»

Умственно отсталый не пытался ни защититься, ни уклониться. За годы жизни с отцом от чётко усвоил одну истину: кара за попытку избежать наказания самая страшная. Но никогда её не было такого, чтобы отец пытался забить его до смерти. Твёрдые, как камень, костяшки Андрея Семёновича сминали дряблые Пашкины щёки, уродовали широкий нос, размалывая хрящ и тонкую кость переносицы. Сын чувствовал, как с каждым ударом всё сильнее рвутся его губы, скользя по острым осколкам зубов. А отец и не думал останавливаться...

В самом низу Пашкиного живота возникло неприятное, почти болезненное тянущее чувство, и он жидко обгадился прямо в штаны. Дерьмо потекло по ногам, обжигая, как кислота, и стало просачиваться в ботинки. Андрей Семёнович хрипло рассмеялся, глядя в изуродованное лицо сына:

— Да ты даже подохнуть не...

И насмешка сделал то, чего не смогла сделать жестокость. Впервые в жизни Пашка защитил себя. Его руки выстрелили вперёд со всей доступной им скоростью. Побелевшие от напряжения ладони звонко шлёпнули по шее отца и сжались, комкая плоть, как пластилин. Выражение на лице Андрея Семёновича мгновенно сменилось с торжества и злорадства на непонимание и, наконец, страх. Захрипев, он попытался оттолкнуть от себя сына, но не смог. Пашка проигрывал своему отцу в уме и опыте, но не в силе. Пальцы сжались сильнее, и хрип превратился в сиплый писк, а потом и вовсе стих. Маньяк больше не мог протолкнуть воздух через глотку.

Страх перерос в панику, паника — в отчаяние. Несколько раз Андрей Семёнович шлёпнул Пашку по лицу, но этим шлепкам было далеко до тех мощных ударов, которые он обрушивал на своего отпрыска совсем недавно. Мужчина только сейчас догадался пнуть соперника в пах, но полноценный пинок уже не осилил. Нога лишь приподнялась над полом и тут же упала обратно.

Глаза маньяка вылезли из орбит, и смерть из них посмотрела в заплывшие до состояния узеньких щёлочек глаза Пашки. Последним конвульсивным движением Андрей Семёнович хлопнул себя по заду, пытаясь выхватить нож, уже не помня, что тот выпал из его руки. Язык вывалился изо рта и повис, касаясь сжатых на горле отца Пашкиных рук, но полоумный этого не заметил. Он не разжал пальцев даже когда Андрей Семёнович осел на пол, увлекая его за собой.

Пашка упал на труп своего отца. Он всё ещё сжимал его горло, хотя и чувствовал, что

сопротивление прекратилось.

— Она шкашала... — прошамкал он залитым кровью ртом, царапая бахрому губ об осколки зубов. — Она шкашала, што шаглашна...

80.

Света сидела на кухне в немом оцепении и смотрела, как пляшут тени в свете молний. Эта ночь станет последней, всё яснее осознавала женщина. В Липецкой области нечасто выдавались такие бури. Если говорить точнее, ни одной подобной на её памяти ещё не случилось. К ней едва ли оказались готовы поисковики, рыщущие по лесной чаще, что уж говорить о её дочери.

О её дочери, которая отправилась на прогулку в лес в старой футболке и потёртых джинсах, щёгольски подвёрнутых над кроссовками. Без еды, без воды, без тёплой одежды. Едва Света прикрывала глаза, как перед ней вставала картина: Катина фигурка мечется по лесу, перепуганная громом и молниями. И без того усталая и голодная, сейчас она наверняка умирает. Если она и протянула в лесу трое суток, во что уже почти никто не верил...

Сидеть с закрытыми глазами было слишком страшно, и женщина изо всех сил тарасилась в темноту, то отступавшую в ослепительной вспышке, то заполнявшей кухню, словно ледяная вода отсек тонущего корабля. Последняя ночь. После неё продолжать поиски смысла уже не будет. После неё жизнь уже не сделается такой, как прежде.

81.

А для Дмитрия Юрьевича ночь превратилась в кошмарный сон. В считанные секунды центр бури приблизился к Грачёвску, и теперь гром грохотал прямо у него над головой. Молнии били в землю в бессильной ярости, почти не делая перерывов. Дождь усилился стократно, превратившись в сплошную стену воды, непроницаемую для глаз даже на расстоянии вытянутой руки.

Он едва ли когда-то мог помыслить, что окажется на улице в такую погоду. Ему бы быть дома, как и всем прочим дряхлым старикам и старухам, замершим сейчас на коленях перед трепещущими огоньками лампадок... Но вместо этого он бежал, поминутно оскальзываясь, по улицам Грачёвска, превратившимся в русла для дождевой воды. Щебёнка, невидимая под бурными потоками, разъезжалась под ногами, не давая удерживать равновесие. И его по пятам преследовала Марина, в один миг превратившаяся в разъярённую фурию, готовую убивать, не задумываясь о последствиях.

Не раз и не два дядька Митяй пробегал мимо домов, в окнах которых маслянисто желтели тусклые лампочки и огоньки церковных свечей. Город будто служил панихиду, но старик не знал, по кому льют слёзы жители. Быть может, и по нему.

Он не пытался стучать в двери и окна. Даже если бы кто-то и расслышал отчаянные стуки сквозь гром, стук капель и завывания ветра, никто не решился бы подойти к двери. Тем более отпереть её.

Дождь смыл очертания улиц, превратив знакомый Дмитрию Юрьевичу городок в запутанный тёмный лабиринт. Из которого, как он подозревал, выхода не существовало вовсе. С неба донёсся особенно громкий раскат грома. Земля вздрогнула, и замёрзшие пальцы старика вдруг закололо. В медленно тающих цветных пятнах перед глазами он неожиданно разглядел картину, от которой тошнота подкатила к горлу.

Огромный нарыв, столько времени не дававший ему покоя, лопнул. По кривым улочкам теперь разливался невидимый гной, смешанный с тухлой чёрной кровью и чем-то липким, полупрозрачным... Видение мигнуло и исчезло, не продлившись и секунды. Но теперь

старик уверился, что всё произошло, и продолжало происходить, не случайно.

— Не случайно...

Дядька Митяй вытер лицо от струящейся по нему воды, мешавшейся с потом, и продолжил бег. Огромная фигура разъярённой женщины не отставала от него ни на шаг.

82.

Раскат грома чудовищной силы долетел даже до подвала, в котором находилась Катя. Темница дрогнула, сверху с шорохом осыпался песок. Девушка пришла в себя. И из её глотки моментально вырвался дикий вопль: едва открыв глаза, она увидела над собой кровавую маску, в которую превратил Пашкино лицо маньяк.

— Сё харахо! — выдавил он из себя, растягивая лохмотья кожи, оставшиеся на месте измочаленных губ, в подобие улыбки. — Харахо! Шена!

Смысл сказанного почти не доходил до Кати. Она лежала на узкой койке на спине, ногами к двери. Мышцы саднило, всё тело налилось свинцовой тяжестью. Дышать было тяжело, но, видимо, самые острые приступы боли она перенесла без сознания. Слабо скосив глаза, Катя вздрогнула. Андрей Семёнович, её мучитель, лежал в центре камеры нелепой кучей тряпья. Она не смогла увидеть со своего места на койке, но догадалась, что его руки и ноги раскинуты в стороны, как у морской звезды. Зато она отлично разглядела его шею с багровыми синяками, вытаращенные глаза, налитые кровью, и фиолетовый язык, далеко вывалившийся изо рта.

«Господи...» — Промелькнуло у неё в голове. — «Он же его задушил... Задушил, задушил его...»

Волна радостного облегчения поднялась в груди. Защищало глаза от навернувшихся слёз облегчения. Чёртов садист сдох! Катя хрипло рассмеялась, совершенно забыв о том, что в комнате находится ещё один человек. История закончилась! Катя смеялась и смеялась, дрожа всем телом и время от времени глухо охая, когда тупая боль пронеслась по сломанным рёбрам. Теперь она вернётся домой, к маме, к тётке! Они уже, должно быть, с ума сошли от беспокойства...

— Шаглашна! — громко возвестил Пашка, стоя у изножья кровати.

Катин смех резко оборвался. Кружившая голову эйфория схлынула, оставив после себя понимание, что она по-прежнему пленница. Но теперь её держит в заключении умственно неполноценный едва ли на несколько лет старше неё самой. Похотливый и, возможно, в неё влюблённый. И именно оттого — безумно опасный. Непредсказуемый.

«Он только что убил своего отца.» — безучастно напомнил Кате голос в её голове. — «Ты жива только потому, что успела дать согласие.»

— Согласна! — как можно громче постаралась подтвердить Катя. Теперь она балансировала над пропастью даже не на проволоке, а на тончайшей, невидимой леске. — Согласна!

Она перевела взгляд на выжившего мучителя. Выглядел тот ужасно. Глаза заплыли, превратившись в две узкие щёлки, окружённые иссиня-чёрными подушками вздувшейся кожи. Вся нижняя челюсть представляла собой сплошную рваную рану. Его кадык судорожно дёргался вверх и вниз, и Катя с отвращением догадалась, что парень глотает кровь, текущую ему в глотку. Она поверить не могла, что он продолжает стоять на ногах, что ещё не рухнул следом за своим отцом, медленно умирая от полученных травм. Пашка заговорил, и девушка разглядела, как блестят в свете лампы залитые кровью острые осколки зубов.

— Шена... — изуродованный безумец тяжело сглотнул. — Шена... Шаглашна!

— Конечно! — Горячо подтвердила Катя. — Конечно же, я согласна! Я же сказала!

Обрывки плоти на Пашкиных челюстях разошлись в стороны, обнажая два ряда сломанных зубов, и её едва не стошнило. «Господи, он улыбается...»

— Нам нужен доктор, Паша...

Катя попыталась поменять положение тела и, к её удивлению, смогла сделать это. Видимо, организм впрыснул в кровь новую порцию адреналина. Она чуть поднялась на кушетке, бережно волоча по матрацу повреждённую руку.

— Ни... — дурачок отчаянно замотал головой, разбрызгивая в стороны кровь и слюни. — Ни-ни-ни! — он ткнул в Катю пальцем и произнёс громко и угрожающе: — Шена! Ше-на!

— Мне плохо, Паша. Плохо и больно. И тебе тоже, я ведь знаю, я вижу... Нам нужно к доктору! Пойдём к врачу, пожалуйста!

Пашка задумался. Его раны не могли не доставлять ему боль. Обычный человек уже давно рухнул бы на пол, суча ногами и зовя на помощь. Но только не сын маньяка. У него хватило сил даже на то, чтобы поразмышлять о всей ситуации, склонив голову на бок. В наступившей тишине Катя молилась, призывая на помощь всех богов, каких только знала.

— Ага... — произнёс, наконец, Пашка, и Катя едва не рассмеялась от облегчения. Но дурачок продолжил: — Дотор потом... Сечаш — шена!

И, ловко сунув большие пальцы под резинку тренировочных штанов, парень дёрнул их вниз, мгновенно стаскивая до колен. Взвизгнув, Катя попыталась отползти к дальней стенке, разрывая дистанцию, но тот с неожиданной скоростью бросился вперёд и, схватив её за правую ногу, рывком пододвинул к себе.

— Шаглашна!

И в следующий миг его огромная туша уже придавила девушку к койке. Катя забилась, пытаясь скинуть насильника с себя, но на это у неё не хватило сил. Покалеченная левая рука стукнулась о холодную стену, и рана на ней взорвалась чудовищной болью.

— Нет! — выкрикнула жертва.

— Шаглашна! — проревел в ответ Пашка.

Его изуродованное лицо нависло прямо над Катиным. Не перестававшая идти из многочисленных ран кровь, смешанная со слюной, тягучим потоком полилась ей на лоб и волосы, вызывая зуд и жжение. Девушка попыталась закричать, и парень без раздумий заткнул ей рот ладонью.

Катя почувствовала, как что-то горячее и твёрдое упирается ей в бедро. Окончательно потеряв разум от ужаса, девушка принялась размахивать руками вокруг себя, шаря ладонями по полу и стенам. Её правая рука схватилась за холодную ладонь мёртвого маньяка и она, давась слезами, отдёрнула пальцы.

«Мой первый раз будет с этим... С этим!»

Полная ужаса и отвращения мысль полностью заполнила сознание Кати. Поэтому она не сразу поняла, что произошло, когда рукоять ножа, оброненного маньяком, будто по собственной воле прыгнула ей в ладонь.

— Ш-ш-ш-шена! — по-змеиному прошипел сын маньяка ей прямо в лицо. И в следующий миг Катя с дикой яростью воткнула нож ему в бедро.

83.

Света вздрогнула, когда раздался особенно громкий раскат грома. Посуда на полке над

плитой звякнула, что-то металлическое свалилось на пол в комнате. Женщина торопливо покрутила головой по сторонам, зябко обхватив себя руками. В раскатах грома ей послышался крик, полный не то ужаса, не то радости.

«Да нет... Показалось...»

По её телу медленно расплылось ощущение странной, чуть отдававшей возбуждением уверенности. Будто она приняла решение, над которым долгое время раздумывала. Тяжёлое, но единственно верное.

«Но ведь я ничего не обдумывала...» — подумала Света.

Хотя она и сама понимала, что это неправда. Есть вещи, о которых думает глубинная, звериная часть нашего рассудка. Сознание впадает в ступор, отключаясь, а подсознание в этот момент трудится. Трудится, принимая на себя тяжесть ответственности, на которую никогда не согласился бы разум. Света поднялась на ноги и, проигнорировав выключатель, шагнула в полный дрожащих теней коридор. Её тело уже знало, что нужно делать.

84.

Кате всегда казалось, что проткнуть человеческую плоть ножом чертовски тяжело. Что острière клинка с заметным усилием преодолевает сопротивление эластичной кожи, а мышцы и связки твёрдые, как пластик. Поэтому глубоко в душе она даже удивилась, когда клинок легко и не встретив особенного сопротивления, по самую рукоять вошёл в дряблую Пашкину плоть.

Сумасшедший завыл и вздрогнул всем телом. Grimаса боли исказила его и без того изуродованное лицо. Кровь струёй полилась Кате на руку, но пальцы не разжались на рукояти и не дали ей выскользнуть, когда Пашка резко двинул бедром. Клинок выскочил из его тела, как из растаявшего масла.

Девушка надеялась, что он вскочит с неё или откатится в сторону. Что он попытается зажать рану руками и, хотя бы на мгновение, забудет о ней. Но даже истекая кровью, Пашка не остановился. Беспорядочные и бессмысленные движения тазом участились, дыхание сбилось и вырывалось из распахнутого рта вместе с капельками крови, падавшими Кате на лицо. У него так и не получалось войти в неё, и это будило ярость, придававшую ему сил.

— А! — коротко выкрикнула Катя.

И дурачок, словно откликнувшись на этот звук, мгновенно сжал её горло руками. Катя ощутила, что Пашка нечеловечески, чудовищно силен. Он комкал её горло, как мягкую глину. Девушка чувствовала, как дыхание перехватывает, и пульс начинает стучать в висках. Вернулась боль. Причём одновременно во всём теле, занял каждый ушиб, каждая ссадина. Сломанные рёбра застонали и заскрипели. Левая рука отнялась и повисла плетью. Катя не могла больше даже хрипеть, не говоря уж о криках...

Подвижной оставалась лишь правая рука. Кисть, всё ещё сжимавшая деревянную рукоять, онемела и потеряла чувствительность, но всё ещё слушалась команд мозга. Она как будто увлекала за собой всю остальную руку, заставляя сокращаться измучанные Катини мышцы.

Правая рука плавно отошла в сторону. Чуть поблёскивающий клинок едва заметно дрожал. Пашка особенно яростно двинул тазом между Катиных ног, но так и не смог добиться желаемого. Насильник издал разочарованное ворчание. И Катя ударила.

Ворчание мгновенно перешло в пронзительный визг. Руки на шее девушки сжались в последний раз, едва не выдавив из неё жизнь, и разомкнулись. Пропитанный отвратительной вонью воздух ворвался в её лёгкие. Пленница жадно вдыхала его, наслаждаясь тем, как он

течёт холодным, обжигаяще холодным потоком по её глотке. Она не чувствовала ни миазмов разложения из зловонной дыры в полу, ни густого запаха крови, за последние минуты пропитавшего тесную камеру... Она вдыхала спёртый воздух, поражаясь его сладости, и неосознанно ликовала, слушая Пашкины истеричные вопли.

И всё это время её рука двигалась, не переставая. Клинок-кровопийца полосовал Пашкино брюхо, вспарывая его раз за разом. С каждым ударом девушке становилось всё сложнее двигать рукой, но и остановиться она не могла. Противник оказался пугающе упорен в своём желании жить. Он даже попытался схватить нож за лезвие, чтобы вырвать его из Катиной руки, и ей пришлось приложить огромное усилие, чтобы удержать скользкую от крови рукоять. Острая сталь располосовала кисть дурачка до кости, и девушка сумела нанести ещё несколько слабых ударов. Последний даже не смог преодолеть Пашкину кожу, и лишь оставил у него на боку длинную кровавую царапину.

Мышцы свело, и Катина рука, наконец, упала. Пленница тяжело дышала, хрипя повреждённой глоткой и пытаясь сглотнуть, но во рту не осталось слюны. Боль, на которую ей больше не удавалось не обращать внимания, волнами скользила по её телу, задевая каждый нерв, каждую связку и мышцу... Она внезапно ясно осознала, что уже почти мертва. Скорее всего она погибнет под жирной тушей сумасшедшего паренька, науськанного отцом-маньяком. Если бы не боль, Катя бы рассмеялась.

А Пашка всё ещё жил. Потеряв целую реку крови, и продолжая её терять. С уничтоженным лицом. С располосованным боком и повреждёнными широким клинком внутренними органами. Он сидел на Кате верхом, больно вжимая её таз в койку, пытался зажимать руками страшные раны на боку и выл на одной низкой ноте:

— Аы-ы-ы-ы... Аы-ы-ы-ы...

Катя попыталась вывернуться из-под его туши, но не смогла, сил на это не оставалось. Ноги не слушались, раны саднило так, что приложить даже крохотное усилие, чтобы пошевелить рукой, у неё уже не получалось. Тихонько скуля и плача, девушка расслабилась, оставив попытки вырваться. Она и так сделал куда больше, чем могло бы быть в человеческих силах...

— Ш-ш-ш-шен... — прошипел Пашка, вперив мутный взгляд в свою жертву.

Отпустив рану, зажимать которую с самого начала было бессмысленно, он качнулся вперёд. Чтобы удержать равновесие, Пашка ухватился рукой за стену, и оставил на сером бетоне кровавую полосу.

— Ш-ш-ш-ш... — продолжал хрипеть он, опускаясь всё ниже и ниже, скаля осколки зубов и тараща заплывшие глаза.

Кате вдруг почудилось, что он собирается поцеловать её. Или укусить. Или сделать и то, и другое вместе. Как финальное, предсмертное унижение. Пашка медленно скользил вниз, плавно приближая то, что осталось от его лица, к лицу Кати. С отчаянным криком пленница всё же смогла напрячь правую руку. Та неохотно двинулась, дёрнулась... и снова упала на пол. Больше она не сможет нанести ни одного удара, девушка понимала это, но не могла допустить, чтобы окровавленный монстр притронулся к ней.

Отчаянно извиваясь, Катя подтянула в себе руку со ставшим вдруг невероятно тяжёлым клинком, по-прежнему намертво зажатым в кулаке. Пашка подобрался уже так близко, что она опасалась, что попросту не успеет сделать задуманное...

85.

Дядька Митяй и сам не понял, где оказался. Только что он как мог быстро ковылял по

улице, изо всех сил стараясь не упасть на мокром и скользком щебне. Голова кружилась от напряжения, но он точно знал, что не сбивался с пути. И вдруг под ногами захлюпала жидкая грязь, какая бывает, когда ливень размывает чернозём. Он догадался, что случайно свернул на чей-то участок. Хотел было вернуться назад, но побоялся это делать: преследовательница хоть и отстала на несколько метров, но всё ещё находилась слишком близко.

Очередная вспышка молнии высветила тёмную громаду перед ним. Дом?

Сил продолжать погоню у него уже не было, и оставалось только попытаться спастись, полагаясь на милость неизвестного жильца... Хрипло выругавшись, проклиная все выкуренные за долгую жизнь самокрутки, дядька Митяй бросился вперёд.

— ...гнида старая! — донёс до него ветер обрывок фразы, не исчезнувший в грохоте бури.

Остатки волос на голове старика зашевелились. Марину хороша знали за её вспыльчивый и крутой нрав. А такие люди способны в гневе на многие вещи. Ужасные, ужасные вещи...

Трясаясь от холода и страха, Дмитрий Юрьевич оглянулся. Огромный тёмный силуэт приближался к нему, словно парящий в облаке разноцветных пятен, мельтешивших перед глазами. Она тоже устала, но её подпитывала злость, а это многое значило. Старик доковылял до видневшейся впереди постройки и не смог сдержать крик отчаяния. Сарай! Обычная сараюшка, построенная из неровных кусков металла... В такой не спрячешься. Размахивая костлявыми руками, что выглядело бы смешно в другой ситуации, он попытался обойти постройку, но ощутил внезапный удар по голени и, потеряв равновесие, повалился вперёд, толком даже не успевая выставить руки, чтобы смягчить удар.

Он думал, что окунётся с головой в ледяную грязь, но этого не случилось. Раздался металлический стук и локти старика отозвались резкой болью. Дядька Митяй лежал, распластавшись, на капоте машины. Вспыхнула молния, и он смог различить её цвет.

— Нет! — вздохнул старик. — Нет, нет, нет!

Насыщенного баклажанового цвета машина Зверя словно притаилась за углом, поджидая старика. Как будто она старалась помочь своему владельцу. Белые блики заиграли на треснувшем лобовом стекле, как сардоническая ухмылка.

Старик попытался подняться, но две крепкие ладони уперлись ему в спину и прижали к мокрому металлу.

— Скотина!

Увесистый пинок под зад всколыхнул нутро дядьки Митяя. Ладони на спине старика сжались, стискивая ткань плаща, и женщина поволокла его по земле, как мешок с картошкой. Старик обмяк, даже не пытаясь сопротивляться.

«Утопит в луже, как кутёнка...» — обречённо подумал он.

Но Марина планировала нечто иное. Легко распахнув чуть приоткрытую дверь сарая, она затащила свою жертву внутрь и бросила на пол. Старик почувствовал, что начинает соскальзывать куда-то, попытался уцепиться за край руками, но не успел. Свесившаяся в смотровую яму верхняя половина тела потянула его вниз, и он грузно упал на железку, загрохотавшую в темноте.

— Куда ты? Ах, сука... — прокричала Марина, не сразу понявшая, куда делся дядька Митяй. — Гнида, змея...

Старик не слушал её. До боли сжав губы беззубыми дёснами, он отползал всё дальше в

темноту, пытаясь забиться в угол, надеясь, что в полной темноте Марина его не отыщет. Он едва не потерял равновесие ещё раз, когда его рука ухнула вниз на несколько сантиметров... Торопливо пошарив перед собой, дядька Митяй понял, что нашёл лестницу. Даже не задумываясь о том, откуда она могла взяться в смотровой яме, он на карачках двинулся вперёд, стараясь производить как можно меньше шума.

86.

Катя, с трудом подняв руку с ножом на узкую кушетку, замерла, переводя дух. Пашка, стремительно терявший кровь, плавал на границе между жизнью и смертью, с поразительным упорством не поддаваясь усилиям старухи с косой. Он продолжал скользить окровавленной ладонью по стене, продолжал медленно клониться вниз, его ужасный изувеченный оскал всё приближался к лицу девушки...

С тихим стоном приподняв руку, она положила её на грудь. Холодное лезвие, словно ни на градус не потеплевшее от пролитой на него крови, пощекотало верх живота и чуть царапнуло бледную кожу. Оно призвало пошевелиться, не терять времени даром. Его ведь и так дьявольски мало осталось.

Последним усилием Катя совершила то, что уже не считала возможным. Она приподняла левую руку и двинула её навстречу правой. Ладони, пробитая клинком и окаменевшая от перенапряжения, встретились у неё на груди. Не отрывая глаз от лица своего врага, девушка уперла рукоять ножа в грудину и позволила себе немного расслабиться. Половина дела сделана. Теперь осталось только ждать.

Пашка опускался всё ниже и ниже, и Катя, зачарованная этим отвратительным зрелищем, наблюдала за тем, как его рыхлая плоть встречается с отточенной сталью. Сперва кончик ножа приподнял повисшую вниз ткань футболки, тяжёлую от впитавшейся крови, вдавливая её всё глубже в кожу Пашки, но не прорезая её. Появилась боль в груди, а рукоять ножа заплясала в ладони, стремясь уйти в сторону, но Катя стиснула правую руку левой, удерживая её на месте.

Кожа и ткань не выдержали, казалось, одновременно. Натянувшийся было конус ткани стремительно упал вниз, сквозь волокна быстро проступили новые капли крови. Затем алые струйки заскользили по лезвию к пальцам пленницы. Боль в груди слегка отступила, но мгновением позже вернулась с новой силой. Катя поняла, что клинок упёрся в кость.

Пашка замер в хрупком равновесии. Он слабо рванулся вперёд, и Катя вскрикнула от боли, когда рукоять ножа едва не смяла её грудь. Она даже понадеялась, что сейчас сидящее на ней верхом чудовище свалится на пол, но и этого не произошло.

— Ш... — хрипло выплюнул Пашка. — Ше...

Он изо всех сил вытянул шею вперёд, чтобы дотянуться до Кати изорванным в клочья губами. Девушка попыталась отодвинуть свою голову, отвернуться, выскользнуть из-под своего мучителя... И лезвие, прочертив глубокую бороздку по ребру безумца, быстро скользнуло между костей его грудного каркаса. Холодная сталь нетерпеливо нырнула в тело, пробивая сердце насквозь.

Пашка задрожал. Его ноги напряглись так сильно, что едва не раздавили таз Кати. Огромный сгусток крови ужасающе медленно скользнул вверх по сокращающейся от агонии глотке.

— Нет! — выкрикнула Катя. — Нет!

Она ещё успела разглядеть удивлённые и обиженные глаза Пашки, застывшие прямо над ней, на расстоянии всего лишь рукояти ножа, и лицо ей залил кровавый поток. Катя забилась

на кровати, но грузный труп не давал ей шевельнуться. Грудь горела огнём, рёбра трещали под навалившимся на них весом, глаза невыносимо щипало от заливавшей их крови. Вязкая жидкость, обильно тёкшая в рот и нос девушки, душила её, застревая в горле склизкими комками.

87.

Света присела у окна и плавным, немного театральным жестом извлекла из кармана мобильный телефон. Она думала, что во время грозы едва ли сможет дозвониться до кого-то, но проблем с этим не оказалось. Четыре «палки» сигнала, всё хорошо.

Покачав трубку в ладони, она хотела отложить её в сторону, но передумала. Быстро пролистав адресную книгу, Света нажала на имя дочери.

— Абонент вне зоны действия сети.

Кривая ухмылка исказила лицо женщины, в свете молний казавшееся лицом восковой фигуры. Тонкие пальцы скользнули по экрану. Марина. Старшая сестра отвечать не торопилась. Будто не слышала. Или не хотела слышать. Она вообще всю жизнь никого не хотела слышать. Марина все справедливо считали настоящей тварью, но сейчас Света не отказалась бы и от такого общества. Что уж там — она радовалась бы, окажись её сестра рядом... Но та, очевидно, пережидала шторм у знакомых. Или у своего ненаглядного Андрея Семёновича. Сбросив вызов, Светлана некоторое время бесцельно мотала список контактов вверх и вниз. Приятели, давно ставшие чужими. Знакомые знакомых, к которым приходилось обращаться, чтобы получить какую-нибудь помощь. Или те, которым требовалась помощь от неё.

Палец женщины на некоторое время завис над первым контактом в списке. Артём. Она хотела было пролистать дальше, но, передумав, решительно нажала на имя. Он даже соизволил подойти к телефону, что было удивительно.

— Светик? — спросил он весело.

На фоне его голоса Света расслышала шум бара. Пьяные голоса, незамысловатый заводной мотивчик.

— Артём? — отозвалась Света.

— А, это ты... — в голосе бывшего мужа явственно проскользнуло разочарование.

«Интересно, с кем он меня перепутал?»

— Что, Катю нашли? — поинтересовался мужчина и тут же рявкнул: — Алло! Нашли?!

Шум на фоне усилился. Света молчала.

— Свет! Ты тут? Нашли Катю?!

— Нет, не нашли... — тихо ответила Света.

— Чего?! — проорал Артём. — Что ты говоришь?!

На фоне раздался взрыв хохота. Света прервала звонок и аккуратно положила телефон на стол. Медленно досчитала до десяти, но никто не перезвонил.

Ещё раз ухмыльнувшись, женщина покачала головой и поднялась из-за стола. Выходит, она не ошиблась. Света не знала, где сестра хранит верёвки, и есть ли они вообще в доме. Но долго ли срезать ту, на которой болтается промокшее под ливнем бельё?

88.

Дмитрий Юрьевич соскользнул на несколько ступеней вниз. Вспышки молний освещали старенький сарай, подсвечивая его пространство, и Марина наверняка уже сообразила, куда он делся. В запасе у него оставалось всего несколько секунд, прежде чем она сообразит, как спустить свою тушу в яму. Ломая ногти о ступени, старик всё полз и полз

вниз, плохо осознавая, куда же он движется.

Наконец, его макушка уперлась во что-то холодное. Встав на колени, старик зашарил по препятствию руками. Гладкий металл едва ощутимо шуршал под заскорузлыми ладонями... Дверь? Ручка попала под руку. Не думая о том, куда он попадёт, и не надеясь на то, что замок поддастся, старик надавил на неё.

Мягко щёлкнула пружина, и толстая самодельная дверь отворилась. Полоска жёлтого электрического света легла на кирпичные ступени, стоптанные за многие годы использования. Волна тошнотворной вони заставила дядьку Митяя закашляться.

— Во-о-от ты где! — крикнула сверху Марина. — Сейчас я тебя найду, скотина...

Громыкнул под её ногами лист железа, но старик этого уже не слышал. В его голове нарастал белый шум, похожий на звуки помех на радио. А перед глазами поплыли, сменяя друг друга, ужасные картины. Мерзкие тени, изгибаясь и протягивая во все стороны свои уродливые конечности, рвались из-за металлической двери. Невидимый гной, воняя разложением, дерьмом и кровью, заполнил идущий вниз коридор, на дне которого он лежал. Старик прикрыл глаза и изо всех сил сжал лицо широкими ладонями. Его голова закружилась, и он рухнул вперёд, распахивая тяжёлую дверь настежь.

89.

Ледяной воздух, пахнувший дождём и озоном, ворвался в камеру вместе с шумом грозы. Катя почувствовала, что кто-то словно приложил мягкую прохладную ладонь к её лбу. Дышать стало немного легче. Она с трудом разлепила глаза, преодолевая сопротивление запёкшейся плотной коркой крови. Ужасная Пашкина физиономия нависала над ней, закрывая обзор, но больше не кровоточила. Крови в плотке тоже не чувствовалось, и девушка постаралась не думать о том, куда она делась.

«Выпила её...»

Слышалась возня, кто-то пытался ползти по полу.

«Это... Это он. Пашка не убил его. Он пришёл в себя и сейчас встанет на ноги.»

Катя снова зажмурилась, опасаясь громогласного рёва маньяка, увидевшего труп сына, но ничего не произошло. Шорохи затихли. Зато раздались торопливые шаги за дверью.

— Что тута... — раздался смутно знакомый голос.

А потом, через крохотную паузу, кто-то завизжал. Хрипловатый пронзительный вой перекрыл все остальные звуки: стук капель по металлу, вой ветра и громовые раскаты.

— Божечки! Божечки! Андрюша! — выкрикнул тот же голос. — Да что ж тут делается!

Катя захотела позвать на помощь. Широко раскрыв рот, она попыталась крикнуть, но воздух вышел из лёгких слабым порывом, лишь надувшим кровавый пузырь на её губах. Снова вдохнув как можно глубже, она повторила попытку. В этот раз у неё вышел тихий хрип. Но похоже было, что этого хватило. Чьи-то ладони легли на Пашкины плечи, и его тяжёлое тело откатилось в сторону. Девушка с шумом вдохнула воздух расправившимися лёгкими, не обращая внимания на взрыв ослепительной боли в грудной клетке. Рукоять ножа выскользнула из пальцев.

— Божечки... — повторил голос, но уже без того ужаса, который звучал в нём совсем недавно. — Как же ты их... Божечки...

С трудом сфокусировав зрение, Катя увидела, что над ней стоит тётя Марина. Смертельно бледная, с побелевшими от шока глазами.

— Что ж это... — прошептала женщина.

Катя слабо улыбнулась, не до конца понимая, что тут делает её родственница. Она с

трудом приподняла правую руку, желая прикоснуться к женщине, но та отшатнулась от неё, вцепившись руками в свои пухлые щёки. Короткие ногти царапали кожу, оставляя под глазами длинные кровавые полосы.

— Что ж это, божечки, божечки... Что ты натворила, что ты наделала... — твердила тётя Марина, как заведённая.

Потом её лицо пропало из поля зрения.

90.

Ведомый странным, даже противоестественным, беспокойством, Артём вышел из бара. Прохладный ночной воздух приятно погладил его лицо ветерком. Вокруг тихо шумела, успокаивающе шепча, ночная Москва. Достав из кармана пиджака мобильник, Артём быстро набрал номер бывшей жены, отыскав его в истории звонков.

Послышались длинные гудки, изредка перебиваемые помехами. Первый, второй... Артём дотерпел до шестого. Тягуче сплюнув на асфальт, он сбросил вызов и повернулся ко входу в бар.

— Дура, блин...

91.

Катя полежала некоторое время, слушая всхлипы своей тётки и прислушиваясь к ощущениям организма. Болела каждая мышца, каждая клеточка её тела. Но сердце продолжало биться, лёгкие расправлялись и съёживались, всасывая и выпуская воздух. Наконец, она решилась.

Слабо кряхтя и помогая себе здоровой рукой, Катя медленно приподняла верхнюю половину тела над койкой. Потом так же медленно села. Голова кружилась, и картинка перед глазами слегка расплывалась, но главное она поняла. Маньяк мёртв. Дверь раскрыта нараспашку. Она свободна. Тихий смешок зародился в глубине её груди, но причинил боль и рассеялся, не добравшись до губ. Осторожно и неторопливо Катя поднялась на ноги.

Пол из серого превратился в бордовый от заливавшей его крови, отчасти и её собственной. Девушке пришлось потрудиться, чтобы не рухнуть вниз, поскользнувшись. Глупо улыбаясь, она осторожно переступила через торчащие в стороны ноги Пашки. На его промежность, ничем не прикрытую, она старалась не смотреть. Потом на неё пути возникло ещё препятствие. Приглядевшись, она поняла, что это смутно знакомый старик. Не то Митяй, не то Витяй. Он или умер, или потерял сознание. Впрочем, это сейчас волновало Катю не больше, чем тётя Марина, скорчившаяся у стены камеры. Родственница продолжала причитать, раздирая своё лицо.

Пошатываясь, Катя шагнула из подвала. От свежего воздуха и ощущения обретённой после стольких страданий свободы у неё кружилась голова. Осторожно держась за стену правой рукой, а покалеченную левую прижав к груди, она поднималась вверх по лестнице. Как миновала гараж, девушка толком и не помнила, как и о том, каким образом смогла выбраться из смотровой ямы. Будто шагнула из вонючей темницы напрямиком на улицу.

Шторм закончился, выродившись в сильный дождь. Упругие прохладные струи заскользили по коже, лаская и поглаживая. Кровавая маска на лице размокла. Катя шагала по улицам притихшего, перепуганного бурей Грачёвска. Холод от воды и ветра притупил боль. Она шла, и бордовые ручейки стекали по её телу, оставляя следы, которые тут же исчезали, смываемые бурными потоками. Катя чувствовала себя разбитой, сломанной игрушкой. Перед глазами скакали разноцветные пятна, то вспыхивая, то затухая. Ей необходимо было увидеть человека, который принял бы её, обнял, приласкал, обогрел и

помог. Кате необходимо было увидеть маму.

— Мама... — едва слышно шепнула она. — Я иду, мам...

Девушка, трое суток считавшаяся пропавшей в лесу, шла по знакомой с детства улице, безошибочно отыскивая дорогу домой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net